

*Игрушечник
Пётр Африкантов*

Сказки о Саратове

и саратовской глиняной игрушке

Саратов 2015

5

П.П. Африкантов

Сказки о Саратове

роман

«СТАРЫЙ ДОМ ПОД ЧЕРЕПИЧНОЙ
КРЫШЕЙ»
(часть первая)

Книга пятая

Саратов
2015.

Африкантов П.П.

СКАЗКИ О САРАТОВЕ. Книга 5.

Старый дом под черепичной крышей. Роман. Часть первая. 268 стр. г. 2015 .

В романе «Старый дом под черепичной крышей» рассказывается о поисках утерянной старинной глиняной игрушки города. В поисках участвуют различные группы детей и взрослых. У них разные цели поиска и разные возможности. Раздумья героев, желания, жизненная философия, поведенческие ориентиры составляют сюжетные линии произведения.

Глиняным игрушкам автор в произведении отводит особое место. Они умные, деятельные, подвижные со своими характерами наклонностями, имеющие собственные жизненные позиции и эти позиции отстаивающие.

Предназначена для широкого круга читателей.

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование

П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод
«Римкер».

© П.П. Африкантов, 2015

ОТВЕРЖЕННЫЕ И ПОЗАБЫТЫЕ

Часть первая

Вступление

Эту историю мне рассказал профессор – Вениамин Павлович Позолотин, человек интеллигентный, большого ума и необычайной доброты. Он так мне и сказал, что если б сам не был участником тех событий, то ни за что бы не поверил в их реальность и посчитал бы всё произошедшее за досужие вымыслы и пустопорожние байки и попросил меня, за неимением времени у самого, так как улетал на симпозиум в Стокгольм, записать эту историю и изложить её последовательно и по мере сил художественно. Особой художественности в изложении я ему не обещал, а вот то, что перескажу всё в точности и даже слово в слово, за то поручился. Итак, слушайте.

Глава 1. **Отверженные и позабытые**

Загородные сумерки. Скоро, совсем скоро вылезет из ближайшего оврага лохматым привидением ночь и осторожно поползёт на запад.

Тихо. Всё примолкло при её приближении. Вот лохматая выпозла из оврага, ткнулась мохнатым носом в наполовину облупившийся ствол высохшей осины, что стоит рядом с покосившимся бетонным забором городской свалки, поднялась на задние лапы и тронула передними хрупкие нижние веточки. Вздрогнули ветки, потревожив сон сидевшей на су-

ку древней горбатой вороны, на что та, ещё больше сгорбившись, втянула плешивую голову между крыл, засунув поглубже усатый клюв в перья и ворчливо выдохнула своё воронье: «Кра-ха-хе...».

Немного погодя на фоне дубового леса, ещё более тёмного, чем пространство вокруг, проявилось внушительных размеров медленно движущееся тёмное пятно. Что это, или кто? – неизвестно. Очертания пятна вряд ли могут напомнить кого из крупных диких животных, живущих в здешних краях, но это животное. Ни вдоха, ни гласа, только слышно, как приходят в движение под его могучей поступью овражные осыпи. Говорят, что это «Хранитель», но это не так, это не хранитель, это «Собиратель». Хранитель придёт позже.

Никто и никак не отреагировал на его появление, лишь одна плешивая ворона повернула в сторону таинственного пятна крючковатый нос, затем повернула этот нос в сторону мусорной свалки, откуда слышались непонятные скрипучие звуки и, не найдя в этих явлениях подлунного мира ничего необычного, задремала.

.....

– Кр-е-х – раздался звук со стороны бетонного забора. Этот звук произнесли скрипучие петли двери сторожевого вагончика на территории городской свалки. Дверь вагончика приоткрылась и из неё высунулась по пояс голая фигура человека.

– Профессор, а, профессор!! Где эта сивая морда шляется?! – раздался из-за бетонного забора сипатый пропитой голос.– Я тебя спрашиваю – учёная харя... где ты есть? Светило науки... Иди... посвети... ни хрена не вижу... Где ты есть?.. Золотой ты наш. – Говоривший ехидно хихикнул. – Не-е-т... – ты только позолоченный, до золотого тебе далеко-о-о. Иначе твоя фамилия была бы «Золотов», а ты только По-зо-ло-тин... не шедевр... А если бы был Золотов, то был бы человек, а не бомж на городской свалке.

Обладателю голоса явно нравилось изрыгать брань на этого Позолотина. Встречаются такие люди чаще из разряда ничтожеств, которые заимеют хотя бы какую-либо над кем власть, то уж считают себя вершителями судеб и никак ни меньше.

– Подойди, объясни диспозицию,– продолжал голос,– иначе я тебя урою...

Взвизгнула раскрывшаяся, теперь уже настезь, дверь вагончика, служащего на свалке караулкой, диспетчерской и бог знает чем ещё; жёлтое пятно света вывалилось в дверной проём, упало на землю и замерло. Так ничего и не осветив вокруг, оно просто лежало на земле, как пупыристая большая жаба с выкаченными глазами, которые невидяще смотрели в такое же пустое, чёрное и бессмысленное над головой ночное пространство.

На пороге раскрытой двери вагончика появился заспанный, с взлохмаченными редкими волосами,

слегка покачивающийся человек. Эти слова принадлежали ему. Видно он накануне изрядно набрался, и теперь пытался привести себя в чувство и выяснить обстановку, так как в голове его перепуталось не только время, но и место его нахождения. Единственное, что этот человек знал, это то, что профессор должен быть всегда рядом и обязан являться по первому его зову, а тут его нет. Это непорядок. А кто, тогда ему, Симе – главному распорядителю, одновременно сторожу и диспетчеру городской свалки разъяснит, какое сейчас время суток: утро, вечер или ночь и укажет час?

Немного погодя, в световом пятне появился маленький худенький старичок, Он шагнул в световое пятно из темноты. Жёлтая световая жаба под его ногами недовольно квакнула, пошевелилась и ещё больше выпучила лупоглазое око, с целью лучше рассмотреть того, кто смел нарушить её покой и нельзя ли употребить этого бедолагу в поздний ужин. Жабий глаз поворочался туда-сюда, посмотрел, хлопнул раза два морщинистыми одутловатыми веками и тут же закрылся недовольный худобой и костлявостью старичка. Пришедший человек в порванной и через край зашитой рубахе и штанах, застёгнутых на одну пуговицу, с лямкой через плечо, мог только испортить аппетит и ничего больше. «Фу! Неинтересно и даже противно», – подумала жаба и недовольно съежила пупыристую кожу.

Хотя одежда старичка была и зашарпана, лицо же и манеры говорить, выдавали человека культурного и образованного.

– Я здесь, – проговорил старичок немного испуганно и чуть склонил голову набок. Во всей его фигурке: в склонённой седенькой голове, в немного растопыренных в коленях ногах и обвислых плечах сквозила абсолютная покорность.

– Вижу что здесь!.. не слепой!.., – раздался опять тот же голос, – а вот ты, наоборот, у меня сейчас ослепнешь... Это тебе Сима говорит, а у него слово с делом не расходится, сам знаешь...!! Что, не видишь, что Сима встал и ему надо уяснить диспозицию!?

– Да, хозяин, – вкрадчиво сказал старичок, ещё больше склонив голову, тем самым показывая свою уже не абсолютную покорность, а сверхпокорность; такую покорность, которую только можно умозрительно представить, но описать уже никак нельзя, потому как имеющиеся образы никоим образом не идут с ней ни в какое сравнение.

– Не правильно отвечаешь! – надменно пробасил Сима. – Я тебе не хозяин, я твой начальник, а хозяин у нас один – сам Фома Фомич! – и, назвавшийся Симой человек, поднял палец кверху, как бы указывая, на особое величие этого Фомы Фомича, а может быть его перст указывал на небо, в знак особой богоизбранности этого Фомы Фомича, который,

в общем-то, являлся ни кем иным, как директором городской мусорной свалки.

– А чтобы ты, учёная каналья, впредь понимал перед кем стоишь, а стоишь ты, повторяю, перед самим Симой, то тебе за это следует долбан, – и он, приставив к лысине профессора три пальца, оттянул средний и резко отпустил, больно ударив профессора в затылок, после чего на голове несчастного сразу появился малиновый рубец. – Это тебе не Рио-де-Жанейро, за непочитание старших положено, а теперь пошёл вон, рваная черепаха, а ещё говорит, что лекции в Сорбонне читал, падаль... Ха-ха-ха!! Ещё скажи, что ты в Рио-де-Жанейро был...

– И в нём тоже..., – тихо сказал пришедший.

– А это ты, братец,... загну-ул. Удивлённо произнёс Сима. – За враньё положен долбан, но я сегодня добрый, иди, откуда пришёл, кочерыжка плешивая.

Старичок поклонился и, не разгибаясь, стал пятиться, через несколько секунд ступил в темноту и исчез, а Сима продолжал ругаться и посылать вслед старичку неллицеприятные слова:

– И помни, что ты давно не профессор!! – громко говорил Сима в пространство ночи.– Кхе... кхе... кхе... Я тебя разжаловал. Ты господин – «никто», понимаешь? «Ни-кто» и звать тебя ни-как. – И человек, затрясся в неудержимом хохоте, затем дверь с тем же противным визгом захлопнулась и вместе с её закрытием в вагончик, облизнувшись и

громко чмокнув губами, впрыгнула грязно-жёлтая световая жаба.

.....

– Вот мразь, – проговорил профессор, втискиваясь в тесную дощатую хибарку, приютившуюся в дальнем углу территории свалки о двух ржавых кроватях, стоящих одна на другой и маленьким оконцем, в стене, в которое был вставлен осколок зеленоватого стекла.

В этой хибарке Вениамин Павлович Позолотин живёт вместе с таким же бедолагой как и он – художником Крокычем. Оба они приживалы городской мусорной свалки. Семён Ваганович Крокыч в отличии от профессора высок, красив, статен, с вьющейся шевелюрой чёрных как смоль мягких волос, которые всегда спадают вниз и красиво обрамляют его тонкое с необыкновенно живыми глазами лицо. Главным украшением этого, как я уже сказал, «необыкновенно живого лица» является очень изящный чуть-чуть длинноватый с горбинкой по середине аристократический нос. Этот нос показывал, что его обладатель – человек чувственный, эмоциональный, тонкий, а высокий лоб говорил о его недюжинных мыслительных способностях. Внешне он немного походил на писателя Гоголя.

Семён Ваганович всегда очень следит за своей внешностью и хотя, одежда его была с той же свалки, но костюм на нём сидит всегда очень аккуратно,

ботинки не стоптаны, он их вовремя подколачивает какой-нибудь резинкой, не давая им окончательно изорваться и по внешнему виду он мало походит на бомжа, а точнее сказать, в его внешнем виде не было даже следов бомжевания. Про него можно даже сказать, что в обстановке, в которой он находится, по сравнению с другими бедолагами задворков сегодняшнего мира, – он эстет. Слово «эстет», отбрасывает не только его манеру говорить, следить за своим внешним видом, но относится и к образу его мыслей, которые всегда проявляются в разговоре с профессором самым изысканным и деликатным образом. Поговаривали, что он и не бомж совсем, а имеет в городе квартиру, только отдал её какой-то беженке с горячей точки из ближнего зарубежья с многочисленным семейством, а сам переселился сюда, сколотив себе эту дощатую хибарку без какого-либо комфорта и даже без элементарных жизненных условий и стал рисовать. Возможно всё это и враки, только на него это очень похоже. Именно человек высочайшей культуры и внутренней самоорганизации так и мог поступить. Мир денег, золота и гламура мстил художнику за добровольный уход на задворки от сверкающих прелестей мира, но он не обращал на это внимания. Крокыч всегда был весел и только, когда садился за мольберт, то сосредоточившись, уходил в себя и становился таинственно угрюм, а в часы наивысшего напряжения даже жёл-

чен. Кровь как бы отливала от его лица, а глаза уходили глубже в синету подбровных дуг. Рисовал же он с упоением, иногда днями просиживая за этюдами. Выберет какую-нибудь заплесневелую кадку из - под рыбы, прикрепит на неё планшет и рисует, рисует, рисует.

Вениамин Павлович, как никто другой, понимал своего друга и нередко буквально приволакивал его с «натуры» и приводил в чувство холодной водой и настойкой валерьянового корня. Так произошло и в этот раз. Позолотин даёт настойку художнику укоризненно говоря: «Зачем же вы, дружище, паритесь на солнце, да ещё около этой вонючей кадки? Это, право, не полезно ни вам, ни вашей картине. Вы должны жалеть себя, потому как ваше тело – это храмина божия и Создателю совсем неприятно, что вы, созданное им тело, разрушаете... Вы не имеете никакого права разрушать то, чего не создавали. Вы, милейший, вандал.

– Это я вандал!! – возвысил голос Крокыч.

– Так чему вы удивляетесь, дорогой!? Вы хотите сказать, что художники не могут быть вандалами?

– А вот тут вы, уважаемый профессор, не правы и решительно не правы! – начинал, как всегда, оспаривать Вениамина Павловича художник. Глаза его при этом загорались и он тут же начинал объяснять профессору с жаром, что он не маляр, а художник: «Я должен реализовать данный мне Творцом талант и он меня простит за чрезмерное рвение,

этим рвением я увеличиваю славу Создателя... Чем же я плох? Разве только плох тем, что не закопал свой талант в мусор, а пытаюсь его умножить?»

– И для этого обязательно нужна тухлая бочка на солнцепёке? – Без тени насмешки и с любовью спрашивает профессор.

– Это только маляр рисует то, что видит, – запальчиво начал объяснять Крокыч, – а я художник и должен при помощи красок передать не только видимое, но и невидимое, например запахи, а не просто нарисовать воздух, хотя и воздух тоже, но обязательно наполнить этот воздух живыми запахами, звуками... Да, да, любезный,... именно живыми запахами и звуками и тогда картина становится иным миром, а её рамка просто преддверием в него. Но и это не всё, дорогой друг. Рисуя, я всегда имею в виду, что воспроизвожу только частичку мира, но через эту частичку я стремлюсь показать весь мир.

– И через рваную галошу на переднем плане вашей картины, с изношенной матерчатой подбойкой, с невыцветшей тканью на отогнутом уголке? – спрашивает совершенно серьёзно профессор.

Надо сказать, что они никогда не высмеивали друг друга и ко всему, казавшемуся простому человеку обыкновенной глупостью, относились весьма серьёзно, потому что знали – за этой «глупостью», стоит, пока неосознанная и ими до конца непонятая реальность. Спорили они иногда подолгу, но всегда,

даже в непримиримом споре относились друг к другу весьма уважительно. Вот и теперь они опять выясняют взгляды на мир и искусство.

– Вот именно... вот именно, – заулыбался Семён Ваганович, – а я ведь знал, что вы заметите этот чистенький лоскутик на старой рваной галоше... знал... Добрейший мой человек, а не кажется ли вам, что жизнь в миру сродни этой многотерпеливой обуви? И нет на ней уже ничего, чего бы не коснулись камни, гвозди, зной и грязь и только, уже в выброшенной на свалку и совершенно искалеченной, в ней ещё теплится её оголённый, трепещущий и никому не подвластный дух и новизна, которые и выражаются через этот удивительно чистенький, можно сказать, первозданный матерчатый уголок подбойки.

– Что-то сударь очень глубоко, для обычного понимания, – мягко проговорил профессор.

– Ни сколько... – взволнованно сказал художник, – это только частичка рисунка, и она, оторванная от картины, требует пояснения, а на большом полотне это будет не только непонятно, но просто будет резать душу своей бесконечной правдивостью. Торжество пошлости современного мира будет повергнуто!.. Между прочим чрезмерное накопительство и мода это тоже пошлость...

– Да... да... я, кажется, понял идею... вы меня, Ваганыч, простите...

Вдруг художник схватил профессора за руку, прижал её к своей груди, от этого могло показаться, что он сумасшедший. Возможно, и мелькнула бы такая мысль у обывателя, но только не у Вениамина Павловича, потому что и он относился к такому же разряду людей, чья переполненная страданиями душа тоже нередко искала выход в таких же необъяснимых всплесках энергии и торжествах провиденья. Только в такие моменты Позолотина уже поддерживал и этой поддержкой успокаивал и ободрял Семён Ваганович. Это действовало на обоих отрезвляюще. Вот и сейчас художник, почувствовав заботу и понимание, разом пришёл в себя, точнее перешёл из своего глубинного мира духа, в котором только что пребывал, в этот мир и сказал немного укоризненно, обращаясь к профессору:

– Зачем вы пьяному Симе на глаза показываетесь, – покричит... покричит и бросит, а..?

– Так выгонит отсюда и этого крова лишимся, а тут, крыша над головой, какая никакая еда находится, дровишек насобирать можно, печку протопить, когда холодно...

– Он же Фомы Фомича шавка, этот Сима, – поясняет Семён Ваганович, – сам боится, что его хозяин турнёт, вот и служит верой и правдой и неправдой тоже. По сути, он такой же бездомный как и мы, у него кроме этого, казённого вагончика ничего нет.

– Бездомный-то он бездомный, а власть имеет, приближённый, так сказать, к телу, – докончил профессор.

– Сволочь он порядочная, почище своего хозяина, гнида кусучая, – зло сказал Крокыч. Меня он старается не трогать, а вас не боится, потому, как вы позже меня появились на свалке, а я помню то время, когда он сам сапоги Митяю лизал и на вашем месте спал.

– А кто такой Митяй?

– Был тут до Симы, такой же, как и он хмырь, Митяем звали. Он Симе долбанков отвешивал, за непочтение старших. Сима эту систему с обворовыванием бомжей придумал, а не Митяй. Раньше тут так не было. – Что человек на свалке нашёл, то и его, а Сима другие порядки завёл – мзду с каждой найденной бутылки берёт, а не дашь – в шею. А если кто чего утаил, так или оброк наложит, или на неделю от свалки отлучит. Что вам говорить, вы и сами это хорошо знаете... При Митяе было вольготнее, хотя гнида была ещё та. Вспоминать то, как с ним расплачивались неимущие, стыдно. У того были свои тараканы в голове.

– А куда Митяй делся?

– Опился и умер на мусорной куче, а этот на его место, в прихлебатели махнул. Он меня за это не любит и побаивается, что я его подноготную помню.

Других, кто его раньше знал, он всех со свалки выкурил, разбрелись кто куда.

– А чего он на меня взъелся? – спросил Позолотин.

– Так он терпеть не может тех, кто грамотнее его. Вы - профессор, а у Симы семь классов школы и восьмой коридор, куда его постоянно выставляли, да срок на зоне в придачу.

– А чего вы ему не скажете?

– Я сам по себе живу, в чужие дела не лезу, вот он меня и терпит.

– Послушай, Крокыч, может Симу поставить на место?

– Не поставишь, – заметил Семён Ваганович. – У них сила. Ты думаешь, он бы так издевался, если бы не директор свалки? Тот всю эту пирамиду выстроил. – Семён Ваганович помолчал и продолжил. – А что, удобно, сам в городе офис имеет, а Сима вроде управляющего здесь. Не будет же Фома Фомич на свалке гниющим смрадом и дымом дышать? Так заедет иногда со своей молоденькой красоткой, – всё в порядке, – и прочь, а та ещё носик пальчиками зажмёт, чтоб дух от свалки в нос не шибал и стёкла у машины поднимет... – что, не так?.. Так, – и он потрянул шевелюрой. – Сам знаешь, что так, а говоришь.

Колеблющийся свет свечи слабо освещал хибарку с одним столом и стянутым проволокой стулом.

На стене, повыше оконца, была сделана большая полка, куда профессор складывал, найденные на свалке, книги. Он всегда ворчал, когда находил то или иное раритетное издание и говорил, что люди сходят с ума, выбрасывая на свалку книги, что им нет цены. Остальное место в хибарке было заставлено планшетами, сделанными из картонных коробок. Это – эскизы Крокыча. Если же отодвинуть на стене почти незаметную картонку, то за ней откроется небольшая ниша. В нише лежат две стопки листов бумаги – это рукопись Вениамина Павловича. Одна стопка – черновой вариант, а другая – бেলовик.

«Интересно – что же он пишет?» – спросите вы. Поверьте мне на слово, что не может солидный учёный, историк, искусствовед, этнограф просто прозябать на свалке и не вести по мере сил и возможностей никакую научную работу. Эти рукописи в нише – плод размышлений профессора, это самое ценное, что у него есть в этой жизни. Нишу для профессора устроил Крокыч, после того как Сима, застав Позолотина за рукописью, со словами «Это тебе не Рио-де-Жанейро», выхватил листы, порвал их в мелкие клочки и бросил в лицо растерявшегося профессора. Причём здесь Рио-де-Жанейро – никто не знал. Наверное, Сима и сам не объяснит этого изречения, но автору мнится, что Сима представляет город

Рио-де-Жанейро неким на земле раем. Только вряд ли он в нём когда-либо был.

Из сказанного же нельзя делать вывод, что Сима совершенное ничтожество и что в его сердце нет ничего святого. Как правило, напившись водки, он садится на пол своего вагончика или на мусорную кучу и, обхватив голову руками и раскачиваясь, начинает протяжно издавать один звук, похожий на плачь. «Ы-ы-ы...».

– Надо сходить, – как всегда говорит в такие моменты профессор, слыша Симин вой.

– Не ходите, – обычно жёстко отвечает Крокыч, – повоет, повоет и бросит; не первый раз.

– Не могу, у человека душа плачет, – как всегда отвечает художнику Вениамин Павлович и направляется к двери, говоря на ходу – не клоп же какой, а человек. Душа его у зла в затворницах пребывает, а её бог создал.

– А по мне он хуже клопа, – парирует Крокыч. – Клопу простительно, он не понимает того, что кровь человеческую пьёт, а этот... И вы тут ещё со своей жалостью... Не понимаю... – и дёргает плечом.

Но Вениамин Павлович всё равно в такие минуты уходит к Симе, садится около него и начинает говорить ни к кому не обращаясь; говорит про культурные слои, про исчезнувшие цивилизации, про Христа и человеческую вечно живую душу. Профессор рассказывает, а Сима, сжав зубы и, раскачиваясь

воет. Иногда он бросает выть и, в упор глядя на профессора, бросает: «Не надо про цивилизации, хрен с ними... ты мне лучше про Му-му скажи... За что собачку утопили?.. А?.. Зачем!?!.. безвинное существо... сволочи... все сволочи... Это мы звери, а они люди... Ы-ы-ы...

Сима всегда выл, крепко стиснув прокуренные желтоватые зубы, отчего лицо его принимало страдальческое выражение. Кончалось это всегда одним и тем же. Бросив выть, Сима всегда, как после пробуждения, устремляет взгляд на профессора и кричит: «Сволочь... Ненавижу и цивилизации все твои ненавижу и тебя ненавижу. Да что ты!!! Я себя ненавижу-у!», – и начинает бить себя в грудь кулаком, после чего падает, скрежещет зубами и затихает, а профессор уходит к себе, ложится на кровать и тоже, глядя в потолок, начинает вздыхать и вслух рассуждать о несовершенстве земного мира. На это художник реагирует всегда одинаково и без какой-либо иронии.

– Что, убедили мразь сволочью не быть?

– Зря вы так, – выслушав Крокыча, говорит профессор. – Ему больше чем нам.

– Это отчего же?

– Наши тела, хоть и в яме, но свет Божий видят, звёзды на небе, а его душа во тьме мается, но и она в часы смятения способна к состраданию.

– Кому же интересно она у него сострадает? – с скептическим прищуром спрашивает Крокыч.

– Герасиму... Кому ж ещё? Ему эта история в детстве видно сильно в душу запала. Вот ему он и сострадает... Герасиму и его собачке Му-му. – Уточнил Позолотин. – Если человек хоть кому-то сострадает, значит, он не совсем потерянный, хотя до пропасти один шаг, и может даже висит над ней, судорожно вцепившись в какую-нибудь палку, а он вцепился в этот рассказ про Му-Му и рассказ Тургенева его удерживает.

– Сомневаюсь... глюки, наверно, пьяные...

– Это не глюки, Ваганович, это душа обделённая любовью плачет. Без любви никто на земле не может жить, даже самый отпетый мерзавец. В такие минуты я в Симе человека вижу. Только в такие минуты его душа милосердие принимает, а в другие – это же человеческое милосердие жжёт его как калёным железом, что за это милосердие он и убить может, потому как оно ему ненавистно.

– Почему ж ненавистно? – спрашивает, пытаюсь понять друга, художник.

– Изобличает оно человека, его противление мироздателю показывает... В такое время человек становится хуже зверя лютого, весь мир убить готов в ненависти своей...

Такие споры продолжались каждый раз, с одним и тем же концом – оба ложились на свои скрипучие

ржавые кровати с повизгивающими растянутыми пружинами, тушили свечу, так как в их хибарке электрического света не было, и долго ворочались, издавая вздохи и непонятное бормотание.

Велик русский человек в кротости своей. Много вместило это слово, но много и не вмещает, потому, как не достаёт ему полноты, чтобы вместить в себя, то принижение своих сил и достоинств, на которое способна только русская душа. Ан, смотришь, другой народец пухнет от высокомерия, стелет под себя газетный лист, чтобы быть хоть на малую толику выше и уже смотрит с презрением, и уже мнит себя чем - то, высоким и недосыгаемым. И невдомёк ему в гордой ущербности своей, что не рассмотрел он гору, уткнувшись в неё носом, и не увидел он, сидя на острове, океан с многоэтажными волнами. Как огромен океан, так и необозрима русская душа. Ибо только в чрезмерно великом океане, есть сверхглубокие океанские впадины, в которых укрощается буйство океанских вод, равно, как успокаиваются и врачуются силы души в принижении своём. Ибо, как из океанских впадин затем поднимаются водяные глыбы неимоверной величины и силы – точно так же поднимается и возрастает дух русского человека, заживо закопавшего себя в презрении к своей немощи. И, вот уже радуются о похоронившем себя, нетерпящие его, и пляшут самозванцы на его могиле.

ле, и уже положили огромный камень, придавив место, и уже ставят столы, чтобы отпраздновать долгожданное событие. И невдомёк тлетворным, что как, напитавшись соками земли, разверзается закопанное семя и, произрастая, рушит все преграды на своём пути, и никто не может остановить этого движения, так происходит и с русским человеком в восставании его. Вот, уже вздыбился евразийский материк, давая проход великому и неизвестному. Рассеклись молниеподобно степи, раскололись словно ореховая скорлупа вечные горы, разорвались голубые жгуты рек, пресеклись, низвергающиеся со скал, водопады. С испуганным удивлением смотрит всё живое на происходящее, не имея возможности дать должной сему оценки. И произрастает из материка русский дух, и достигает неба, и сторонятся звёзды, чтобы дать проход исполину. И если б жили люди в других галактиках и мирах, то и они не смогли бы не увидеть возрождения русского человека. Звёздный народ, космическая его душа, необъятно его сердце; безмерна, велика страна Россия, в которой он живёт. Радуйтесь, люди, ликуйте, знающие его народы и трепещите, высокомерные.

Глава 2. Незванные гости

Пока Крокыч спал, а Позолотин ворочался на своём соломенном матрасе, пытаясь забыться, в го-

роде, на улице Большая Горная, что тянется от моста через Волгу, до самого Сенного базара, в большом старом доме, крытом красной черепицей, с полуподвальным помещением и слуховым окном на крыше, происходит не менее значительное событие. Да-да. Это событие, может быть, даже важнее эпизода на мусорной свалке и рассказ надо было начинать с него, да зацепила меня профессорская судьба, не удержался. В общем, к Позолотину и Крокычу мы ещё вернёмся, и не раз, так, что ничего страшного не произошло, другие события заслуживают не меньшего внимания.

Вокруг дома на Большой Горной улице сгустились сумерки. А если быть абсолютно точным, то не на самой улице, широкой и длинной, а в закоулке, примыкающем к Большой Горной и граничащем с Глебучевым оврагом. Этот тупичок с одноэтажными домами убирает дворник Никита, который он важно называет двором, потому как столпившиеся здесь домики и образуют этот своеобразный двор, где не только все люди друг друга знают, но и кошки, и собаки тоже. Посреди этого закоулка-тупичка стоит столб, на котором висит и светит, засиженная ночными обитателями, электрическая лампочка. А за абажуром лампочки сразу начинаются сумерки. Только здесь, среди мало-мальски освещённых домов, они не столь густы как на свалке и жёлтые све-

товые пятна на земле от отворяющихся дверей совсем не похожи на грязных световых жаб, а более походят на нечаянно пролитое у дверей топлёное с хрустящей корочкой молоко. Это молоко при закрывании двери быстро слизывается с земли вечерними сумерками, похожими на серого пушистого котёнка. И не успеет дверь закрыться, как шмыгнёт непоседа в последнюю секунду за порог и, изумляясь его прыти, удивлённо промурлыкает коваными петлями дощатая дверь.

Закоулок, как закоулок, тупичок, как тупичок. На первый взгляд, ничего необычного. «Не-е-е, – скажет с улыбкой знатока читатель, имеющий какое-либо отношение к этому месту. – Не та-а-к... – Потому как он лично наблюдал за таинственными явлениями, происходящими в этом месте, и не во всём закоулке, а в небольшом дворике старого одноэтажного дома, крытого красной черепицей, стоящего рядом с Глебучевым оврагом и огороженного подгнившим дощатым забором.

Ну как, например, объяснить тот факт, что во дворе этого дома отродясь не бывало никакой живности, а соседи нередко слышат как за дощатым забором нет-нет да и прокукарекает петушок, заблеет овечка или раздастся топоток конских копыт? Но и это пустяки. А как вы смотрите на то, что вдруг ни с того, ни с сего открывается калитка, а во дворе никого нет, никто не выходит... и во дворе пусто? Лю-

ди-то не слепые. Дверь вот так открытой постоит, постоит, да и захлопнется сама собой и щеколда щёлкнет. Или как вы отнесётесь к тому, что из чердачного окна на головы добропорядочных граждан вдруг проливается сонм звуков, похожих на средневековое сражение? Сейчас, правда, в век всевозможных музыкальных устройств это не сложно сделать, но ведь и задолго до появления компьютеров, когда на весь закоулок имелся только один патефон с единственной ржавой иглой и ободранной пластинкой, происходило то же самое. Столкнувшись с такими явлениями, даже закоренелый атеист, возьмёт да и перекрестится на голубой купол церкви и, робостно, с оглядкой, пойдёт своей дорогой... Загадочный дом. Станный дом. Непонятный...

А может быть в нём живут привидения, которые нет-нет да и заявляют о себе подобным образом? Если вы так подумали, то будете не единственными в своём мнении. К такому же мнению склоняется большинство жителей близлежащих домов, но так ли это на самом деле? – никто из них не знает. В лучшем случае соберутся соседи, сядут на скамеечку, подумают, поскребут затылки, повздыхают, порассказывают всякие страшилки на сон грядущий и разойдутся, вот и всё. А привидения, сами знаете, от лукавого, тут и рассуждать, и догадки строить нечего.

Возьмите, например, такой случай. И не какой-то там закомуристый, что мозги от его анализа закрутятся, а самый, что ни на есть рядовой. Зашёл как-то во двор один человек, среднего возраста и на вид никакой не бомж; возможно, ему взгрустнулось, а может быть и ещё какая напасть с человеком приключилась, что ему выпить захотелось чего покрепче. И деньги у человека были. Взял он бутылку водки и сел под сливой в тенёчке. Сидит этот человек в тенёчке и совершенно ничего худого никому не делает, просто сидит и сидит. Перед ним бутылочка уже наполовину опорожнённая и сам он не то чтобы пьян, а можно к нему применить слово «навеселе». Так вот сидит этот человек этак тихохонько, а когда решил ещё из бутылочки отпить, да к губам её поднёс и даже один глоток сделал, тут всё и началось. Мужичок после глотка вдруг стал подозрительно осматриваться, вроде как непонятно ему что-то? на бутылку глядит обалдело. А что на неё смотреть, когда она около ног его как стояла, так и стоит. Мужичок этот дворника зовёт. Подошёл дворник с метлой в клеёнчатом фартуке, с редкой бородой. Спрашивает, дескать, что надобно? А тот ему тоже так деликатно, мол, не обессудь, не мог бы ты попробовать, что в бутылке? Дворник попробовал, «вода» говорит. После этих слов мужичок стал ещё больше озираться, да и как даст со двора дёру, только его и видели.

Аналогичные факты можно приводить и ещё, только от простого их перечисления толку не будет, одна развлекаловка, а вдумчивый читатель обязательно автору попеняет, дескать, байки мы и сами горазды рассказывать, а ты нам суть копни, да на всеобщее обозрение, да так, чтоб ни тени сомнения ни у кого не осталось...

Тут я забегать вперёд не буду, потому, как тоже столкнулся с этой проблемой, а точнее – непонятностью и по опыту знаю, что во всяком деле нужно время для размышлений, вот так.

.....

В сторонке от покрытого черепицей дома, ютятся крытые ржавым железом или рваным от времени рубероидом покосившиеся, подгнившие и почерневшие от времени дощатые сараи. Их среди навалившейся темноты почти не видно. В этом месте, где двор заканчивался обрывистым спуском в Глебучев овраг, неожиданно появились двое. Щуплые силуэты выдают подростков. Они крадучись подходят к дощатому сараю, и, так же крадучись, обходят его кругом. Говорят вполголоса. Длинный и тонкий пощупал замок, толкнул плечом дощатую дверь. Дверь не поддалась.

– Тут, Пегас, не выйдет, – заметил маленький и кругленький, переходя на полушёпот. – Давай посмотрим на крепость стены, может быть доску какую оторвать удастся. – Они юркнули за сарай и

вскоре с тыльной стороны раздался скрежет отдираемой доски. После того как доска была оторвана и звук от вылезавших гвоздей угас, и никто из жильцов тупичка по существу происхождения этого звука не встревожился. Маленький пролез в сарай, а длинный остался поджидать его снаружи. Немного погодя длинный просунул голову в прогал между досками и сказал тому, кто внутри:

– Осторожно ходи... не свали чего... – и немного погодя. – Так есть там чего-нибудь или нет? – Ты, Муха, по стенам смотри, может чего под крышей подоткнуто? Антиквариат бывает на видном месте лежит. Может самовар или часы столетние; мобильником подсвечивай.

– Сам знаю, – раздалось из темноты, – ты бы, Пега, помолчал, а то неровен час споткнусь, не видно ничего... Какие-то большущие ящики стоят. Много ящиков.

– Чего в них?

– Не знаю, хрень какая-то. То ли песок, то ли цемент, и всё разного цвета? Вот в этом – жёлтое что-то насыпано. Может быть золотой песок? Хозяин дома мог на золотых приисках работать?

– Дурак ты, Муха, поэтому и в школе еле телепашься.

– Меня по болезни на осень оставили, пропустил много, а ты, отличник, молчал бы. Сам в следующий раз полезешь, – огрызнулся Муха.

– Мне нельзя, – парировал длинный. – Я мозговой центр.

– Вот и думай, что это в ящиках лежит, раз мозговой центр? Я тебе из разных ящичков по камешку прихвачу. Тут ещё какая-то машинка, типа кофемолки стоит, с ручкой и большое сито. Может быть, здесь старинный подпольный цех по промывке золота находился?

– Машинка тяжёлая? – спросил тот, кто был снаружи и кого назвал маленький «Пегасом».

– Не-е-е, вдвоём донесём.

– Тогда вытаскивай.

Они с трудом протиснули, так называемую, кофемолку в отверстие. И только Муха хотел прихватить и сито, как сверху что-то зашуршало и прямо на спину Мухе свалилось нечто, больно ударив между лопаток. Это нечто с шипением прокатилось по Мухиной спине, а в углу в это время кто-то зашевелился, затем мальчишка почувствовал, как этот из угла протопал прямо к Мухе, вцепился ему в штанину и зарычал.

– А-а – а!!! – закричал испуганным голосом Муха и, бросив сито, пулей вылетел из сарая, чуть не сбив с ног своего поделщика. Муха не помнит как добежал до оврага, скатился под откос и только там его догнал Пегас с кофемолкой.

– Ты чё, драпанул? – спросил Пегас тяжело дыша, усаживаясь рядом с товарищем и обирая со штанин репы.

– Чё-чё, в следующий раз сам полезешь... вот чё! – нервно и зло проговорил Муха.

– Ладно, – примирительно сказал Пегас, – бывает. Со мной тоже такое поначалу было.

– И с тобой было!? – удивился Муха.

– Ещё как было!.. пока не обвыкся. Во всяком деле привычка нужна. А больше всего – голова на плечах. Без головы, даже в такой гнилой сарай, как этот, лезть нельзя.

– Раз ты такой умный, то, что в тех ящиках лежит? – обиженно сказал Муха. – Они во!.. какие большие, – и он показал величину ящиков, разведя руки в стороны.

– Вот и опять твоя неучь наружу лезет, – усмехнулся Пегас, – это не ящики, а лари. В этих ларях в старину хранили зерно и муку.

– Так, там же не зерно, я чё... совсем по-твоему дурак?

– Не кипятись. Посмотреть надо и подумать – сказал Пегас. – Хорошо бы на чердак дома прогуляться. Чердаки старинных домов – кладёзь антикваров. Только сейчас нельзя. Жилой он, видишь, одно окно светится, – и Пегас кивнул в сторону дома.

– Вижу, – и Муха посмотрел туда же. – А почему одно только окно светится и тускло так?

– Раз задаёшь вопросы, значит, начинаешь соображать, это обнадёживает, – ответил Пегас. И, помолчав, сказал: – Просто, Муха, живёт в этом доме какая-нибудь старушенция – божий одуванчик, пенсия небольшая, вот и экономит на электричестве. А в свой сарай уже лет десять не ходила. Замок ржавый, его с ходу даже ключом не откроешь. Нет у неё, Муха, сил в сарай ходить.

– Всё ты, Пега, подмечаешь...

– Голова дана не для того, чтобы волосы носить, – поучительно сказал тот в ответ. – Пошли отсюда.

– А как же сито?

– Вставай давай... сито. После того как мы тут нашумели, соваться нельзя.

На этом разговор в овраге закончился. Дружаны поднялись, отряхнулись и направились по едва заметным в ночи ориентирам по склону в сторону моста через Глебучев овраг, что располагался ниже, ближе к реке.

– А как ты, Пега, додумался до такого, чтобы антикварным бизнесом заниматься? – спросил Муха, когда они, сделав небольшой крюк, вышли на дорогу и пошли уже по тротуару.

– А просто, – и вдруг спросил: – Ты зачем в школу ходишь?

– Не знаю, – откровенно сказал Муха.

– А я знаю. Я думаю, что если б мать тебя из дома не выгоняла, то ты б и в школу не ходил, так?

– Без слов, – утвердительно кивнул Муха.

– А я хожу в школу, чтоб знания получить, а потом этими знаниями пользоваться, – спокойно и уверенно сказал Пегас. – Вот ты споткнулся о машинку. Для тебя это хлам, а если б ты историю учил и немного интересовался прошлым нашего края, то знал бы, что такими мельничками зерно мололи лет сто назад. А сейчас, стало быть, это уже антиквариат. Вот так. Эту мельничку мы на базаре сбудем, денежкой обзаведёмся. А чтобы мельничку сбыть, надо для неё легенду придумать.

– Какую легенду?

– Легенда, Муха, это правдоподобная история, ну как в фильмах про разведчиков. Только легенда должна быть яркой, насыщенной, типа, например, что эта мельничка самому Григорию Распутину принадлежала или что-то в этом роде.

– Это Гришке что ли? – с ухмылкой спросил Муха. – Слышал про такого, по телеку квакали. Кадр ещё тот. В журнале статейку читал...

– А ты не всё читай, что под руку попадается... – перебил дружана Пегас.

– Так написано же!? – возмутился тот.

– В одной напишут так, а в другой – прямо наоборот. Сейчас это так принято.

– А я тут причём? – Муха опешил.

– А ты притом, что собственными мозгами должен шевелить. Я сказал для примера, а ты «хи-хи», да «ха-ха». И потом, в нашем деле неважно какой он человек, главное, известный, по-современному сказать – раскрученный. С биографией любая вещь ценнее... – Пегас немного помолчал и нравоучительно продолжил. – Книги для чего нужны? Чтобы читать и от чтения пользу иметь. Понял? Читать надо больше, если хочешь человеком стать. Вот я все труды Саратовских краеведов проштудировал и Валеева, он по церквам специалист и Максимова и других. Я, брат, хочу культурологом стать. Если с умом, тут можно хорошие деньги иметь. Ты что-нибудь о доценте Забродине знаешь?

– Не-а... – отрицательно мотнул головой Муха.

– Ну и дурак. Эдуард Аркадьевич известный человек, доцент, кандидат наук. Он как раз по этим штучкам-дрючкам большой специалист. Культуролог. Если б к нему в ученики попасть, вот было бы здорово... Вон видишь вдали, на набережной высотка окнами светится?.. его хата.

– А ты откуда знаешь?

– Вещь ему одну носил на оценку. Он сам оценил, сам же и купил, а потом я её в каталогах видел.

– Он что, обманул тебя? – поинтересовался Муха.

– Не то слово. Так тысяч на пять долларов. Но я на него не в обиде. Обижаются только дураки, а умные на этом учатся.

– И чему ж ты научился? – недоверчиво спросил Муха.

– Уму-разуму... С Забродиных надо брать пример... и учебников не гнушаться.

– Так он по свалкам и старым сараям не шастает, – возразил Муха.

– У меня идёт период первоначального накопления знаний и опыта, это вроде производственной практики, понял, вот так-то, дурка вяленая? – Со значением в голосе сказал Пегас.

– Чего, накопление... капитала или пыли в штанах? – усмехнулся Муха.

– Знаний, говорю... А знания всегда легко конвертировать в монету. Знания, они никакой девальвации не подвластны. Ты даже над этим, поди, не задумывался?

– На троллейбусе поедем или на газели? – спросил Муха, когда они, миновав мост, вышли к старой церкви с покосившейся колокольней, где была конечная остановка разных маршрутов общественного транспорта.

– Ну, его, этот троллейбус, – сказал Пегас, – трястись в рогатом... долго. Давай в газель.

Они забрались в газель № 36 и плюхнулись на заднее сиденье, там как раз было два свободных места.

– Успели, – сказал Пегас, усаживаясь поудобнее.

– Куда с мешком-то, – заворчала сидевшая напротив полная тётка, явно недовольная соседями и особенно их не совсем чистым мешком из под сахара.

– Сиди и закрой коробочку, – огрызнулся Муха, протаскивая мешок с мельницей между ног пассажиров.

– А ты чего хамишь... «закрой коробочку...», – передразнила Муху соседка, – я тебе закрою..., шкет несчастный.

– Это я шкет?... Я!.. Я!.. – пошёл в атаку Муха. Он не на шутку разозлился. – Пегас, эта дурында меня шкетом назвала!! Ты слышал?!

– Это я дурында!? – захлебнулась слюной соседка. – Граждане! – обратилась обиженная дама к пассажирам, – меня прилюдно оскорбили, прошу быть свидетелями... вот этот смогляк с мешком.

– Совсем распустились, – поддержал женщину усатый пенсионер с палочкой с переднего сиденья.

– Выставить его... пусть пешком идёт раз в общественном транспорте себя вести не умеет, – вступилась за оскарблённую пассажирку дама в шляпке.

– Кого это выставить!? – вступился за Муху Пегас. – Да он с мешком места меньше занимает чем

вы; вон на одном сиденье не умещаетесь, лучше заплатите водителю за второе место, раз два сиденья под себя подмяли.

– Да они над нами издеваются, – взвизгнула та, которую назвали «Дурындой» и вцепилась в Мухин мешок.

– Муха было потянул мешок к себе, но разъярённая женщина вырвала мешок из рук Мухи и передала его даме в шляпке, а та передала дальше. В результате чего мешок благополучно, но не очень деликатным образом очутился за дверью на асфальте. Ругаясь и отвешивая нелестные эпитеты в адрес дурынды, дамы в шляпке и усатого пенсионера, Пегас с Мухой пошли к выходу. Их места тотчас заняли другие пассажиры и газель уехала.

– Вот дурында... Вот дурында... – злился Муха, – взваливая мешок на плечо и направляясь к троллейбусу.

– Сам хорош, – буркнул Пегас, – нечего было задираться...

– Так она сама в бочку полезла...

– Сама... не сама... Теперь вот трясись в рогатом, – зло сказал Пегас, а затем добавил. – Среди людей живёшь, в психологии надо разбираться... С тётками ругаться вздумал... с ними даже милиция лишний раз не связывается.

Усатый пенсионер всё же успел на прощание сунуть Мухе палочкой в бок, от чего ребро немного

саднило. Они благополучно зашли в троллейбус №4, сели на заднее сиденье, поставили мешок между ног, чтоб никому не бросался в глаза и стали насчитывать деньги на билет. Ещё две остановки они, разгорячённые случившимся, спорили о деталях произошедшего события в газели. И спорили может быть бы до конечной остановки, если бы не Пегас. Он схватил Муху за руку и, пригнувшись за впереди сидящего пассажира, зашипел: «Кончай базар...».

– Почему я должен молчать, если я заложник вопиющей несправедливости, – сказал Муха и тут же получил кулаком в бок, отчего неожиданно ойкнул, так как Пегас попал в то самое место, куда ткнул палочкой пенсионер.

– Чё разойкался как баба, – прошипел Пегас и указал взглядом в направлении средней двери. Муха посмотрел, куда ему указал Пегас и тут же, втянул голову в плечи и стал втискиваться в сиденье. Через несколько секунд он втиснулся в сиденье так, что его совершенно не стало видно. Около двери на боковом сиденье ехала небезызвестная обоим Мария Васильевна Сорокина, женщина лет сорока, миловидная с грустными большими серыми глазами и совершенно седыми волосами, которые она почему-то никогда не красила, как большинство её сверстниц.

– Откуда тут эта рептилия? – спросил шёпотом Муха.

– Кабы знать? – ответил Пегас. – Да не прячься ты как школьник от двойки, чтоб училка к доске не вызвала.

– А чё? – часто моргая рыжими веками спросил Муха. Рыжая голова его при этом ещё больше покраснела, а яблоки глаз, казалось, втиснулись и углубились в подбровные впадины настолько, что уменьшились почти в два раза.

– Внимание лишнее привлекаешь, – буркнул Пегас. – Закрой коробочку.

Ехали молча, каждый думал о своём. За окнами проплыл кожзавод, затем самолёт на пьедестале, сверкнул большими витринными стёклами магазин «Сказка» – они подъезжали к четвёртому жилучастку и женщина, – которую они оба знали как капитана милиции Сорокину и инспектора по несовершеннолетним, встала и направилась к выходу.

– В отделение собирается идти, – прокомментировал Муха.

– Совсем не обязательно, она живёт тут рядом. Я знаю, – ответил Пегас.

– Может быть за нами следила? –

– Так, Муха, не следят... случайность... Если б следила, то ты бы её не заметил.

– Нам ведь тоже выходить пора.

– Сиди, не привлекай внимание, проедем до «Радуги».

– Чё..., – удивился Муха, – на целую остановку дальше ехать?.. а потом назад топать? Да ещё с грузом...

– Так пойдй, встань рядом с инспекторшей с мешком, да ещё поздоровайся, – съехидничал Пегас. – А она, по-твоему, не обратит внимание ни на поздний час, ни на твой мешок? нашёл дуру со стажем.

– Кстати свет в её кабинете всё ещё горит, – заметил Муха, глядя в окно на дом, где размещалось отделение милиции.

– Значит, пойдёт в отделение, раз свет горит, – предположил Пегас.

– А чего свет горит? Не знаешь?..

– Я откуда знаю... – проговорил Пегас.– Может быть новый сотрудник появился... рвение проявляет, под собой землю роет, чтоб звёздочку заработать... – не подозревая того, что угодил своим предположением в яблочко.

И друзья, поругивая инспекторшу, проехали лишнюю, но довольно длинную остановку, вышли на остановке «Радуга» и потопали обратно на четвёртый жилучасток.

Глава 3. **Фома Фомич**

Над свалкой поздний вечер, почти что ночь. В стороне, над лесом, в небе, бело-серым туманом висят отсветы от городских уличных фонарей. Сам город внизу, под горой, его не видно. Здесь, у Саратова, ночью всегда так. – Поднимутся над домами и улицами снопы блёклых лучей, остановятся в подблочной дали и висят над городом, словно привя-

занные за ниточку детские шары, мерно плавая и колыхаясь в ночной свежести. Они - то соединяются в одну светлую мглу, то рассыпаются по всему небу, делая его на время, обманчиво, более утренним и вдруг разом, всколыхнувшись, будто испугавшись своей смелости, сбегаются стайками на прежнее место, переталкиваясь и перешёптываясь.

А здесь, над свалкой, иное небо и иная ночь. И, сдаётся мне, что забрался на это небо ученик, да и пролил в нерадивости своей из непроливайки чернила, да ещё, ради озорства, наставил там и тут паучьих клякс по всему тёмному необъятному небосводу, да и спрятался за старой бочкой, чтобы посмотреть, а как отреагируют на его художества люди.

На улице заурчала машина. В малюсенькое оконце было видно как Сима выскочил из вагончика и, высоко задирая ноги, побежал на звук мотора, стал отворять широкие, обшитые ржавыми, кровельными железными листами ворота.

– Лёгок на помине, – сказал Крокыч, кивнув на окно. – Фома Фомич, собственной персоной.

– Что?.. Тараканов в такое время?.. – удивился Позолотин.

На территорию свалки, высвечивая фарами мусорные кучи вполз чёрный «шевроле» и остановился около столба с фонарём. Сима поспешно за-

крыл ворота, подбежал к въехавшей на территорию свалки машине и подобострастно раскланялся, хотя из ««шевроле»» никто ещё не вышел. Издали казалось, что он раскланивается перед этим чёрным лимузином с поблёскивающими, полированными боками-дверками, и что этот лимузин и есть сосредоточие власти и силы на этом маленьком, отгороженном от остального мира, отрезке земли, и что всё живое тут обязано этому чванливому господину из металла, никеля, краски и лака. Вот он, подсвечивая глазами-фарами, выжидательно осматривает свои владения, чуть подрагивая от работающего мотора. Тонированное лобовое стёкло выглядит выпуклыми тёмными очками, впереди которых величественно, точно в роговой оправе выступает с горбинкой нос-капот, а чуть ниже вытянулись одутловатые губы бампера со скошенной бородой подмоторья.

Он не спешит. Он знает себе цену. Он хозяин.

За тонированными стёклами автомобиля не видно ни одного человека. Казалось, что никакой свет не может проникнуть внутрь этого существа и даже яркие лучи солнца меркнут и тускнеют прикасаясь к нему. А точнее, эти лучи, их свет и теплота с неудержимой прожорливостью поглощаются чёрным телом этого монстра, чем и поддерживается его жизнь и благополучие. Этот монстр на дорогах России не один, но этот, кажется, выше и чернее дру-

гих. Благодаря чему, способен принимать более них благодатную теплоту лучей. Эго чернота является главным и самым совершенным его собственным эволюционным приобретением, потому, как только абсолютно чёрный цвет может впитать абсолютно большое количество тёплых лучей. И чем чернее и больше монстр, тем холоднее становится вокруг, ибо лучи, предназначенные для всего живого, притягиваются и поедаются им одним. При свете дня и при свете луны и звёзд всё живое шарахается от него в сторону, дабы не быть к нему притянутым, чтобы это существо не высосало из них оставшиеся теплотворные силы.

Приоткрылась, похожая на крыло ворона, дверка. Из ««шевроле»» выкатился маленький кругленький человечек, а за ним вылезла длинноногая девица, с синими волосами и сморщила носик:

– Оять эта свалка, куда ты меня привёз, милый, – проговорила она гуттаперчевым голоском. – Я же тебе сказала, что о твоей свалке слышать не хочу, – и она капризно топнула ножкой.

«Барби, кукла Барби» – подумает всяк, кто увидит эту картину и, в общем, не будет далёк от истины, однако отвлекаться не стоит.

– Терпи, ладушка, – проговорил толстячок, – это не свалка, а золотиносный рудник. Надо это понимать, дорогая. Подожди в машине, милая, а я пока дам некоторые указания Симе.

И если сказать о девице больше ничего нельзя, даже если б и очень захотелось, кроме как раз того одного слова, которое мы уже произнесли, то толстячок заслуживает гораздо большего внимания, и красок, в этом случае, жалеть не стоит. Здесь главное подобрать точное сравнение, чтоб не возникало при чтении никакого двоемыслия.

Вот-вот... Вы уже догадались... Правильно. Только обличковка на господинчике, в виду одетого светлого костюма, иная, а так я бы даже и не различил господинчика и его машину, а, вернее, попросту бы спутал: кто в кого влез, и кто из кого вылез? А, в общем, это не так уж и важно.

– Слушаю вас, Фома Фомич, – проговорил Сима, вырастая перед Фомой Фомичём.

Лиц, приехавших на свалку, было из хибарки не рассмотреть, но по поведению Симы было ясно, что прибыло высокое начальство, а для него самым высоким начальством был, конечно, директор и больше никто.

Фома Фомич отвёл Симу в сторону и что-то ему сказал. Тот в ответ закивал головой. Фома Фомич было направился к машине, затем остановился и спросил: (к тому, что сейчас говорит директор Симе надо обязательно прислушаться).

– А этот, как его,... – Фома Фомич поводил круглой головой из стороны в сторону, будто галстук

теснил ему шею, – ну... этот... профессор с художником здесь ещё?

– Да, хозяин, а что, согнать? – и Сима подобострастно немного наклонился вперёд, говоря этим движением, что он весь само внимание.

– Нет, нет, не стоит этого делать, – махнул пухленькой ладошкой директор, – возможно, они нам скоро понадобятся. – Помолчал немного и задумчиво добавил, – есть некоторые задумки... Ты тут с ними полегче...

– Как скажете, – сказал услужливо Сима. Образовалась длительная пауза. Заговорил директор:

– На большие дела, Сима, переходим. Ой, на большие!! Ты что-нибудь про «Изумруд» слышал?

– А как же, грамотные, на чём и повязали, – самодовольно проговорил Сима и пропел:

Кольца и браслеты...

– Довольно, всё не то, – остановил его Фома Фомич поморщившись, – ты мне это брось. Сколько около меня, а всё из тебя старый дух прёт, как со старой свалки. Закопают её бульдозерами, скреперами земли плодородной навозят, цветы посадят или ещё что, а она, милая, всё равно фонит, как радиоактивная... Если не слышал – это хорошо. Это даже очень хорошо... Изумруды... камешки... – процедил он. – Всё правильно...

Фома Фомич относился к тому, сейчас довольно распространённому типу людей, которые в удобное

для них историческое время сумели благодаря не отягощённости своего «Я» моралью, добиться высокого положения, а, стало быть, и материального благосостояния. Эти два понятия в России существует как бы неслиянно и нераздельно. И, конечно, выбившись, как говорят в народе – «из грязи – в князи», наш герой иногда очень хочется прихвастнуть особым талантом и эта, можно сказать, единственная слабость, которая не то, что ему мешает, а может даже иногда и осложнить его жизнь, хотя из всех сложностей он всегда выходил целым и невредимым. Зачем он сказал Симе об «Изумруде»? Кто его за язык тянул? – Вот то-то и оно... Этого он и сам сейчас не объяснит, секретная информация, а поди ж ты... взял и сказал... А сказал потому, что слаб человек и хочется этому человеку, в собственной слабости прихвастнуть, чтобы ещё более повисить свою значительность.

– А, что..., Фома Фомич!?! – спросил Сима, – что-то намечается?

– Скоро всё сам узнаешь, – смотря поверх Симиной головы, проговорил директор, – Сказал бы тебе по дружбе, только раньше времени не говорят, плохая примета. Скоро думаю и ты себе «Жигули» заведёшь. Тебе, для начала семёрки хватит. Потом, думаю, отсюда съедешь; ты мне в городе будешь нужен. – Фома Фомич помолчал и раздумчиво добавил. – Большое, Сима, я строительство затеваю. Уже

и участок со старым домом присмотрел. Коттедж строить буду. Вид – закачаешься, пол-Саратова видно, мост, пляж и вдалеке город Энгельс виднеется.

– Ух, ты! Здорово... – восхитился Сима, предвкушая, что он скоро переберётся в город и будет ни больше ни меньше как смотрителем на стройплощадке, то есть будет там глазами и ушами Фомы Фомича.

– Через месяц, другой... начнём..., – вглядываясь в ночные блики, над тусклыми фонарями на столбах, – проговорил мечтательно Фома Фомич.

– Да я хоть сейчас... – Сима почесал за ухом и, на лице его проявилась премного довольная улыбка.

– Сейчас нельзя. Я бы и рад. Пока старуха дуба не даст, что в этом доме живёт, нельзя, слово дал, а уж как отойдёт, тогда и начнём.

– А мы ей поможем, – хохотнул Сима. Фома Фомич нахмурился.

– Ты мне эти свои разудалые замашки брось. Нам спешить не надо. За домом дворник следит, я его уговорил.

– Нанял по-нашему? – уточнил Сима.

– Не нанял, а уговорил, говорят тебе... Таких людей не наймёшь, они из другого теста сделаны. – Затем философски сказал: – Сколько их знаю и всё никак эту породу понять не могу... Иногда думаю: «Небожители они, что ли в человеческом обличье? Вроде как за мной, Фомой Фомичом, посланы на

землю приглядывать»... загадка, – и директор пожал плечами.

– Разгадаем, – сказал Сима. – Небожители будут там жить, где им и положено – на небе, а мы здесь на земле, всё по науке...

– А вот этого не надо. – Заметил Фома Фомич провидчески, – Пусть он своё дело делает, а мы своё. Каждый на своём месте, так и сгодится. Понял?.. По – нашему он конечно лох, но хозяйство ведёт исправно... – Помолчал. – Всё схвачено, Сима, всё... – опять помолчал, немного, добавил. – А, ты потихоньку присматривай на своё место человека. Ты знаешь какого? Хваткого, в первую очередь, и чтоб умел язык за зубами держать... Может быть этого, как его, Кор... кор...

– Крокыча? – подсказал Сима.

– Да, да, Крокыча...

– Не-э-э..., – отрицательно покачал головой Сима, – интеллигент... душекопатель... Такие всё дело завалят...

– Тогда присмотришь...

– Я присмотрюсь, Фома Фомич... Обязательно присмотрюсь.. Как же не присмотреться...

– Во-во... присмотришь, Симушка, присмотришь. А уж о тебе я позабочусь.

– Да что вы, Фома Фомич, разве я это заслужил, мне даже и неловко как-то слушать это, – с довольной улыбкой на лице, проговорил Сима...

– А ты слушай, Сима, слушай и на ус мотай. Своего, знаю, не упустишь, да всё это мелочи...

– Понял... всё будет сделано... – взял под козырёк Сима.

– Не фиглярствуй... не люблю, – поморщился Фома Фомич, – хотя преданность твою ценю.

– Как скажете... – уже обычным тоном сказал Сима.

– А может быть тебя директором свалки сделать? А-а-а... – рассуждающее проговорил Фома Фомич и посмотрел на Симу испытующим взглядом. – Я тебе, Сима, тут домик поставлю со всеми удобствами, смекаешь?

– А, что такое, Фома Фомич, я и так не в обиде, мне и вагончик гож, – не зная как реагировать на сказанное, проговорил Сима, но директор на эти его слова никак не отреагировал, он продолжал думать и говорить о своём.

– Намечается, Сима, ох... намечается... Так что, наверное, скоро свалку передам полностью в твои руки. Холдинг образуется. Меня хотят поставить директором холдинга, а уж тут ты полным хозяином будешь, человек проверенный... Стройка тоже под твоим оком будет, потому и о колёсах говорю. Везде надо будет успевать, а надёжных людей не густо, измельчали людишки, ох, измельчали..., а большинство, так из-за жадности погорели, да в междусобицах себя погубили, дурачьё. Свобода, она мно-

гим боком вышла. Тебе повезло – ты в это время на казённых харчах «отъедался», а был бы на свободе, то и сгорел бы как мотылёк в костре.

– А что такое холдинг? – спросил Сима.

– Ну это, когда много свалок объединены, это и есть холдинг, – и директор сел в машину.

– Желаю удачи, Фома Фомич, – проговорил Сима.

И вдруг в это время где-то не очень далеко, но и не близко раздался, похожий на рокот прибоя, звук.

– Что это? – спросил, немного встревожившись, директор.

– Не обращайтесь внимания, Фома Фомич, – стараясь придать голосу безразличный тон, проговорил Сима, – какой только нечисти вокруг свалок не крутится.

– Что-то аж не по себе, заутробное что-то, до кишок пробирает. Я тебе завтра ружьё привезу, – сказал директор и заторопился.

– Фомушка! Я боюсь, вези ты меня поскорее из этого места с его свистами, рыками, гоготаниями... – раздался из машины голос синеволосой девицы.

– Гоготаний нет, – поправил Сима, – вы, Зинаида Михайловна, зря беспокоитесь, – обратился он к синеволосой.

– Нет, так будут, – нервно произнесла синеволосая.

Хлопнула дверка. «Шевроле»», глубоко, чисто по человечески вздохнул и, переваливаясь на неровностях с колеса на колесо, выкатился со двора свалки. Сима не спеша стал закрывать ворота. Сердце его колотилось от радости. Одна мысль не давала ему покоя – «зачем хозяину понадобился этот старый сморчок – профессор и художник? На всякий случай надо ввести некоторую корректировочку в отношения» – подумал он и заспешил в вагончик.

.....

– Укатил, – сказал Крокыч, выглядывая в окошко, с верхней кровати.

– Голова болит, – простонал профессор, – здорово он меня долбанул. Семён Ваганович!... За что? Ведь я же профессор, в Сорбонне лекции читал, моё имя во всём мире известно, а со мной обращаются хуже, чем с шелудивым псом...

– Потому и обращаются, что ваша учёность отражает их безграмотность и человеческую ущербность... Потерпи, Вениамин Павлович, бог даст, всё образуется.

– Чего же у вас не образовывается? Что, разве бог не видит, что вы талантливый художник, и вам не резон здесь быть.

– И опять не правы, Вениамин Павлович. Бог, он всё видит, только он не на мои картины смотрит и не на ваше профессорское звание, а на душу.

– И чем же, например, не нравится ему ваша, Ваганыч, душа? – спросил Позолотин.

– Гордая она очень, моя душа, – вздохнул Крокыч. – Гордыню здесь свою усмиряю, она меня и на свалку привела. Гордость, Вениамин Павлович, – порок. С гордостной душой ничего путного не напишешь ни ручкой, ни кистью... Вот я на свалке, на дне жизни и цивилизации, а в голове крутится, что я великий художник, а это неправильно. Смирения в душе нет, оттого и крутится. Я это и до свалки чувствовал и понимал, что если не переборю в себе гордостное состояние ума, то ничего и из моего таланта не получится, потому что гордым бог противится... Вы, например, думаете, хоть чуть-чуть, о том, что вы великий учёный?

– Такое как-то в голову не приходило... – смутился Позолотин. – Да и какой я великий, прости господи...

– Вот видите, а у меня не так – у вас в голову это не приходит, а у меня из головы не выходит. Хотя, скажу вам, что отступать от меня стали эти мысли, но всё ещё докучают раз от разу.

– Получается, что и я,... раз я на свалке, то и у меня... так же... – начал было говорить Вениамин Павлович.

– Этого я не знаю, – перебил профессора Крокыч, – тут уж вы сами со своей душой разбирайтесь, а я со своей. Может быть, вы здесь для снискания

венца. Ведь те, кто незаслуженно мучаются, и не гордецы без награды не бывают... Ладно, спите...

Приживалы довольно долго лежали не разговаривая, но сон ни к кому не шёл.

– Не спится, Крокыч. Рад бы уснуть, – проговорил Позолотин. – В голову всё институт лезет, студенты, моя кафедра. Как глаза закрою и видения начинаются: то экзамены, то зачёты.

– А что вам институт-то не помог, а? – спросил художник.

– Институт он ведь тоже коллектив, – проговорил тихо профессор, – в коллективе разные люди. Так завёлся у нас один, сейчас уже доцент, по фамилии Забродин. Я его в люди вытащил, аспирантом у меня был, защитил диссертацию... – Вениамин Павлович глубоко вздохнул. – Гнилой человек оказался. Особо знаниями не блистал, а вот по части интриг, да продвижения по служебной лестнице мастер большой оказался. После того, как со мной беда случилась, он этим и воспользовался. Потом моё место занял... Я ведь по его милости и бомжем стал, ни жилья, ни прописки, а значит и «никто». Приютила меня на время ассистентка, так он на неё косо стал смотреть, я сам и ушёл от неё, чтоб человека от неприятностей избавить. А куда я могу уйти? Тут и подвернулся мне Фома Фомич. Сначала к себе взял, обещал прописать, потом сослался на ремонт и отвёз меня временно на свалку, поселил в вагончике.

Ну а потом и вовсе обо мне забыл. Точнее, не забыл, а как увидит меня здесь... – профессор помолчал, – сначала здоровался, спрашивал о житье, даже первое время привозил кое-чего из еды, одежды. Потом перестал не только здороваться, а и замечать. Пройдёт и даже в мою сторону не посмотрит. Я уж думал, что он меня совсем со свалки прогонит, чтоб бельмом на глазах не был... Потом Сима... Меня из вагончика выгнал, а вы приютили и даже кровать свою уступили, а говорите: гордый... гордый. Какой вы гордый. Душекопательством занимаетесь, наговариваете на себя.

– Бросьте, не поминайте... не люблю, – бросил Крокыч.

– Ладно, не сердитесь, это я так, к слову... Я так понимаю, Ваганыч, что всё это не было случайностью. Мой аналитический ум связывает это всё в одну схему. Тогда не связывал, не до этого было, а теперь связывает.

– В какую же? – поинтересовался Крокыч.

– Думаю, Забродин каким-то образом знает Фому Фомича, вот и попросил того проявить заботу, а заодно и отправить меня подальше с глаз долой и из института, и из города, больно уж он быстро мне тогда подвернулся...

– Может быть и так..., – ответил художник. – Может быть и так... Только постарайтесь не думать

больше о кафедре, а усните... Гоните от себя эти мысли.

– Не могу я от них освободиться, Семён Ваганович. Их на свалку не выбросишь, они не стул сломанный.

– Всё, Позолотин,... спите, – твёрдо сказал Крокыч. – Дискуссия закончена и я спать буду, – и он дунул на горящую свечу. Хибарка погрузилась в темноту. И вдруг в эту минуту в отдалении повторился тот самый тяжёлый заутробный звериный рык. Это был тот самый звук, которого так напугалась Барби и к которому сейчас прислушивались обитатели хибарки.

– Что это? – спросил Крокыч, – первый раз слышу... Ни на что не похоже в наших местах. Ладно бы дело было в Саванне, там для европейцев экзотики хоть отбавляй.

– Я тоже, признаться, не слышал таких звериных воплей, – проговорил Вениамин Павлович.

– Как, как вы это назвали? – переспросил художник. – Вопли, говорите?..

– Так и рыком не назовёшь, – отозвался Позолотин. – Точнее – это рык, переходящий в вопль. Только рык интересный: не угрожающий и не милосердствующий, более предупреждающий что ли? или предсказательный какой-то; звук не в полную силу идёт, на полутоне.... Слышите?

– Слышу... – отозвался Семён Ваганович, – правда, вы меня этим полутонотом нисколько не успокоили, если от полутона мурашки по телу поскакали, то, что будет, если оно полный тон возьмёт, сообщаю, что наша хибарка останется без крыши.

– А вы что же, думаете, что живёте в этом мире одни? – спросил профессор. – Человек видит и слышит только совсем незначительную часть звуков издаваемых обитателями планеты и в определённом диапазоне волн.

– Вы хотите сказать, что этот пришелец существует и что это не наши с вами слуховые галлюцинации от, например, здешних запахов!?

– Я этого, как учёный не утверждаю, только всегда держите в голове, что нас кто-то слышит, видит, хотя мы и заперты на крючок, и даже читает наши мысли, оставаясь совершенно для нас невидимым. Привыкните к этому... Вот учёные сейчас считают, что человеческий геном мельчайшая структура в деле управления человеческим существом и передачи наследственности. Вздор. Хотя является и правдой сегодняшнего дня. Завтра найдут ещё более мелкую частицу, которая способна вместить и управлять всеми на сегодня известными генами, вот и получается всё вздор. Такое уже ни раз повторялось, то молекулы открыли, то атомы...

– Я, Вениамин Павлович, часто размышляю над тем, как диковинно наш мир устроен и не перестаю этому удивляться. А это ведь и раньше всё было.

– Что всё? Всё – это в общем, или как?

– Вы вот этнограф, объясните мне, пожалуйста. Эти мифы, заговоры, народные приметы, сны – вы этому верите, или это творчество народа?

– Вы, Семён Ваганович, задали такой вопрос, что на него вот так сразу не ответить. Много здесь чего и напридумано, но дыма без огня не бывает. Вот сейчас рык звериный услышали, а ведь природы его мы не знаем. Вот вам и цивилизация, и в космос летаем, а что рядом не видим, а если видим, то не разумеем. А рык, это не горбатая ворона, хотя одно от другого, мне кажется, недалеко стоит.

– Что за горбатая ворона? Вы что-то о ней никогда не говорили.

– Поверье среди людей есть – если кто горбатую ворону встретит, то быть всякого рода неприятностям.

– Она что, действительно горбатая?

– Не знаю. Мистика, она ведь тоже не на пустом месте появилась. А проще сказать – есть бог и есть дьявол. Каждый на человека влияет по-своему.

– Вы о вороне не досказали... – напомнил Крокыч.

– Я её никогда не видел... Не берите в голову. Живите проще.

Потом Позолотин стал говорить о древних манускриптах, а затем снова перешёл к молекулам и атомам.

– Вы согласны, Семён Ваганович? – спросил профессор, закончив длинный монолог о древних цивилизациях. – Вы слышите меня, а..., Семён Ваганович? – спросил профессор громче. Но Крокыч не ответил, он спал.

Луна медленно стала покидать хибарку, уходя за кусты разросшегося шиповника и, то ли тень от кустов, то ли ещё что, только нечто неизвестное большое, лохматой громадой прошло мимо засыпающей хибарки. Нечто сунуло в маленькое окошечко клыкастую морду, как бы удостоверяясь, что в помещении всё спокойно, и оставив в колеях от колёс самосвалов большие когтистые следы, удалилось. Кто это был, осталось тайной. Только опытный охотник, разглядев глубокие вдавления от страшных когтей в колее, растопырив пальцы и смерив величину отпечатка лапы невиданного существа, только бы покачал головой и обязательно свернул с ранее намеченного пути.

Глава 4. Стажёр

Мария Васильевна, как и предполагал Пегас, шла в отделение, где её ждал молоденький младший лейтенант Юра Митин, которого недавно при-

слали в отделение на стажировку. Митин, после окончания педагогического института, пошёл по приглашению работать в милицию, где и был определён заниматься с малолетними нарушителями общественно порядка, а короче – хулиганами.

– Ты чего всё здесь? – спросила Сорокина Юру, – не ожидая увидеть своего подопечного в это время на рабочем месте.

– Заинтересовался одним делом, – ответил, смущённо Юра. – Читайте дело и думаю: «Ну, живите как люди, что вас всё на подвиги тянет? То кого-то побьют, то оскорбят...»

– Это ты о ком?

– Какой-то Мухаев.

– Он не какой-то, – поправила младшего лейтенанта Сорокина.

– Не понял? – и Митин с недоумением посмотрел на Марию Васильевну.

– Мухаев по кличке «Муха», он не какой-то, – твёрдо повторила Сорокина. – Это Санчо Панса самого Лёни Пегасова, по кличке «Пегас». Вот так-то. Кстати, легки на помине. С ними я сейчас ехала в одном троллейбусе.

– Откуда это они? – недоумённо спросил Юра и посмотрел на часы.

– Понятно, Юра, что не с танцплощадки, а вот откуда они и куда? это было бы знать очень инте-

ресно. Кстати, проехали одну лишнюю остановку, чтоб со мной не встречаться.

– Откуда вы знаете? – удивился Юра.

– Поработаешь, младшой, с моё, и ты знать будешь, – улыбнулась Мария Васильевна. При этом, глядя на Юру, её грустные глаза несколько повеселели. – Кстати, Юра, меня никто не спрашивал в моё отсутствие?

– Майор Городец заходила.

– Муза Карповна? – удивлённо спросила Сорокина, – чего же молчишь?

– Я думал...

– Не надо думать, милейший, надо исполнять, а, исполняя надо думать, – отчеканила капитан, – я же говорила, что обо всём докладывать мне и о таких приходах тоже...

– Она ничего не сказала? – ответил смущённо Юра и пожал плечами.

– Она своим появлением уже всё сказала, – заметила Сорокина. – Во-первых, она начальник следственного отдела, во-вторых, она не тот человек, кто просто так ходит по кабинетам и, в-третьих – если зашла сама, то дело не только важное, но и весьма деликатное и Мария Васильевна, взяв телефонную трубку, набрала номер.

С того конца телефонного провода ответили и Сорокина спросила:

– Муза Карповна, мне зайти?

– Я вас жду, уважаемая Мария Васильевна... – донеслось из трубки. Сорокина, положив телефонную трубку, встала из-за стола.

– Вот видишь..., она меня ждёт... так-то, учись стажёр, – и добавила, – то, что сказано словами – любой поймёт, а твоя задача научиться понимать то, что не сказано, но подумано, это в нашей работе ой как важно, – и она вышла из кабинета. Юра, после её ухода, подошёл к окну. В открытую фрамугу свежо тянул летний вечерний ветерок, неся с собой травной запах лугов Кумысной поляны, густо перемешанный с запахом недавно уложенного асфальта. Вся эта незамысловатая сдобь подавалась под ленивую перебранку автомобильных клаксонов и пугливые вскрики редких трамвайных звонков. Город спешил довершить незаконченные дневные дела, чтобы через два часа, широко зевнув открытыми дверями последних трамваев и троллейбусов, начать готовиться ко сну. Юра улыбнулся вечернему городу и подумал: «А всё-таки хорошо». Что хорошо? И почему хорошо? он не сказал, да это и неважно. Хорошо всё: и то, что он закончил вуз и получил диплом, и то, что провёл свой первый рабочий день и что стоит вот так перед окном свободный и счастливый и много чего ещё может вместить это слово. Хорошо – оно ведь всегда хорошо.

.....

На обратном пути Пегасу и Мухе пришлось идти мимо здания милиции. Только шли они по другой стороне улицы, просто Лёне надо было на минутку заскочить к приятелю, что жил на четвёртом жилучастке, в доме, где расположен магазин «Сказка».

– Вон Сорока сидит, – проговорил, – вглядываясь в окно на втором этаже, Муха, а рядом ещё кто-то мельтешит. Гляди.... К окну подошёл, в нашу сторону смотрит. Сорока встала и куда-то слиняла, а этот стоит. – Ну, смотри... смотри... глаза выпадут, – проговорил Муха и показал Митину язык. Это был он. Только Юра этого не видел. Просто он стоял и смотрел на проходящих по тротуару людей, думал об их судьбах и, конечно, видел, остановившихся на другой стороне улицы, двух подростков нисколько не предполагая, что именно с ними столкнёт его судьба в самое ближайшее время.

Глава 5. Загадочные камешки

Только я собрался описать события в старом доме, а тут бах и Муха с Пегасом во дворе, да ещё потемну, пришлось отложить. Не зря же они пришли на Большую Горную на ночь глядя. Дом-то он не куда не убежит, а ребята наверняка не просто так появились. Так оно и вышло. И для нашего рассказа очень даже кстати; новая информация она не мешает. Оставим пока Юру Митина и Мухаева Вадика в

покое, с ними ничего особенного в ближайшее время не произойдёт. Юра пойдёт со службы домой, а Вадик покатается ещё в свете фонарей на велике около пятиэтажки и пойдёт спать. Интересно другое – что сейчас делает Пегасов? А Пегасов сейчас сидит дома за столом и рассматривает, то машинку с выбитыми узорами на корпусе, то разноцветные камешки, что вытащил из сарая Муха. С машинкой ему всё ясно – обыкновенная крупорушка, только с резным рельефом по деревянному корпусу. «Умели раньше люди украшать предметы первой необходимости, – думал Лёня, – вон как любовно всё выведено». Геометрическая вязь строчкой шла от одного угла корпуса до другого и пряталась на другой стороне. Лёня пощупал выемки, погладил рукой, задумался. И тотчас мысли унесли его в далёкое прошлое. В голове возникали то кочевники с шатрами и вьючными верблюдами, то небольшого роста лохматенькие калмыцкие степные лошадки, не боящиеся ни стужи, ни степных волков, добывающие себе еду копытами прямо из-под снега, то вдруг он видит телегу с поднятыми оглоблями, а на телеге мужик в лаптях, товар продаёт. Телегу люди обступили, торгуются. У мужика в телеге товару много всякого резного: ложки, рубели, скалки, донца, но красивее всех мельничка-крупорушка с резным геометрическим узором. Мужик держит на одной ладони крупорушку, а другой крутит узорчатую

ручку и приговаривает: «Подходи, православные... Дорого не беру... Дешево не отдаю, потому, как если дешево, то я и сам у себя куплю!» и широко открыв рот, весело смеётся, показывая щербатые зубы. Люди подходят – одни посмотреть на товар, а другие послушать крикуна.

Представляет себе судьбу крупорушки Леонид, а сам её бок, отполированный пальцами гладит, потом камешки, что Муха вынес из сарая, стал рассматривать. Вот он послонявил палец, потёр один камешек, потом другой. Растёр между пальцами образовавшуюся кашлицу, понюхал, попробовал на язык, улыбнулся и стукнул себя пятернёй по лбу. Это означает, что ему в голову пришла интересная мысль. Он быстро встал, накинул ветровку, направился к двери.

– Куда, на ночь глядя? – спросила его мать.

– Тут рядом... сказал Лёня и уточнил, – в клуб «Спутник».

– Чего это приспичило?

– Проконсультироваться надо.

– Ну-ну... – сказала мать и вздохнула, проводив взглядом сына. Её всегда настораживали его похождения в позднее время. Лёня рос без отца, отец погиб в Афганистане, а мать очень боялась, как бы сын не спутался с какой плохой компанией. Об этом ей не раз говорила и Мария Васильевна: «Следи, сле-

ди, не упускай из виду, возраст такой». Вот Варвара и следит, а разве уследишь...

Проконсультироваться Пегасу надо было по этим самым разноцветным камешкам, которые напоминали обыкновенную землю, а точнее глину. Он знал, что в детском клубе по улице Марины Расковой 9 работает Пал Палыч, ведёт кружёк керамики. Сам когда-то к нему бегал. Он-то должен точно знать, что это за камешки? Пегас понимал, что перед ним не простая земля. Стали бы люди землю в ларях хранить? Значит, эта разноцветная масса представляла для хозяев какую-то ценность. Но, какую? Похожи камешки на глину, мусякаются, скользят, только он тогда, занимаясь в кружке, лепил из глины одного цвета, а тут целая цветовая гамма, странно.

Клуб находился неподалёку, Пал Палыч был на месте и Пегас, поздоровавшись, выложил перед ним на стол свои камешки.

Старый, седой педагог молча повертел камешки в руках, проговорил:

– Давненько, Лёня, ты у нас не был,... а способности у тебя к лепке есть, – и он кивнул на рельеф на стене. – Вот видишь, не снимаю, твоя поделка. Оставил в качестве учебного пособия. Это ты делал в пятом классе, а теперь уже поди в седьмом?

– В восьмом, – уточнил Лёня, –

– Ну вот, на годок ошибся.

– Другие интересы появились, – ответил Пегас уклончиво. Ему не нравилось, когда кто-либо напоминал ему о прошлом.

– Ну-ну, ответил старый учитель, рассматривая принесённые камешки.

– На что похоже? – спросил Пегас.

– Это, Леонид, разноцветная глина. – Сказал Пал Палыч. – Такой вокруг Саратова немало.

– А для чего она нужна? – поинтересовался мальчишка.

– Да мало ли для чего, – сказал Пал Палыч, – кто сараи обмазывает, кто печки кладёт...

– А если помалу, но много разных оттенков? – продолжал допытываться Пегас?

– Загадку ты мне загадал, с ходу и не ответить, подождать придётся, я подумаю,.. Ты, Лёня, заглядывай, тут одного слова «глина» – маловато для ответа. Важно – где это найдено, в каком состоянии, что ещё рядом находилось? Вот в старину из глины делали косметику, маски всякие накладывали, сочетания глин подбирали. Возможно и в этом случае, все эти камешки древнему парфюмеру принадлежали? Здесь, я повторяю, на окружающую обстановку ориентироваться надо и от неё отталкиваться.

Пегас смутился. Не в его интересах было рассказывать про подломанный сарай на Большой Горной,

про сита, мельничку, которую они с Мухой удачно стырили. Он больше ничего не стал говорить учителю и, попрощавшись, направился к выходу, пообещав, что как только появится дополнительная информация, обязательно известить. Уходя, он вдруг, на пороге остановился и спросил:

– А вы Эдуарда Аркадьевича Забродина, культуролога не знаете случайно?

– Нет, – покачал головой учитель. – Я профессора Вениамина Павловича Позолотина знал, приходилось у него консультироваться, а Забродина нет, не знаю. Он-то тебе зачем?

– В институт буду поступать, меня эта сфера интересует.

Пегас специально сказал Пал Палычу про Забродина и про свои намерения: «Пусть знает, что я не фигнёй занимаюсь, – подумал он, направляясь к выходу, – а то рельефчик на стене... память..., тоже мне, ценность нашёл...»

Выходя из кабинета, Пегас столкнулся с братьями Пчелинцевыми – Костей и Антоном. Они шли в кружок на занятия. С Костей он учился в одном классе, а Антон был года на три младше.

– А-а... пчёлки прилетели, – сказал он немного заносчиво.

В классе Леонид с Костей были тайными соперниками, но никогда даже видом и взглядом этого не

показывали. Оба хорошо учились, только с одной разницей – Пегасов всё, как говорится, хватал на лету. При феноменальной памяти, он почти не готовился к занятиям, надеясь, что на четвёрку всё равно ответит, а если не будет в задании непредвиденной заморочки, то и на пять вытянет. Некоторым учителям такой его подход к учёбе не нравился и они его в оценках немного ущемляли, надеясь, что тем самым активизируют ученика. Надо сказать, повод к таким ущемлениям всегда находился: то Лёня не тем способом задачу решит, то не надлежащий вывод сделает и даже обоснует по-своему, заумно. Только Пегасов на такие выпады не отвечал, а только хитро улыбался со своим знаменитым прищуром, да языком поглаживал щёки во рту, вот и вся активизация. Тем самым он как бы говорил: «наживку не заглатываю, господа педагоги, листаем страницы дальше, этот пункт проехали».

Косте же никто оценок не занижал. Он всегда был крепкий середняк. У него была своя беда – в учёбе он относился к разряду тугодумов. Соображал он хорошо, но медленно. На контрольных он, как правило, не успевал записать решение задачи в чистовик. Сидел, пыхтел, уши у него краснели, а рядом стоял учитель со стопкой тетрадей и терпеливо ждал. Ему всегда учитель математики говорил: «Долго, Костя, запрягаешь, долго, быстрее надо, в наше время тугодумство не приветствуется».

Но, не смотря на такую особенность мышления Пчелинцева старшего всегда посылали на различные конкурсы и олимпиады и на этих конкурсах он неизменно занимал третье место, а если чуть-чуть повезёт, то и второе. И, неважно по какому предмету, был бы конкурс. Пошли Костю – будет результат; пошли отличника – может вернуться ни с чем. Если же посылали на конкурс Пегасова, то результат был, как правило, непредсказуем, он или с блеском брал первое место, или оставался ни с чем, запутавшись в собственных задумках и предположениях.

Лёня не был в классе лидером, хотя лидерские качества у него, как говорится, были на лице написаны – умён, дерзок, немного высокомерен. Классная руководительница Анна Ивановна Кулакова говорила про него на педсовете, что Лёня умело и как бы непринуждённо от всего дистанцируется. Он вроде бы в классе и вне класса, он вроде бы делает со всеми стенную газету и даже подаёт интересные мысли, но в самый последний момент отходит в сторону, уступая место другим, которые будут потом кричать, что газету сделали они и только они. Если же в классе замечали, что в структуре газеты воплощена идея Пегасова, то многие откровенно удивлялись – «А он-то тут при чём?».

Лёня одевался всегда щеголевато, но неброско; очень следил за своим внешним видом: обувь его всегда была вычищена, рубашка тщательно выгла-

жена, пиджак сидел безукоризненно, хотя все вещи были достаточно дешёвые.

Костя никогда не был в классе лидером и этих качеств ни от кого не унаследовал. Он был по натуре капун, аналитик, с его мнением считались и стремящиеся к лидерству, для утверждения своего положения в коллективе, не прочь были заручиться Костиной поддержкой, выкрикивая на классных собраниях, что Костя по тому или иному спорному вопросу тоже «за».

– Ты чего, Леонид, к нам? Снова лепить захотелось? – спросил Костя, ероша пятернёй копну тёмных густых волос и строго смотря на сверстника. Пегасов был гораздо выше Кости и потому последнему приходилось смотреть на него немного снизу вверх.

– Это ты, Костян, лепи, у нас дела поважнее, – ответил Лёня и, сдвинув Антону фуржку на глаза, ушёл.

– Пал Палыч, – обратился к педагогу Костя, – чего ему было надо? – и Костя кивнул вслед Пегасову. – Вряд ли он собрался снова лепить?

– Не знаю, Костя, не знаю,... вот камешки глиняные разноцветные принёс, сказал, что нашёл, но явно чего-то не договаривает. Консультация ему была нужна по этим камешкам.

– А вы что?

– Чего я?.. Сказал, что одних камешков мало, чтобы объяснить их принадлежность к какой-то деятельности. Сказал, что возможно в старину из этих глин делали на саратовщине косметику. Вот и всё... Скрытный он какой-то, не договаривает... Ушёл, а у меня двойственное ощущение от его прихода осталось. С одной стороны парень с головой, а с другой – мутный какой-то...

– Он, Пал Палыч, и в школе такой же, скрытный. За ним Муха, то есть Мухаев Вадик таскается. Вадик у него как оруженосец, – пояснил Костя.

– Не думаю, что бы Леонид боролся с ветряными мельницами, – заметил Пал Палыч серьёзно, – не тот человек, донкихотство – не его стезя.

– Нет, он с ними не борется. Он их ищет, чтобы подороже продать, – засмеялся Костя. – В классе говорят, что частенько его видят на свалках, в домах, что идут под снос, да на базаре, около нумизматов трётся, хотя по учёбе, ничего не скажешь – почти отличник.

– Что сделали дома? – перевёл разговор Пал Палыч на другую тему. И мальчики с жаром стали рассказывать учителю о том, как ездили на дачу, ходили в лес и нашли там коричневую глину. Просто пошли за водой в овражек, а там глины целый карьер и экскаватор работает, – и они подали Пал Палычу перемятый кусок тёмно-коричневой глины.

Пал Палыч повертел глину в руках, смял, растёр кусочек между пальцами и сказал:

– А не на повороте ли на Александровку этот экскаватор работает?

– Точно, там, – переглянулись братья. А как вы узнали?

– А мне глина сказала, – улыбнулся Пал Палыч.

– Вот это да, – протянул Антон, – мне она чего-то ничего не сказала?..

– А ты её и не спрашивал, – заметил Пал Палыч.

– Вот походишь на занятия подольше и она тебе будет говорить.

Антон посмотрел на Пал Палыча недоверчиво, соображая – шутит он или нет, а Костя стоял и улыбался. Он-то знал, что это опытные руки мастера, сказали учителю о местонахождении глины, Пал Палыч все окрестные овраги излазил и знает где и какая глина находится.

Антон, как мы уже сказали, был года на три младше брата, белолицый и русоголовый, с голубыми ясными глазами, он верил всему, что говорил Пал Палыч, потому что учитель был у него непревзойдённый авторитет.

– А вы, Пал Палыч, чего делаете? – спросил Антоша и кивнул на кусок серо-белой глины на столе учителя.

– Знаете, ребята, – учитель заговорил доверительно, – было это очень давно. Я был такой же

мальчишка как и Антоша. Делали в Саратове и по деревням вокруг мастера глиняную игрушку. Игрушка уникальная и по красоте и изяществу не уступит даже Дымковской. Исчезла эта игрушка, прервалась традиция. Вот я и решил эту игрушку, а заодно и традицию восстановить. И очень надеюсь на вас. Если вы – молодёжь, меня в этом деле не поддерживайте, то все мои усилия тщетны. Тогда эта работа только на музей, а я рассчитываю на большее. Вон, Ярославцы, восстанавливают свою игрушку, а мы что, хуже. Хочу, чтобы снова в городе продавалась местная традиционная глиняная игрушка. Жаль только, что игрушка не сохранилась, разве только в памяти. Но это ничего, люди по памяти дворцы воссоздают.

– Храм Христа Спасителя в Москве восстановили, – вставил Костя, он любил историю и следил за новинками.

– Молодец, – похвалил педагог. – Храм восстановили, а мы должны игрушку восстановить. Игрушка – тоже храм, только храм особенный без входа и алтаря. На земле игрушка самое великое изобретение человека.

– А космические корабли!? – удивился Антон.

– Игрушка для человечества позначимее космического корабля будет, – сказал Пал Палыч.

– Ух, ты! – удивился Костя, – так и важнее?

– Важнее, важнее, – подтвердил педагог. – Игрушка хоть глиняная, хоть деревянная, любая, сотни поколений людей воспитала и всегда только доброму учила. Доброта, воплощённая в этом изделии, и есть её главная составляющая, её вечная молодость.

– Сложно это Пал Палыч восстанавливать? – спросил тихо Костя, – представить сложно, а восстановить, думаю, ещё сложнее...

– Сложно, но можно. – Утвердительно сказал Пал Палыч. – Сам игрушку помню, и люди рассказывают. Люди – они многое знают, их надо только уметь разговорить, особенно стариков, кому за семьдесят... Когда я был такой как Антон, наша семья жила в деревне, мы с отцом в Саратов ездили и в один дом заезжали, там игрушечница жила, доводились по отцу родственницей. Я, разумеется, за давностью лет почти ничего не помню, но кое-чего в памяти сохранилось.

– А что сохранилось? – спросил с любопытством Антон. Он любил всякие загадочные истории и сейчас, открыв рот, уставился на Пал Палыча, надеясь услышать от него нечто такое, от чего захватывает дух. Очень впечатлительная натура.

– Маленький я был, ребята; куда заезжали? к кому заходили? – убей, не помню. Запомнилась крыша красной черепицей крытая, голубки из дерева, выпиленные по карнизу дома. Больно уж они мне приглянулись. Ребёнок ведь что запоминает? –

Всё броское, необычное. Вот я и запомнил этих голубков по карнизу... – и он пожал плечами, – вот так... Может быть, и ещё чего вспомню.

– Это и всё?? – Удивился Костя.

– А что бы вы хотели?

– А вы, Пал Палыч, в дом разве не заходили? – спросил Антон.

– Меня пить водили, пить захотел.

– И что же? – допытывался Антон.

– Да ничего, попил из ковшика, да назад пошёл. Ах, да, ещё сейчас припомнилось – у дверей встал как вкопанный, в жизни такой красоты не видал... В углу, ближе к двери, печь стоит. Печь, не печь, сказка какая-то, вся изразцами глазурованными покрытая. В Эрмитаже был, у царей и то такой красоты не видел.

– Может быть, чего запомнили из деталей? изразцы какие? Творило или труба, возможно, особенные? – допытывался Костя.

– Много там было чего накручено, разве всё упомнишь, а вот на центральном изразце печи, по центру был зверь вылеплен и так был интересно сделан, что когда печь нагреется, то у зверя во рту всё начинает светиться, вроде как пламенеть, а глаза тоже огненные становятся и как бы гудение появляется. Я пока стоял, да любовался хозяйка кричит дочурке: «Алёнка! закрывай трубу, зверь злиться начал!». Когда домой возвращались, отца спросил

об этой печке. Он рассказал мне, что особо даровитые печники такие вот подсветки устраивали в изразцах, чтоб издали было видно, что печь нагрелась. А если гудение идёт, это значит тяга хорошая. Если же другой зверь просыпается и глаза открывает, то это очень даже опасно, значит тяга плохая. Таким образом, эти два зверя работу печи контролируют.

Пал Палыч замолчал, потом встрепенулся и спросил: – как я понимаю, вы лепить пришли?... О старинной игрушке поговорим потом, я вам образцы покажу, а пока за недоделанные работы принимайтесь. Потому, что недоделать – это самое плохое дело в творчестве, потом может и аппетит к работе пропасть. – И ребята начали вынимать из шкафа свои поделки.

«Поделки – несомненно интересное дело, – размышляли они, – но и рассказ Пал Палыча из головы нейдёт, про изразцовые печи, звериные головы, здорово. Только это всё было так давно. Пал Палычу шестьдесят, а он был как Антон, даже меньше, вот и считай. Нет, прошло всё интересное в жизни мимо них, ничего не успели, даже Пал Палыч опоздал родиться. Но ведь всё равно, что-то, а происходит, не может не происходить, просто они мало чего знают».

Глава 6. **Тайнственные жители**

Правильно рассуждают братья Пчелинцевы. Происходили, происходят и будут происходить в го-

роде разные события, потому как жизнь не прекращается, а раз жизнь не прекращается, значит, и события тоже будут происходить. Как же им не быть, вот и сейчас в это самое время, на дворе вечер, время позднее, братья Пчелинцевы, налепившись в «Спутнике», домой пришли, спать ложатся. У них на двоих одна кровать, деревянная двухъярусная, отец ради экономии площади соорудил. Костя спит наверху, а Антон в низу; Пегас, позёвывая, на четвёртом этаже за столом сидит, рассматривает камешки; Вадик Мухаев спит; Пал Палыч дома дочитывает газету; Юра Митин никак уснуть не может, ворочается с боку на бок и лезут ему в голову разные мысли и больше о том, как он проработал первый день в милиции? Хорошие мысли, только и спать тоже надо. А в это самое время на Большой Горной улице, в большом старом доме под черепичной крышей с голубками по карнизу, с большой изразцовой печью в углу, которые сохранились только в очень старых домах, на большой дубовой кровати лежит старая женщина. И прав был Пегас в том, что у неё была маленькая пенсия, и ей приходилось экономить на электричестве. Только экономить ей осталось совсем недолго. Сегодня ночью она умрёт, а точнее – незаметно уснёт вечным сном с тихой улыбкой на губах, а завтра дворник Никита отвезёт её в Елшанку на кладбище и по доброте душевной сунет могильщикам пару сотен, чтоб похоронили по

– человечески, а не абы как. В общем, он отдаст могильщикам не все свои деньги. Сотенка у него в записке останется. На неё он и помянет новопроставившуюся Елену Никаноровну или мамушку.

Почему мамушку? И одна ли она живёт? Не торопитесь, ещё узнаете. Всею своё время.

Сейчас в просторной мамушкиной комнате никого не видно и не слышно. Мерно тикают ходики на стене. Серебристая гирька на цепочке опускается всё ниже и ниже. Когда она опустится до конца и, вздрогнув, стукнется о пол, тогда и не станет Елены Никаноровны. А вот когда её не станет, то и перестанут светиться рот и глаза изразцового зверя на стенке печи, а это значит, что угли прогорели и печь будет постепенно остывать, как и их хозяйка. У другого же зверя глаза даже и не откроются, потому что трубу в печи никто не закроет. А подтапливает даже летом печь хозяйка потому, что всё время мёрзнет, мало тепла осталось в её теле.

Скажу вам по секрету – Елена Никаноровна знает об этом. О своём смертном часе знают очень редкие люди. Таких людей в народе богоугодными называют. Мамушка знает, что её сегодня не будет и улыбается, глядя на божницу в углу комнаты. И только иногда лёгкая грусть покрывает её лицо, но это не надолго. Ей не страшно умирать. За всю долгую свою жизнь она никому ничего не сделала плохого: не обидела, не укорила, по силе возможности

помогала нуждающимся и за всё, что с ней случилось, а было разное на её долгом веку и хорошее, и плохое, – всегда благодарила бога. За хорошее, замечу, кто же откажется поблагодарить, даже у неверующих, и то с языка срывается. За хорошее – это можно. А вот за плохое! Получил ты, например, по контрольной хорошую оценку, как тут не сказать «Слава богу!». А если получил двойку? Тут как-то и язык не поворачивается бога славить. А вот бабушка и за плохое благодарила, потому что знала, раз господь попустил испытания, значит, их надо перетерпеть, а он тебе за твоё терпение воздаст. Она знает, что в невзгодах душа закаляется и терпеливее становится, а в терпении христианском православном – главная сила человека.

Однако, около умирающей никого не видно!? И это обстоятельство наводит на грустные размышления.

Ты, наверное, подумал, что это очень несчастная и очень одинокая женщина? Не-ет, это не так. Старушка хоть и жила одна, но одинокой и тем более несчастной её не назовёшь, да и больной тоже. Она просто занемогла последнюю недельку, вот и всё. И потом, она прожила очень долгую жизнь – ей недавно исполнился 101 год, и до последней недели она всё ходила и хлопотала по дому, журила и наставляла своих многочисленных деток, которые зо-

вут её просто мамушка, с ударением на втором слоге. Единственное, с кем ей было жаль расставаться и о ком она беспокоилась, это о детях. Как-то они будут без неё? Что с ними станется?

Потом, это только на первый взгляд, кажется, что сейчас дома кроме старушки никого нет, а если внимательнее приглядеться, то можно увидеть, что от подушки Елены Никаноровны даже на минутку не отходит молоденькая и очень красивая девушка – это Дуня, – Дуня тонкопряха. А за подушкой разместился, усатый кот – Мурлотик. Елена Никаноровна гладит его за ухом и тот в знак благодарности мурлычит, потому и Мурлотик. Только все обитатели дома настолько маленькие, что их сразу и не заметишь. Самый большой из них – Заступник и тот не больше двадцати сантиметров роста, а уж про Мурлотика или Пустолоя и говорить нечего.

Дуня – тонкопряха – девушка скромная, заботливая и очень аккуратная. А не аккуратной она и быть не может, потому как тонкопряха и золотошвейка. Дуня прядёт очень тонкие нити, шьёт красивые платья и расшивает их золотом – очень сложная и кропотливая работа, скажу я вам. И делает она эту работу на загляденье умело, потому и заказов у неё никогда не убавляется.

– Ты бы, Дуняша, пошла, отдохнула, – говорит мамушка ласково. – Уж, какой день, доченька, от меня не отходишь и глаз не смыкаешь. Позови ка

мне Васеньку и непременно сейчас, чтоб пришёл с гармошкой, пусть моё сердце порадует, да скажи Катерине, что уж очень хочется перед смертным часом её калачей испробовать и не столько поесть, сколько их запахом насладиться. Пусть напоследок за столом все соберутся, а посреди стола, чтоб калач наш Саратовский жаром дышал, потом уж будете без меня собираться.

– Да, что вы такое говорите мамуша? – немного укоризненно и с азартом сказала тонкопыха, вы у нас ещё сто лет проживёте.

– А ты не сердись, Дуняш. Я ведь знаю, что говорю. Вот ты меня жалеешь, это хорошо, значит сердце у тебя чуткое и отзывчивое. Меня, Дуня, бог пожалеет, а я вот о вашей судьбе думаю, одни вы у меня остались неопределённые, не успела я вам место найти, вы уж простите старую. Только я больше думаю не о вашей неопределившейся судьбе, а о тех детках, кого не успела образовать... Это я о Васеньке говорю. Но и это ничего, бог ему поможет..., руки мои ослабли и не сделали положенного.

– Он у нас и так славный, – зарделась Дуняша.

– Я знаю, что он славный и душа в нём хорошая, только душа не закалённая, неустойчивая, а значит и соблазняющаяся, трудно ему будет...

Дуня хотела ей возразить, но мамушка опередила её. – Нет,... нет...– ты мне ничего сейчас супро-

тивного не говори, а лучше пойд и передай Катерине-калачнице, чего просила.

– Хорошо, мамушка, сейчас же иду к Катерине. Калачик будет самый отменный, ведь лучше нашей Катерины в целом городе никто калача не испечёт, – сказала Дуня и, не скрипнув ни одной половицей, вышла в соседнюю комнату. На место Дуни тут же передвинулся Мурлотик. Он как будто только и дожидался, чтобы занять Дунино место.

– А кто это там у нас на чердак забрался? – спросила кота Елена Никаноровна, вслушиваясь в доносившиеся с чердака стуки.

– Там Свистопляс с Гуделкой учения устраивают, говорят, что их учения приближённые к боевым.

– Приближённые к озорству значит, – добавила Елена Никаноровна.

– Сегодня у них учения ночные, с ограниченной видимостью, – пояснил Мурлотик.

– Озорство да ещё при ограниченной видимости, это что-то уже хулиганством попахивает, – опять, чуть улыбаясь проговорила Елена Никаноровна и добавила. – Шучу я, шучу... Шалунишки они, это пройдёт, только повзрослеть чуть-чуть надо.

– Свистопляс с Гуделкой дружбу водят, – не понимая глубинного смысла сказанного мамушкой, продолжал объяснять Мурлотик, – прямо друзья неразлучные.

– А почему ты его Гуделкой зовёшь? Я его, как он на свет появился, Глиней назвала, – строго сказала старушка.

– Это мы его между собой Гуделкой зовём, он не обижается... – объяснил кот и, помолчав, спросил: – я их, мамушь, не пойму – Свистопляс всем дедушка, а Глиня мальчишка маленький, а целые сражения разыгрывают и на самом серьёзе спорят... Свистопляс из ума что ли совсем выжил? – свистит да скачет, свистит да скачет, только усы да борода развеваются, а то вдруг улюлюкать начнёт. От этого свиста, да поскока на нашу трубу даже галки не садятся. А про воробьёв и говорить нечего. Уж, какой день хочу воробьятинкой побаловаться, а они наш дом за версту облетают.

– Вы на этих закадычных друзей не обращайтесь внимание, – сказала улыбаясь Елена Никаноровна и погладила Мурлотика между ушей. – Свистопляс старый. В народе же говорят, «что старый, что малый», а у Глиняши возраст самый игручий, фантазёр он у нас и придумщик.

– Вот-вот. Два сапога – пара. – Проговорил, а больше промурлыкал, кот.

– Галки и вороны не знают, что Свистопляс совершенно безвредное создание, – сказала старушка. Это он только с виду грозный, а внутри – младенец... пусть играют. Игры, Мурлотик, это прообраз взрослой жизни. Кто в детстве научился по-серьёзному

играть и в хорошие игры, хотя и понарошку, тот и во взрослой жизни этого правила не нарушит... Если он в играх к добру и правде стремился, то и в жизни с добротой в сердце за правду будет горой стоять. Это, Мура, такое неписаное правило. Вот вы играли в игру «Гуси» и никто из вас волком не хотел быть, и это правильно, потому что волчьи принципы идут против души, стало быть, вам и не хочется быть волком даже понарошку. Дети должны играть в добрые игры.

– Никита говорит, что в магазинах из игрушек много страшилок продают, – заметил Мурлотик, – А наш Никита не врёт. Почему это? – мы неопределённые, а там страшилки, а... ?

– А потому, – ласково молвила Елена Никанорова, – что люди искушаются всякой неправдой: кто роскошью, кто самовосхвалением, кто присвоением чужого. Неправды на земле много и одна из неправд – это желание людей в своей жизни обойтись без бога, вот и придумывают всяких монстров для своей защиты..., а к богу не обращаются, отсюда и страшилки.

– Понятно, – сокрушенно сказал Мурлотик, – разве я кого защищу такой маленький и не клыкастый.

– Я тебя, Мура, в свет пустила и жизнь дала не для того, чтобы ты клыками сверкал, да когтями

воздух сёк, твоя помощь людям не в этом заключается.

– А в чём же? – и Мурлотик с любопытством посмотрел на мамушку.

– Твоя обязанность мир нести в человеческие души... Вся беда людей от того, что в их душе мира нет: друг на друга злятся, завидуют, наушничают, кляузничают, наговаривают друг на друга чего и не было и всё для того, чтобы возвыситься, денег много иметь, да побольше всякого добра себе закупить, богатыми стать. Богатство же не спасает, а только увеличивает ненависть и злобу, а они этого не понимают.

– Так как же я им мир-то в душу принесу? – продолжал докучать мамушку вопросами Мурлотик.

– А тебе его и не надо никому нести, – улыбнулась мамушка, – потому, что ты и есть тот самый мир и правда божия. Потому как делала я тебя с любовью. Взял тебя человек к себе в дом – правду взял, частичку любви внёс. И при помощи этой любви и правды воцаряется в его душе мир. И этот мир проливается и на взрослых, и на детей в его доме и начинает царить в этом доме благодать.

– Почему же вы нам всем об этом не скажете, а только мне?

– Потому, Мура, что не все из твоих братьев и сестёр это вместить могут, понять. А тебе это говорю, потому что ты создан мной с особыми мысли-

тельными способностями и всё что я сказала – понять можешь, только этим в себе не кичись и не зазнавайся, потому как это в тебе не твоё, а моё, понял? Я это тебе дала, а не ты трудами приобрёл.

Мурлотик в знак понимания сказанного Еленой Никаноровной кивнул головой и спросил:

– Мои способности – от тебя, мамушь, а у тебя от кого?

– Вот видишь, как ты умеешь осмысливать сказанное... молодец, Мура,... радуешь... А мои способности, скажу я тебе, тоже не мои.

– Разве и выше тебя кто-то есть? – удивился котик.

– Обязательно есть. Мне талант бог дал.

– Это кто?

– Это тот, кто меня сотворил и мне жизнь дал.

Мурлотик покрутил шерстяной головой. Видно это плохо укладывалось в его сознании, потому как он считал мамушку началом всех начал, а тут оказывается ещё кто-то есть.

– А насчёт Свистопляса я тебе так скажу, – продолжила Елена Никаноровна. – Ты, котик, запомни, он очень древний наш Свистопляс. Вы его берегите, это можно сказать семейная реликвия. Он старше нашего дома, улицы и даже целого города. Когда города и в помине не было, может быть даже и самой древнего поселения в наших местах – Увека, а Свистопляс уже был.

– Не понимаю, – сказал Мурлотик, – то говорите, что он ребёнок этот Свистопляс, а то уже древний? А, как же вы, мамушка, ему мать, когда его младше? Так не бывает. Он старше, а тебе сын? Это любой первоклассник знает. Дети старше родителей не бывают.

– Бывают, Мура,... бывают, – любовно проговорила мамушка. – Вот и наш Заступник. Он старше всех из вас, и меня старше, но младше Свистопляса.

– В мою голову это не вмещается, – сказал кот и пошевелил ушами, – это что-то очень философское. Я люблю пофилософствовать, но что говоришь – никак не вмещу.

Вместо ответа Елена Никаноровна только улыбнулась, проговорив:

– Дуня обещала Васеньку прислать, а чего-то всё нет...

Не успела она докончить фразы, как дверь, что ведёт в сени, открылась и в комнату ворвалась весёлая музыка, а вместе с звуками задорной музыки в комнату не вошёл, а буквально вкатился такой же маленький, не выше четверти от пола, вихрастый паренёк в до блеска начищенных хромовых сапогах и закружился посреди комнаты, растягивая меха Саратовской гармоники приплясывая и припевая:

С моей милкой сладу нет
Её любит мой сосед,
Я ведь тоже ничего,

Не смотри ты на него.

Пропев частушку, он пустился вприсядку, наигрывая и припевая.

Наша мамушка Елена
Взяла в руки два полена
Один точно для меня,
А другим побьёт тебя...

И он кивнул на Мурлотика. Это, понятно, был тот самый Васёк, разудалый гармонист и частушечник-прибауточник, сочиняющий свои припевки сразу и с ходу.

– Это за что же меня бить, тем более поленом, – запротестовал кот, – и потом наша мамушка совсем и не дерётся, она хорошая, а твоя припевка плохая и он обидчиво отвернулся.

Но гармонист и не стал оправдываться. Он лихо нажал на лады, рванул меха и прошёлся по кругу, выделывая коленца и припевая:

Не суди меня, Мурлотик,
Не суди меня родня,
До веселья я охотник,
Без гармошки же ни дня. У-у-у-х!

Он ещё сильнее растянул меха и вдруг ударил в колокольчики. Ах, как он играл...! Как играл!? Гармоника в его руках трепетала как живая и звуки, вылетая из этого, казалось, живого инструмента, летали по комнате, ища выхода и, наконец, устремились в печную трубу. Тотчас вылетели из неё, встре-

пенули воздух над крышами и разбудили придремавшего под вишней дворника Никиту. Тот открыл один глаз, потом другой и проговорил ворчливо, но добродушно: «Хорошо играет, бестия». Слово «бестия» – у него в этом случае выступало как одобрительное и даже ласковое. И вообще дворник Никита был очень добрый и чувствительный человек, хотя с виду грубоватый и даже может показаться чёрствым. Он знал всех обитателей старого дома, по своему заботился о них и они отвечали ему взаимностью.

– Растрогал до слёз, – проговорила, вытирая счастливые слёзы мамушка, умильно глядя на плясуна... – На славу удался. Не всё же грустить. Да он действительно мёртвого поднимет...

А Васятка решил выдавить из гармошки всё, что она может и не может и произвёл такие аккорды с колокольчиковым перебором, отчего казалось, что гармошка уже не выдержит и развалится на части, а гармонист под встряхивание кудрей залихватски вывел:

Мама Лена... мама Лена
Говоришь, что щас помру...
Я Саратовской гармошкой
Даже мёртвых подниму...

После последнего исполненного куплета, раздались аплодисменты. Оказывается, пока Васятка веселил мамушку, в комнату на звуки его разудалой

музыки пришли Заступник, Дуняша и Пустолай. Заступник поставил в угол дубину с железными острыми набалдашинами, с которой он никогда не расставался и опёрся о косяк, скрестив руки на своей широкой груди, строго смотрел на Васятку.

Дуня смотрела на артиста влюблёнными глазами, а она действительно была влюблена в Васятку даже и без этой музыки. Пёс, Пустолай, же только одобрительно вилял хвостом и, пытаясь подпеть гармонисту, поскуливал.

Тут прибежали, сшибаясь лбами и подпрыгивая, овечка Смуглянка и козочка Белянка. Эти две неразлучницы и соперницы, до того были увлечены боданием, что по началу не слышали музыки. Они прибежали и замкнули круг. Не было только Свиштопляса и Глини. Свиштопляс, наверное, ещё не прорвал оборону противника, а Гуделка не проиграл ему победный марш.

Напоминаю, что Гуделка – это не новый персонаж, а тот же самый Глиня. У этого смекалистого, шустрого, невероятно ловкого, весёлого, удачливого малыша с самого рождения два имени. Гуделка – это по предназначению. Потому как малыш умеет очень красиво гудеть. Надует щёки и гудит, потому и Гуделка. А ещё он умел своим гудением наигрывать победный марш и другую строевую музыку. Музыка у него получалась, когда он зажимал поочередно то одни, то другие отверстия на животе, рас-

положенные в два ряда, будто пуговицы на его комбинезончике. За мение наигрывать военную строевую музыку и ценил его Свистопляс. Сойдутся они с ним на чердаке под крышей и такие баталии разыгрывают, да с имитацией барабанного боя и ударами сабель и копий, просто ужас. И не один ужас, а два. Один ужас означает – Ах, как интересно! А второй ужас означает – ой, как страшно! Эти-то звуки иногда и слышат около мамушкиного дома прохожие.

Но и это не всё. Это, можно сказать, даже не самое главное. Главное состоит в том, что Гуделка и Свистопляс – большие борцы за справедливость, правду и за здоровый образ жизни. Только борются они с несправедливостью по-своему, по свистоплясовски – очень серьёзно и очень наивно, потому все их начинания, кроме улыбки ничего не вызывают и их акции похожи на самую обыкновенную шалость. Хотя Свистопляс с Гуделкой так не считают. Они даже создали тайную организацию и назвали её «Лига борьбы за справедливость и порядок», сокращённо ЛБСП. Что это за такая тайная организация, которую создали друзья-товарищи я сказал только потому, чтобы вы сами, даже случайно, не задали им самим этого вопроса, потому как непременно наступите на их большую мозоль. Если чего-то не поняли, то спросите меня, рассказчика, а не инициаторов этого ноу-хау. Если же ненароком спросите их, то они вам такого наговорят, понимает-

ся, перебивая друг друга, то, во-первых – будет ничего непонятно – это раз, и совсем будет ничего непонятно – это два. Я уж лучше вам сам как понял, так и объясню.

Гуделка и Свистопляс очень много спорили, когда встал вопрос о названии организации. Как они её только не называли, пытаюсь вместить в название всё многообразие задач. Называли они её и «Щипцы», и «Стоматолог», и «Крючок». Наконец согласились, что организация должна называться просто, понятно и содержательно, потому и назвали её «ЛБСП». Как видите – коротко и со вкусом. Называя организацию, они имели в виду, что её члены должны подобно гвоздодёру вытаскивать из общества «ржавые гвозди» пьянства, табакокурения, цензурщины и другие негативные человеческие пристрастия и слабости. Название «ЛБСП» предложил Свистопляс. Гуделка с ним согласился, но, тут же предложил буквенно уточнить направления деятельности, чтобы не было никаких разночтений. А вот тут я остановлюсь поподробнее и покажу обстоятельства этого переговорного процесса в лицах и деталях.

И так, Свистопляс и Гуделка находятся на чердаке дома и обсуждают животрепещущий вопрос:

Гуделка (сидит на старом письменном приборе с синим фломастером в руке, перед ним вырванный листок из ученической тетради). Я предлагаю запи-

сать слово «Справедливость», потому как борьба с несправедливостью есть фундамент нашей организации.

Свистопляс (поглаживает усы и бороду). Э-э-э, брат Гуделка. Это будет несправедливо. Не можем же мы ратовать за справедливость, а начинать дело с несправедливости.

Гуделка (недоумённо). Помилуй! В чём же несправедливость?

Свистопляс. А в том, что я тоже хотел предложить это слово, а ты меня опередил, пользуясь тем, что у тебя в руках этот пишущий пруттик и ты знаешь азбуку.

Гуделка (нервно). Так и говори своё слово, кто тебе мешает?

Свистопляс. Вот я и называю, а ты записывай, — и произносит: — «Справед-ли-вость».

Гуделка (недоумевая). Так я уже это слово написал?

Свистопляс. А ты ещё раз напиши, тебе что трудно!?

Гуделка (сердито). Это же безграмотно? (Пишет слово ещё раз, нервничает и прорывает фломастером тетрадный лист, бурчит). Как будто от этого справедливости больше станет, если я это слово два раза напишу?

Свистопляс (хитро). Зато будет справедливо.

Гуделка. Принимается. Тогда давай и слово «Разумность» запишем, потому, как мы стоим за разумную достаточность в потреблении.

Свистопляс. Это не обсуждается.

Гуделка. Пишу слово «Сплочённость». Ты как?

Свистопляс. Без сплочённости, мы ничто, в ней наша сила.

Гуделка. Я думаю сюда надо ещё «Сознательность» записать.

Свистопляс. Правильно. Вот я иду сегодня по двору. Его Никита с утра подмёл, а посреди двора уже бутылка из-под пива валяется. Так, где же сознательность? Выходит, мы к каждому человеку должны Никиту с метлой приставлять. Где же мы этих Никит наберём и мётел тоже?

Свистопляс. Читай вслух, что у нас получилось из написанного?

Гуделка (читает): справедливость, справедливость, разумность, сплочённость; сознательность.

Свистопляс (умиляясь написанным). Красиво ка-ак! Может, брат Гуделка, каждому в квартиру повесить, а?.. и заживут люди счастливо.

Гуделка. Послушай! Что же это получается? Назвали организацию «Лига борьбы за справедливость и порядок», то есть ЛБСП, а если мы к абривиатуре ещё буквы добавим от новых слов, то что же получится? абракадабра какая-то (ЛБСПССРСС), в этом даже мы не разберёмся. Давай прежнее на-

звание оставим, без добавлений, ЛБСП и всё, а новые буквы будем в уме держать.

Свистопляс. Так не годится. Пусть будет одно название праздничное, а другое – будничное. Будничное это – ЛБСП, а ЛБСПССРСС пусть будет названием праздничным или будет предназначено только для внутреннего употребления.

Гуделка. Ты не прав...

Я здесь не буду приводить их спор дословно, потому как он весь будет состоять из таких слов как «Ты не прав» и «Нет, это ты не прав». Спорили они спорили, а затем всё же согласились в главном, что основа основ их деятельности – учить людей жить по совести, потому как если жить только по закону, то люди, что без совести, тотчас насочиняют кучу бессовестных законов и им будут следовать и других к этому принуждать. Одним из главных зол они посчитали – роскошь и неразумное потребление, имея твёрдое убеждение в том, что разумная достаточность должна быть главным ориентиром в жизни людей. Правда, они такую философию не сами придумали, а почерпнули из рассуждений дворника Никиты, но это неважно, хорошее надо перенимать. Вот такой вышел с названиями коленкор.

Штаб-квартира, понятно, у друзей была на чердаке. Дымоходная труба служила им доской объявлений. На этой трубе они синим фломастером писали для самих себя разные объявления, которые и

читали тоже сами и строго друг за другом следили и проверяли, чтоб каждый обязательно прочитал, что там написано. Встретит, например, Свистопляс Гуделку и спрашивает: «А читал ты, друг-Свистопляс, объявление на трубе?». «А как же, – отвечает Свистопляс, – как прохожу мимо, так как не прочесть, раз написано». «То-то, – одобчительно говорит Гуделка, я тоже почитываю».

Таким образом, вы уже поняли, что чердак для друзей был и штаб-квартирой, и местом размышлений, и полигоном, где они оттачивали боевое искусство, готовясь к сражениям с предполагаемым противником. А ещё у них была тетрадь, спрятанная в старом кирзовом сапоге, в которой они записывали все акции справедливости, которые им удалось совершить. В ней друзья намечали и планы на будущее.

Понятно, как и в каждой приличной организации у них составлен строгий график мероприятий. На печную трубу под крышей они повесили расписание своей деятельности и строго этому расписанию следовали. И только одно разногласие было между её организаторами. Они не знали, какой свою организацию считать: подпольной или подкрышной. Гуделка настаивал на том, что их тайная организация – есть организация подпольная, а Свистопляс был не согласен и считал её подкрышной, так как они находились под самой крышей, а не в под-

полье. В общем, это мелкие разногласия, они не в счёт, так как во всём остальном друзья были едины и неколебимы.

Почти все обитатели мамушкиного дома подшучивали над ними, кроме Катерины. А, впрочем, вот и она... В комнату входит Катерина с подносом в руках, на котором пышет жаром большой румяный калач. Замечу, что Катерина ростом разве только чуточку повыше Дуни, но дороднее.

– Люблю саратовские калачи, – проговорил, облизываясь, кот, занимая место за столом, повязывая под горло салфетку и вооружаясь вилкой.

Васятка же, увидев, входящую с калачом Катерину, пошёл ей навстречу, наигрывая что-то приветственное и припевая:

Мне жениться захотелось

Ну, ни встать, скажу, ни лечь,

Я жену найду такую

Чтоб калач умела печь...

Дуня, услышав частушку, смутилась. Катерина, была уже женщиной не молодой, но и то, услышав припевку, зарделась и, поставив калач на середину стола и поклонившись в пояс, прижав руку к груди, сказала:

– Прошу, мои дорогие к столу. А ты, прохвост, уже за столом? – нахмурила она брови и строго посмотрела на Мурлотика.

– Я не прохвост, – сказал кот, – я просто сообразительный, а хвост у меня действительно есть, хотя и кроме меня в нашем доме тоже некоторые не лишены этого украшения, который, кстати, придаёт котам элегантность и законченность формы. Правда, Смуглянка? – обратился он к овечке.

– Совершенно верно, – проговорила Смуглянка и добавила, – только это к Белянке не относится, потому что у неё хвостик крохотный и торчком. Эта не хвостик, а насмешка. Хи-хи-хи...

Белянка не могла вынести такой иронии и тут же наставила на Смуглянку свои маленькие рожки. Бац! – раздался хлопок, это овечка Смуглянка и козочка Белянка стукнулись лбами.

– Да вы хоть за столом не бодайтесь, – проговорил Заступник, – нашли место. Выйдите в чисто поле и меряйте силу и ловкость, как все честные и славные воины делают. В нашем богатырском словии так заведено...

– Да им лишь бы лбы почесать, – заметила, улыбаясь, Дуня. – Они не по правде бодаются, а понарошку, так, мамушь? – обратилась она к Елене Никаноровне.

– Шалунишки они, – проговорила Елена Никаноровна.

– Давайте пододвинем стол к мамушиной кровати, – сказала Катерина, – будет, вроде мы все вместе за столом сидим, как всегда, правда?

– И то верно, – проговорил Заступник и одним движением руки пододвинул стол к кровати мамушки.

– Предупреждать надо, – сердито проговорил Мурлотик, запрыгивая на стол и вместе со столом переезжая на новое место.

– Наклонись ко мне, Дуняш, – сказала Елена Никаноровна, – что спрошу? Дуня наклонилась к старушке и та, взглядом указывая на Васятку, спросила, – любишь его?

– Очень, – сказала девушка и покраснела. – Только он на меня никакого внимания не обращает, ему лишь бы на гармошке играть, да в веселье беззаботном жизнь проводить... Почему так?

– Это, Дуняш, потому, что не успела я из него настоящую игрушку сделать, не рассчитала своих сил. Остался он без обжига. Жизненный обжиг – он каждому требуется, от него мозги на место встают и правильно работать начинают.

– А как же Белянка и Смуглянка необожженные?

– Они были задуманы так. Им обжиг не нужен.

– Что ж, Вася такой и останется ни туда, ни сюда на всю жизнь? – горестно спросила Дуня.

– Ты, Дуняш, не беспокойся, вот его жизнь опалит и будет он голубок самостоятельный, а не вертопрах. Ты жди, Дуня,... всё образуется.

Дуня поклонилась мамушке и отошла в сторону.

Только успели рассестся, как в комнату ввалился Свистопляс с Гуделкой на спине. Свистопляс шёл весело помахивая кудрявым лошадиным хвостом и перестукивая копытами. Он нёс в руках трезубец, а мальчишка держал его щит. Свистопляс улыбался во весь рот и включенная борода его, говорила о том, что сражение удалось на славу.

– Так не честно, надо всех звать! – громко проговорил со спины Свистопляса Гуделка.

– А где вы шлёетесь, мои дорогие?! – спросила Дуня.

– Всем известно, что мы стережём границы нашего государства..., то есть двора..., то есть дома, – смутившись, проговорил Свистопляс.

– То есть чердака, – вставила Дуня.

– А ты что делал? – спросил Мурлотик Гуделку.

– Как что? – удивился мальчишка. – Так, я же брату Свистоплясу помогал.

– Один ничего не делал, а другой ему помогал, – проговорил Пустолай, – здорово у вас получается.

– Игра это тоже очень большое дело, только если в правильные игры играть, – заметила старушка.

– А какие это, правильные? – спросил Пустолай.

– А такие, – сказала Дуня, – вот ты зачем на воробья на заборе полчаса лаял, а он на тебя ноль внимания? – спросила она Пустолая.

– И что тут неправильного? – удивился пёс, – я отрабатывал технику лая. А воробей – это так, как

боксёрская груша, не лаять же мне в пустоту. Потом, этот воробей – Крошкин, мой старый знакомец, по-позировал немного. Художникам всегда кто-нибудь позирует.

А ты разве художник?

– Это смотря в чём, если в лае, то – да.

– Ты смотри, чтоб твой Крошкин нашего Фёдю не склевал, – вечно во дворе отирается, то же мне – позёр, – укоризненно вставила Катерина.

– Вот-вот, – увидев поддержку, накинулась на пса Дуня. – Смотри-ка... художник нашёлся, ты должен охранять вверенную тебе территорию, по запаху врага чуют, – заметила Дуня.

– Воров даже очень хорошо чую, – сказал Пустолай. – Вот недавно нас решили ограбить. Пришли двое подростков, зашли за наш сарай, оторвали доску и залезли. Я сразу учуял и вцепился в штанину маленькому, это он в сарае шастал, а Мурлотик сиганул на него сверху. Спасибо, брат Мурлотик, помог, а то бы мне туго пришлось.

– Это мне бы туго пришлось, если б ты не помог, – парировал Мурлотик.

– Здесь вы молодцы, – сказал Свистопляс, – только это видимый враг, а мы с Гуделкой боремся с врагами скрытными, то есть невидимыми или почти невидимыми.

– Как это? – удивилась Дуня.

– Мы, например, сегодня вели борьбу с вещизмом. У нас так в графике и записано: «Борьба с потребленчеством».

– Это что, с барона Мюнхгаузена пример берёте?
– заметил Заступник, – Может быть вы и войну Англии объявите?

– А почему бы и нет, – парировал Гуделка, – Хорошие примеры надо перенимать. Потребительством заражён почти весь мир и Англия в том числе. И если мы объявили войну потребительству, то и Англия в этот список войдёт, если не вошла ещё. Кто не по уму ест, пьёт и одевается, все будут там.

– Как это «не по уму?» – спросил Пустолай.

– Очень просто. – Вот у тебя, брат Пустолай, шуба есть?

– Я без неё просто не могу, – не понимая, куда клонит Гуделка, проговорил Пустолай.

– А ты бы хотел иметь ещё одну такую шубу? – хитро спросил Гуделка.

– Зачем она мне? – недоумённо ответил Пустолай. – Ты чё, шутишь?

– Я не шучу, – заметил Гуделка, – а вот находятся «шутники», которые желают иметь много таких шуб как у тебя и это для одного. Ты подумай об этом на досуге...

– Зачем они нужны, меня, слава богу, одна шуба и греет, и от зноя спасает, и постелью служит, да ей

сноса нет, её на всю жизнь хватит, тут и думать нечего.

– Э-э-э, брат Пустолай! Как ты далеко отстал от жизни и «прогресса», – поглядывая на окружающих, проговорил с хитрецей в голосе Гуделка.

– Это почему же я отстал?

– А потому, что продвинутые псы имеют несколько таких шуб, – и Гуделка стал на руке загибать пальцы. – На прогулку идти – одна шуба, на воровья лаять – другая шуба, – с миски еду лакать – третья, в гости к Мурлоту, например, идти – четвёртая...

– Ты говори, да не заговаривайся, – перебил Гуделку Пустолай. – Зачем мне ворох этих шуб, мне их и деть некуда... да и потом, если в каждой блохи будут водиться и все голодные, аки волки??...

– А ты, про блох не думай, а лучше для этих шуб дом построй, – усмехаясь посоветовал Гуделка, горничную найми, чтоб блох из твоих шуб гоняла.

– Это что же, – не понимая куда клонит Гуделка, упорствовал Пустолай, – это даже ни с чем не сообразуется, правда, мамушь? – обратился он к Елене Никаноровне. – Ты ведь нас всегда учила довольствоваться малым, делиться с неимущими, а он что говорит – десять шуб иметь, да ещё для них отдельную конуру построить... Ты что, Гуделка! С ума сошёл?

– Я то, не сошёл, – заметил Гуделка, – и Свистопляс не сошёл, и мамушка правильно нас воспитывала, а вот за нашим забором у людей столько шуб и прочих вещей образовалось, что в одной конуре не помещаются, и они всё новые и новые дома для них строят.

– Они что, с ума посходили? – недоумённо спросил пёс Пустолай. – Не знаю как у людей, а у нас бы давно ветеринарный карантин установили...

– Правильно, Пустолаюшка, – заметил Гуделка, – видишь и до тебя наконец-то дошло..., умница, правильно мыслишь. А мы что с Свистоплясом делаем? Мы помогаем людям бороться с ужасным заболеванием, типа шизофрении, когда, сколько не имей – всё мало кажется и хочется больше и больше, поэтому, и объявили войну... этой болезни. Что сделаешь, уважаемый, Англия тоже входит в карантинную зону и Америка. По-хорошему, согласно ветеринарных норм и правил, эти страны надо колючей проволокой огораживать, тамбур при входе делать с обязательной дезинфекцией, чтоб болезнь дальше не распространялась, на другие страны.

– Так, у Мюнхгаузена там же сплошная гипербола... преувеличение значит! – проговорил Заступник и посмотрел по сторонам, ища поддержки.

– Интересно и как это вы боритесь с вещизмом? – спросила серьёзно Катерина.

– А очень просто... смотрим на бельевую верёвку и если там не три, а пять платьев висит, то два экспромприруем.

– Не «экспромприруем», а «эскпроприруем», грамотеи... Вы хоть знаете, что означает это слово? – сказала и сдвинула брови Дуня.

– Так это же воровство... – возмутилась Катерина. – И куда же вы их деваете?

– Свистопляс их просто прокалывает трезубцем.

– Значит не воруете, а просто портите!?

– Если без идеи и для себя, то воровство или хулиганство, а если ради идеи, то это акция, – сказал с напыщенной важностью Глиня,

– Я вам покажу акцию... – погрозила пальцем Дуня.

– Дайте же им поесть, – проговорила мамушка, – набросились. Вот поедят и спрашивайте на здоровье. Они вам про все свои подвиги и расскажут. Что было и какие наперёд запланированы.

– Правильно, – сказал Гуделка, – он сел за стол и придвинул к себе калач.

– Так не годится! – хором проговорили Смуглянка и Белянка. – Ты, Глиня, обнаглел. – Они сразу забыли про свои споры и дружно потянули калач к себе.

– Дайте я его рассеку, – сказал Заступник и потянул из ножен богатырский меч. Он не терпел не-

справедливости. И всегда во всех спорах его слово было самое веское.

– Калач ножом разрезают, а не мечом секут, – сказал Пустолай. – Катерина, ты сделаешь это лучше всех.

Заступник смутился и спрятал меч в ножны.

Катерина взяла нож и разрежала калач на одиннадцать равных частей. Первый кусок дали Елене Никаноровне. Та прислонила кусок калача к лицу и стала вдыхать его запах.

– Мамушь, ешьте, – попотчевала Катерина.

– Чудесный запах. – Сказала старушка. – Цветы прекрасно пахнут, духи всякие, а вот лучше хлеба ничего не пахнет. Его запах за сердце берёт, а те запахи только в нос шибают.

К калачу сразу потянулись все сидящие за столом.

– Так куда ты со своими вилами лезешь! – озлился на Свистопляса Пустолай, – все как люди, а ты?

Свистопляс действительно в это время попытался на трезубец нанизать кусок калача.

– Это не вилы, а трезубец, – поправил его Свистопляс, – боевое оружие, между прочим.

– Вот и скачи со своим оружием где угодно, а то сядут за стол и копыта на стол.

– У меня, как у всякого уважающего себя кентавра, копыта под столом и хвост тоже, а чтоб калач

откушать у меня и руки есть, а не то, что у некоторых.

– Это ты на что, на мои лапы намекаешь!? – озлился Пустолай.

– Ни на что я не намекаю... И потом, братец Пустолай, я попросил бы уважать мои седины.

– Ой! Ой!... Только вот этого не надо,.. древность твоя на воде трезубцем писана, у нас у всех одна мама, зовут её – Лена и родились мы все совсем недавно. Нашей мамушке 101 год, значит самому старому из нас не более девяноста годов, если учесть, что она кого-то слепила в десятилетнем возрасте.

– Где это видано, чтобы кентавру сто лет было?! – сказал Заступник. – Историю надо знать господа хорошие.

– А что, меньше? – спросил Мурлотик, – я так и знал... – желая этим обострить разговор.

– Не меньше, а больше, – поправил его Заступник.

– Правильно, брат Заступник, – проговорил сердито Свистопляс, – правильно что за меня заступился, а тебя я, Мурлотик, как лягну копытом, будешь знать, усатая скотина. Кентавр, даже если он только что родился, всё равно старше всех по определению.

– Скажите на милость, кто же это определил?.. – изумился кот.

– История определила... А тебе, как вижу, история не указ!

– Если уж кто и скотина, так это ты, – возразил кот. – Ты хоть на себя в зеркало когда-нибудь смотрел? Половина у тебя от лошади, а другая от человека..., хи... хи.

– Это что же такое? – возмутился Свистопляс, – чего это он издёвки строит. Я что ли в этом виноват? Правда, мамушь?

Следя за перебранкой, старушка глубоко вздохнула и проговорила спокойно и твёрдо:

– Слушайте мой последний наказ дети мои. – Все притихли. – Мне уже совсем ничего осталось, – и она посмотрела на опускающуюся гирьку часов, – вы останетесь жить одни. Будьте умненькими, не ссорьтесь. Вы все братья и сёстры и не кичитесь ни сединой, ни силой, ни ловкостью, ни обонянием, ни зоркостью глаз, ни цепкостью, ни быстротой. Каждый из вас имеет в жизни свои особенности и способности, но у всех у вас одно предназначение – дарить детям радость и учить их жить, а взрослым людям помогать избавляться от прилипшей к их душам скверны, не забывайте об этом. Живите в мире и согласии. Это вы сейчас наскაკиваете друг на друга и ершитесь, а вот придёт лихое время, нагрянет беда, так роднее вас никого в целом свете не будет. Вы уж мне поверьте. – Она замолчала.

– Мамушь, расскажи сказку..., – тянет Глиняша.

– Не приставай к мамушке, – сердито посмотрела на Глиню Катерина.

– Не одёргивайте его, – сказала старушка, – он маленький. – Она немного помолчала, а потом проговорила: – Я расскажу, дети мои, вам сказку, – и погладила Глиню по головке. – Эта сказка для вас всех и для тех кто помладше и для тех, кто постарше. – Она помолчала и, собравшись с мыслями, начала говорить:

– Давным-давно жил в окрестных лесах отшельник.

– А кто такой отшельник? – спросил Глиня.

– Отшельником называют человека, который ведёт уединённый образ жизни, вдалеке от людей. Понял? – Глиня понимающе кивнул. – Так вот жил этот отшельник в лесу в самом глухом месте среди высоких деревьев и диких трав. Была у него там избушка махонькая на одно оконце, да высокое крылечко. А чем он занимался, спросите меня? – так молился богу и в свободное от молитв время лепил из глины игрушки и ставил их край просёлочных дорог и троп. И кто такую игрушку из людей находил, то вместе с игрушкой получал дар.

– Какой дар? – спросил Гуделка. Он любил сказки и смотрел мамушке буквально в рот.

– Так, если кто находил дикого вепря, то становился охотником и была ему всегда в охоте удача. – Продолжала говорить старушка. – Если кто находил глиняных домашних животных, то становился ско-

товодом, а если находил такого мальчика как ты, то быть значит тому, кто нашёл, игрушечником.

– А ты, мамушь, глиняного мальчика нашла, такого как я, да?

– Не перебивай мамушку, – урезонил Гуделку Мурлотик.

– И вот однажды слепил отшельник двух диких страшных зверей, которых люди не видывали и даже голоса их не слыхивали, – продолжила рассказ Елена Никаноровна. – И были эти звери лохматы, зубаты и поскокаты. И велел отшельник этим зверям являться только неправедным людям. И беда была тем, кто их встречал, видно человек этот был неисправимый и закоренелый во зле. Бежит этот человек прочь от страшной находки, да убежать не может. Ибо оживают глиняные звери, становятся больше волка и вепря. Бежит человек и слышит за собой шум лап и стук больших когтей и ужас обнимает бегущего, не спасут его ни стены толстые, ни заборы высокие, ни решётки на окнах кованые.

– А зачем они показываются людям? – спросил Гуделка.

– А затем, что может быть устрашаться неправедники и встанут на путь исправления, упадут на колени и от всей души раскаются в злых делах. Только они не сразу к человеку подступают, а вначале они этому человеку голос подают, а затем уж и себя показывают. А если и после этого человек тво-

рит неправду, то приходят они к нему и их приход для того человека страшен.

– Чем же страшен, а? – теревит старушку Глиня. Он среди всех самый впечатлительный и потому смотрит на мамушку широко открытыми не мигающими глазами. Жмётся Глиня к Дуне, а у самого слёзы на глаза наворачиваются.

– Ты что?.. испугался?.. – спрашивает Дуня, чмок-кая Глиню в затылок.

– Нет, не испугался. Просто человека жалко.

– Сердечко у тебя мягкое, – говорит мамушка, – что ж ты его жалеешь, когда он сам себя не жалеет, потому как зло и неправду творит?

– Всё равно жалко, – всхлипывает Глиня. – Он хоть и закоренелый несправедник, так всё равно по образу и подобию божьему создан, сама рассказывала, потому и жалко.

– А если звери хорошему человеку случайно встретятся, то тогда как? – спросил Пустолай.

Мамушка улыбнулась.

– А хороших людей они никогда не трогают и даже им помогают, но так, что человек и не знает, кто ему помог?

– Что? И добрые, и злые их голос могут услышать? – не унимался Глиня.

– Могут, – ответила мамушка, – только каждый его по-своему воспринимает. Недобрый человек со

страхом и трепетанием в душе, а добрый – как знак божий.

– К чему же знак то? – спросил, начав пугаться Глиня.

– Знак этот может быть и предупреждением, и назиданием, а то и поддержкой. Всякому своё.

– Вот бы мне этих зверей увидеть... – проговорил Мурлотик.

– Что ты..., деточка..., что ты! Испуганно сказала старушка. Не надо об этом и думать.

– А что люди делали, когда другие игрушки находили? – спросил Свистопляс. Он внимательно слушал мамушкину сказку и тоже находился под большим впечатлением от услышанного.

– «Что делали?»,- спрашиваешь. Как найдут, так обнимают их, целуют, несут в селение, поднимают над головой, чтобы всем было видно и говорят: «Смотрите чего мы нашли... Будет теперь радость в нашем доме.». И бегут к ним люди, и смотрят на находку. И тот, кто радуется с нашедшими, то и его дом не остаётся пуст, ибо отступают от них невзгоды и болезни, потому как сорадуются души чистые и открытые и радость их совершенна, а тот, кто завидует в душе, а внешне радуется, то радость его показная, не настоящая. Учитесь, дети мои, разделять чужую радость и горе, вот мой вам наказ.

– Я устала, – проговорила старушка ослабевшим голосом, откинулась на подушку и прикрыла глаза.

Все на цыпочках потихоньку встали и стали выходить в соседнюю комнату, даже кентавр-Свистопляс при этом умудрился не стучать копытами. Один только Васёк хотел растянуть гармошку, но на него так шикнул Заступник, что он опять повесил гармоникку на плечо. Мурлотик же, повернувшись к Дуне, спросил: «Свет выключить?».

– Сам знаешь, – сказала Дуня.

Кот быстро вскарабкался по косяку, дотянулся до выключателя и нажал кнопку – электрическая лампочка погасла.

После того, как все вышли и мамушка осталась одна, в комнате стало так тихо, что даже за печкой сверчок, привыкший к разговорам, присмирел и уже не почёсывал своих музыкальных лапок, а только водил усами. В этот момент, когда всё успокоилось и наступила тишина, в этой, объявшей комнату тишине и сумеречности вдруг послышался осторожный скрип. Это у печи скрипнул изразец с изображением зверя. Затем изразец пошевелился и из него, вытянув лапу и вытащив голову вылез некто. Этот некто отделился от изразца, стал расти, расти и вскоре превратился в большого невиданного страшного зверя. Зверь втянул в себя воздух и принюхался. Затем по стене к мамушкиной кровати скользнула его тень. Вот тень остановилась. На стене тень походила на большое лохматое тёмное пят-

но с львиными ушами и клыкастой пастью, но это был не лев. Большой, страшный зверь с лохматой гривой и большими светящимися как два оранжевых блюдца, глазами подошёл к постели умирающей и обнюхал мамушкино лицо, как бы желая понять, жива она или уже нет.

– А-а-а... это ты, собиратель. Жива, я, милый..., жива, – проговорила Елена Никаноровна чуть слышно и, подняв руку, опустила её на широкий лоб зверя. – Как же я могу умереть, не попрощавшись с тобой. – В ответ зверь лизнул мамушкину руку и сел около кровати на задние лапы. – Я думала о тебе, – продолжила говорить старушка, – Я хотела передать своё мастерство добрым людям, особенно детям, но видно не судьба. Ты тоже не нашёл никого из людей, кто бы мог этим заняться? – спросила она зверя.

Зверь в ответ отрицательно покачал лохматой головой. Он видимо понимал человеческую речь, и старушка знала, что он понимает её, но только зверь не говорил, возможно, он не хотел мешать Елене Никаноровне высказаться в этот последний час.

– Храни тебя бог, – сказала мамушка. – Правду отшельник говорил, что всему свои сроки. – Тут ей стало трудно говорить, и она замолчала.

– Я буду стеречь твой дом, когда в нём уже никого, никого не будет, – проговорил зверь человеческим голосом похожим на скрип большого дерева.

– Этого не требуется, – поспешно сказала Елена Никаноровна, – будь свободен; пока я жива, то никому не нужна, кроме моих деток, то разве что изменится после смерти. Уходи... Скоро сюда придут страшные люди и не оставят здесь камня на камне... Спасибо тебе, милый, послужил. Передай отшельнику от меня спасибо, что не забыл старую игрушечницу. А теперь, собиратель, посиди ещё чуток и когда дыхание моё остановится, закрой мои глаза и ступай. Да, кстати, а брат твой, хранитель, не возвратился из дальних стран? уже должен быть здесь. – Спросила мамушка, – что-то его изразец недвижим?

– Этого никто не знает, – проговорил зверь и лёг около мамушкиной кровати на полу, положив косматую голову на передние лапы и прикрыв глаза.

– Ты собиратель, – сказала старушка почти шёпотом, твоя задача собрать всё, что осталось от сделанного умельцами, как повелел тебе отшельник, и передать собранное хранителю.

– Я помню об этом, – промолвил зверь. – Я много чего в его отсутствие успел. Огромная пещера, скрытая в Соколовой горе от человеческого глаза, заполнена; в ней не хватает только твоих изделий. Я сделаю всё, что мне поручено.

– Жди хранителя, – прошептала старушка. Больше Елена Никаноровна не сказала ни слова.

Ночью старушки не стало, гирька опустилась до пола и старая добрая игрушечница, умерла. И люди в окрестностях, аж до самого Сенного базара, услышали полный горести громкий звериный рык. От этого рыка взлетели с карнизов, близ находившейся церкви, в ночное небо испугавшиеся голуби. Звук-овая волна от рычания достигла колоколов на звоннице, ударилась о них и те отозвались тихим одновременным гулом. Прснувшийся звонарь, выглянул в окно и, взглянув на часы, перекрестился, лёг на другой бок и сказав только одно слово «почудилось», уснул, а дворник Никита, ночевавший во дворе под вишней, вдруг сел, покрутил влажмаченой головой, прогоняя остатки дрёмы, поскрябал бороду, подошёл к калитке, выглянул на улицу, думая, что просигналила какая-то большая машина, но ничего не увидев, снова лёг под вишню.

От этого рыка проснулся и вошёл в комнату мамушки мальчик Глиня. В комнате никого не было. Глиня стоял рядом с кроватью и не понимал, почему мамушка не шевелится и не гладит его рукой по голове. Он даже не заметил, как прямо к изголовью умершей спустился на паутинке паук Федя. Мы о нём уже упоминали, когда говорили о воробье Крошкине. Федя повисел над Еленой Никаноровной, погладил двумя паучиными ножками мальчи-ка Глиню по голове и глубоко и горестно вздохнув, медленно, перебирая лапками по паутинке, стал

подниматься к потолку. Ножки его скользили, так как паутинка была мокрой от горьких паучьих слёз.

Я думаю, что ты читатель, уже догадался, что всё многочисленное семейство старого дома по Большой Горной улице были игрушки. И были они сделаны из самой обыкновенной глины, которую Елена Никаноровна хранила в сарае в больших ларях. На эту-то глину и наткнулся в потёмках Муха.

Ах! Если бы знал Пал Палыч, что Леня Пегасов принёс ему на экспертизу именно глину из сарая, когда-то известной и забытой игрушечницы. Если бы он знал, что именно в этот дом завозили его в детстве к дальней родственнице попить воды? Если бы он это знал! Впрочем, кажется, он стал о чём-то догадываться.

Глава 7. **Непризнанная болезнь**

На следующий день, после обеда, к дому, крытому красной черепицей, на Большой Горной подъехала машина с крупной надписью «РИТУАЛ». Из неё вышли одетые в чёрное сотрудники похоронной фирмы, положили Елену Никаноровну в гроб и унесли. Сторож Никита ещё походил немного по горнице старого дома, поскрипел половицами, похмыкал, поглядел на испуганных глиняшек и сказал: «Вот мы и осиротели... Нет вашей мамушки...»

нет моего лучшего друга... То-то и оно... Что теперь со всем этим будет? – Он помолчал и добавил, – Просил меня один господин, вроде добрый, позвонить, когда Никаноровна преставится. Дом этот он намеревается купить, отремонтировать. Я его попрошу, чтоб вас не забыл...».

Никита ещё немножко посидел, взял молоток и пошёл забивать гвоздями ставни.

Как только Никита заколотил ставни и в доме образовался полумрак, игрушки сразу зашевелились, слышались вздохи. Обитатели старого дома под черепичной крышей без Елены Никаноровны сразу почувствовали своё одиночество и беспомощность. Они ходили по комнатам, не зная чем себя занять. Каждый думал о своём, но вместе, если соединить их разрозненные мысли, они думали об одном и том же – «что будет?». Свистопляс тыкал трезубцем в стык между половицами, бороться с недугами человечества ему как-то не хотелось. Пустолай подошёл к двери в сенях, поцарапал её лапой, но дверь была плотно закрыта дворником, выйти во двор было нельзя. Мурлотик лежал с закрытыми глазами, но не спал и даже не дремал, просто, лёжа с закрытыми глазами, ему удобнее было отдаваться своим философским размышлениям. Овечка и козочка присмирели и не стукались лбами, а отрешённо смотрели на Заступника, который ходил взад и вперёд по столу, держа на плече дубину. И если бы

он не ходил взад и вперёд, то наверняка бы расплакался. Откровенно плакали, обняв друг друга руками, только двое – Дуня и Катерина. Их лица были мокры от слёз. Куда-то подевалась весёлость Васи. Он сидел на маленькой скамеечке, сделанной специально для него, чтобы было удобно играть, но не играл, а только нажимал на клавиши, да теребил ремни гармошки.

Через некоторое время за окном раздался звук подъезжающего автомобиля, послышались голоса, заскрипели ступеньки крыльца, щёлкнул замок. Игрушки быстро спрятались за зеркальные половинки трельяжа, занавешенные, как и полагается в случае покойника в доме, материей и стали оттуда наблюдать за происходящим.

В комнату вошёл Никита, он щёлкнул электровыключателем, комната осветилась и игрушки увидели маленького жирненького господинчика с круглой головой, мясистыми ушами, двойным подбородком и смеющимся, одним, видным игрушкам, глазом. Господинчик стоял к игрушкам боком «Добрячёр» – подумали разом игрушки, подсматривая за вошедшими. Вслед за добрячком в комнату вошла длинноногая молодая девица с синими волосами и выражением удивления на хорошеньком личике.

Глядя на маленького добренького господинчика и на девицу с приятным выражением лица, у игру-

шек немного отлегло от сердца. «Этот добрячѣк не сделает нам ничего худого, – подумали они, – и «Барби» (так они прозвали синеволостую милашку), очень даже прелестное существо и тоже не сделает нам ничего худого». И они уже хотели выйти из-за трельяжа, как вдруг миленькая барышня увидела паука. Это был, уже известный нам, паук Федя. Федя спускался с потолочины, чтобы посмотреть, что за люди пришли в дом и как ему к этому относиться? Особенно ему хотелось рассмотреть красивую молодую женщину с синими волосами, потому как он за свою долгую жизнь в доме Елены Никаноровны никогда не видел синих волос и потому он спускался прямо к ней, а точнее к её синим волосам, чтобы поближе их рассмотреть. И это желание в Феде было столь сильно, что он забыл про присущую паукам осторожность.

Мамушка знала Федю, и Федя её знал и потому никогда не развешивал паутину на видном месте, чтобы не досаждать хозяйке и не заставлять её снимать паутину веником. Это была негласная договорѣнность и обе стороны её неукоснительно соблюдали, поэтому Федю можно назвать пауком очень деликатным. Феде, конечно, очень хотелось дотронуться до синей волосинки хоть одной лапкой, ну хоть самый чуток и потому он спускался всё ниже и ниже, пока не повис на паутинке напротив синей чѣлки.

– Ах! Что это за гадость!!! – вскричала девица, увидев Федю и её хорошенькое личико, вдруг исказилось в брезгливой гримасе, которая одновременно выражала испуг, презрение, возмущение и гадливость, густо замешанные на нескрываемой возмущённой злости.

Ах, уж эта возмущённая злость, как она искажает лица! Делает их безобразными и в этом безобразии отталкивающими. Как правило, эту злость, у большинства людей, первыми проявляют и выказывают глаза. Они загораются нестерпимым огнём ярости. Так происходит у многих людей, но только не у этой Барби. Взгляд её стал отчуждённо ледяным. От этого взгляда будто тысячи снежных игл пронзили горницу. Паук Федя тотчас решил убраться подальше и быстро,... быстро заработал всеми ножками, поднимаясь к потолку, где в выпавшем сучке у него был устроен очень приличный домик.

Игрушки, таким изменением в синеволосой, были просто ошарашены. Взгляд её был высокомерен, поза вызывающая, мимика презрительная.

– Что здесь смотреть, – сказала Барби, сморщив носик, – обыкновенный хлам. Неужели, милый, ты этот дом собираешься ремонтировать? Это не формат. Он же от древности провонял пауками и тараканами. А может быть в нём даже водятся клопы?... Это ужасно, дорогой. Говорят, клопы могут столетиями пребывать во сне, а потом, при благоприят-

ных условиях, просыпаться, бегать и кусать. Это ужасно. Тут дурно пахнет, – и она зажала носик пальчиками.

Слово «Не формат» эта особа употребляла в каждом случае, если она хотела отстоять своё мнение и при этом не показаться обыкновенной симпатичной глупышкой.

– «От этой Барби добра не жди», – разом подумали игрушки, втискиваясь подальше за трюльж и стараясь не попасться ей на глаза.

– Хорошо, Зинуля, я не буду ремонтировать это старьё, мы его снесём, а на его месте выстроим коттедж. Ты довольна, милая? – Уступчиво проговорил добрячок, явно не желая спорить с синеволосой.

– «Добрый, но подкаблучник», – подумала Катерина, наблюдая за сценой в доме.

– Как же так, – сказал недоумённо дворник, – вы же говорили, что будете ремонтировать? В таком разе я бы и дел никаких с вами не имел, и деньги ваши мне не нужны...

– Он тебе говорил это для того, чтобы ты караулил дом, берёзовый пень, а не для того, чтобы задавал сейчас глупые вопросы, – взвизгнула Зина, повернувшись к дворнику Никите, и вперив в него мышьиные глазки.

– Да... да, разумеется, – проговорил толстячок и вдруг игрушки увидели, что у «добрятка» один, левый глаз совсем добрый, а другой, правый – совсем,

совсем злой. И когда он стоял к глиняшкам левым боком, то казался очаровательно добрым и милым, а когда поворачивался правым боком, то игрушки старались на него не смотреть, потому, как им было страшно. «Злюнчик» – подумали они разом.

Конечно, Барби-Зина очень рассердилась, увидев в непосредственной близости от своего носа серенькое волосатое брюшко Феди. И тут в гневе она увидела высунувшуюся из-за трельяжа часть Дуниного платья и трезубец Свистопляса. Барби-Зина подошла к трельяжу и со словами, – «кто же здесь прячется?», вытянула сначала из укрытия Свистопляса, рассмотрела, близоруко приблизив его к кукольному личику, и со словами: «Уродина» и «Тьфу», отложила горемычного в сторону, а вот Дуню стала с интересом оглядывать со всех сторон.

– Ах, какая милашка, – проговорила она. – У этой старушенции был не дурной вкус.

– Оставь, Зина,... ну что ты, право, как маленькая.

– Да нет, ты посмотри на эту кукленцию, Фома Фомич! Не будь букой – обратилась она к «добрячку». – Может быть возьмём?.. забавненькая штуkenция... (разумеется глиняшки слово «добрячѐк» уже воспринимали в отрицательном смысле, то есть «Злюнчик» И если они в дальнейшем и произносят слово «Добрячѐк», то с прямопротивоположным пониманием его значения).

– Гм... Интересная поделка, – проговорил «добрячёр», названный синеволосой Фомой Фомичём. – Надо показать Эдуарду Аркадьевичу, он специалист, возможно, всё это и представляет какую-то ценность?

– Я возьму? – сказала синеволодая.

– Сейчас, Зина, ничего не бери, вот приедем с подрядчиком, тогда.

– Хорошо, милый, – и синеволодая, поставив Дюню на стол, вытерла носовым платочком кончики пальцев.

Потом «добрячёр» и синеволодая девица уехали, пообещав Никите приехать с подрядчиком и окончательно решить судьбу дома. После их отъезда, Никита запер дверь и ушёл, ворча под нос: «Люди жили, жили, и на тебе, ломать. Этот дом ещё сто лет простоит и не покосится. Ошалели. Истинно ошалели. Вон сколько в городе негодящих построек, сноси не хочу, а они крепкий ещё дом на снос... Для них он, видите ли, не формат. Вот людишки-человечишки. Слово-то придумали... «не формат»... тьфу... вот гад-паразит. Эх, грехи наши тяжкие, – и он отправился на своё излюбленное место под вишню. Устроившись под вишней на старом ватнике, сунутом под голову, он долго ворочался и всё ворчал, – Не формат, не формат. «За это слово удобно подлость прятать, – думал он. – Это слово подлости значительность придаёт и чем больше подлость, тем

выше значительность». «Есть же простые русские слова, – рассуждал он, – нет же, накрутят... навертят. Изъясняться понятно разучились и всё это от того, что мысли свои не хотят показывать, потому и прячутся за такие слова-паразиты. Вот Никита изъясняется понятно и ясно, а почему? Да потому, что ему скрывать от людей нечего».

Добродушный Никита ощущал всем телом несправедливость в отношении дома и обман в отношении самого себя. Потом, он никак не мог понять, почему достаточно крепкие постройки, которые ещё можно отремонтировать и они смогут служить десятилетия, надо непременно ломать? В конце концов, их можно отдать неимущим, тем же бомжам, не имеющим над головой крыши, зарегистрировать их в этих домах? Только почему-то никто об этом не думает? Вот он, Никита, думает, а кому положено об этом думать – не думают.

Его размышления прервали доносившиеся от сараев звуки. Никита скосил глаз и увидел, как какая-то незнакомая ему шавка, грызёт под кустом сливы старую выбеленную ветрами и морозами кость. И снова в его голову пришли мысли. Он подумал: «Даже для бродячих собак сделали в городе приют, а люди скитаются по подвалам. Так нельзя. Собака хоть природно защищена: от стужи шерстью, от голода всеядностью, а человек никак. Желудок собаки приспособлен и она может есть всякие от-

бросы, а у человека желудок не приспособлен, но он их ест, потому, как надо поддерживать в теле жизнь...».

Так думал Никита и старался найти ответ на заданный самому себе вопрос. Точнее вопросы. Этих вопросов у Никиты было много, ну, например такие: зачем человеку наживать миллиарды долларов, когда нескольких десятков тысяч ему достаточно, чтобы безбедно жить до самой смерти? И ещё – зачем человеку иметь несколько домов в городе и квартир, когда и одного дома девать некуда? «Это от жадности, – думал Никита, – а жадность от чего?». Не знает Никита от чего жадность в человеке пребывает. «Наверное, это болезнь такая, – думает он, – забирается в человека и заставляет его копить безудержно, а остановиться он не может и становится вроде пьяницы – пьёт вино до тех пор, пока не свалится в канаву. Если это так, то тогда не надо писать в газетах, что в стране столько-то миллиардеров, а надо так и написать, что в стране столько-то больных жадностью людей, а столько-то больных гриппом или скарлатиной. Только вот как вылечить этих людей от страшной болезни накопительства, дворник не знает». Потом он стал опять думать о бездомных людях и ему их было очень жалко – так бы и взял их всех в свою комнатёнку. Только куда он их возьмёт, когда в ней и так помещается только кровать и стол с двумя табуретками?

Нет, Никита знал ответ на этот вопрос, но этот ответ годился в том случае, если бы в городе жили люди все похожие внутренне на Никиту. Просто они поделились бы с неимущими, вот и всё. А вот бездомный Валет, которого Никита хорошо знает, не согласен с Никитой и говорит, что так не бывает. У дворника есть и запасной вариант ответа, он правда немного фантастический, но вполне приемлемый. Он заключается в том, что если бы люди в городе немного подумали и избрали бы в парламент одних Никит и они придумали и написали справедливые «Никитины законы», а законы эти бы защищали бедных, то тогда бы все были счастливы. Затем его мысли перешли на другое, потом на третье и так далее и он в конце-концов задремал.

Под вишней Никита проводил всё своё свободное время, которое ему выпадало после наведения порядка во дворе и на улице. Только наводить порядок становилось всё сложнее. Особенно Никиту мучил всякий упаковочный материал, который жители двора валили около мусорных баков, потому как баков не хватало. Раньше у Никиты был всего один мусорный бак и хватало. Теперь пять баков и не хватает. «Это куда же движется человечество, – размышлял Никита, глядя на коробки и коробчёлки, пакеты и пакетики, – эпидемия какая-то? Если так дело пойдёт, то скоро люди совсем не будут думать о смысле жизни, а будут только есть, менять хорошее

платье на лучшее и хорошую мебель на ещё более лучшую и конца и края этому не будет. А конец и край всё-таки будет, он наступит тогда, когда съедят всё, а из этой вишни, применив новейшие технологии, сделают прекрасный стул, на котором можно будет сидеть, а вот лежать в тени под вишней и предаваться мечтам будет уже нельзя.

С этим двором дворника связывало очень многое. Во-первых, здесь он прожил всю свою жизнь. Во-вторых, расположение двора было таково, что с его территории была видна бескрайняя водная гладь Волги и с двух сторон виднелись купола церквей, что Никиту толкало на философские размышления. Во-вторых, будучи человеком по натуре добрым, он не терпел всякой несправедливости. А несправедливость вся исходит, как он полагал, от богатства одних и бедности других. Лёжа под вишней, он и пытался разрешить этот сложный социальный и экономический вопрос. Для себя он экономический вопрос более-менее решил, устроившись по совместительству дворником к одному состоятельному человеку, таким образом, пополнив свой скудный заработок, а вот с человечеством и мирозданием было сложнее. Теперь, правда, он не считал, что ему повезло с приработком, потому как устроил его на эту работу неизвестный Фома Фомич в то самое время, когда нанимал сторожа присматривать за домом. Теперь Никита мучился угрызениями совес-

ти по поводу добавочной работы с подачи Фомы Фомича. Здесь он тоже почему-то теперь стал ожидать подвоха. «Где один подвох, – думал он, – там жди и другого, крапива, она не одним кустиком растёт». Правда, к Эдуарду Аркадьевичу он никаких претензий не имел, человек аккуратный, не в пример другим, сам никогда не сорит и другим не велит, к тому же настоящий учёный. Правда, в его жизни Никите тоже было не всё ясно: построил дом большой, хороший, а живёт один. В его дворе, который подметает дворник, хорошо детям играть, а их нет. Это неправильно, неразумно.

А ещё Никита очень любил игрушки, которые делала Елена Никаноровна; помогал ей, когда старушка ослабла и совсем не могла крошить и просеивать глину, колол дрова для обжига. И всё это он делал по доброте душевной, а не за деньги, хотя Никаноровна не раз предлагала ему деньги с выручки, когда приезжала после продажи игрушек с Сенного базара или с Пешки. Никита же всегда отказывался, говоря: «Вот если бы я не имел должности и мне бы за моё дворничество не платили зарплату, то может быть я и взял бы малость на продление жизни, а так, Никаноровна, не могу, совесть не позволяет, потому как исповедую самый главный закон мироздания – «довольствуйся малым». И тут же объяснял этот закон, как он его понимает. – Вот лев, вроде бы хищник и тот задавил коосулю, наелся и других

косуль не трогает, хоть они около него табуном ходят, а человек? С десяти косуль кожу сдерёт и ему всё мало, скоро даже репы будем в Красную книгу заносить, и то браконьеры найдутся. Зачем это, Никаноровна? как понять? Мне одних ботинок на пять лет хватает, а тут совсем новые, сезон проходили и их к мусорному баку,.. а? Я вот беру эти добротные ботинки и ношу и не потому, что у меня на новые денег не хватает. Я, сама знаешь, одинок, мне хватает. Только зачем хорошую вещь выбрасывать? «Не модная», – вставила тогда Никаноровна.

«Мне кажется, что эти все моды придумали для того, чтобы людей совращать, – сказал Никита в ответ. – Моды эти из года в год меняются, заставляя людей совсем новое выбрасывать, богатство земное расточать, ресурсы земли, они ведь не безграничные эти ресурсы».

Елена Никаноровна знала, что Никита никогда не покупает одежды, а всё донашивает, что выносят к мусорным бакам, то, что добротно, а, заработанные за дворничество, деньги не копит, а отдаёт неимущим. Об этом большом Никитиным секрете она узнала случайно, от одной нищенки. Однажды Никаноровна как-то ему сказала об этом, а он нахмурился и ответил: «А ты хочешь, чтобы я их пропищал, да?» и больше они к этому разговору не возвращались.

Ещё об одном Никитином секрете Никаноровна не успела узнать. Секрет этот заключался в том, что заработанные у Эдуарда Аркадьевича деньги дворник отдавал в похоронное бюро для ухода за брошенными могилами, потому как считал, что кладбище – это лицо общества и если это лицо не умыто, и не ухожено, то, что говорить о его внутреннем содержании.

Только это было в жизни Никиты всего один раз, потому как он получил у учёного человека всего одну зарплату. Сейчас же Никита просто спит под вишней и даже не догадывается – в какую круговерть скоро попадёт его маленькая, вызывающая у многих недоумение, жизнь.

Дворник Никита так бы всю ночь и проспал под вишней, но произошло непредвиденное. Поздно вечером к нему зашёл уже упомянутый нами знакомец, по прозвищу «Валет», выражаясь юридически – лицо без определённого места жительства, а попростому – бомж. Валет был среди бездомных человек известный. Среди бомжей он был ходячим радио и информационным газетным вестником тоже. Не было ничего такого, чего бы не знал Валет. По натуре живой и очень подвижный, с искрящимися чёрными как смоль глазами и густой, вьющейся, с мелкой проседью цыганской шевелюрой, он и впрямь походил на цыгана, если данному портрету ещё прибавить постоянную на лице улыбку и поблё-

скивающие сахарной белизной ровные красивые зубы. Из его рта постоянно сыпались то шутки, то анекдоты, он всегда был душой любой компании; товарищей по несчастью он называл пилигримами или странниками, а бомжацкую жизнь – задворками. Как он попал на эти задворки, никто не знал, да и Валет не любил об этом распространяться. Только слово «задворки» всем полюбили и как-то незаметно прижилось.

Сейчас Валет был одет нарочито неряшливо и даже по сравнению с другими жителями задворок – вызывающе неряшливо. Единственным светлым пятном во всей его внешности был, повязанный на грязную шею, ослепительный белизны платок.

Любил Валет в таком виде ходить по вокзалам и другим общественным местам и подсаживаться к прилично одетым гражданам и наблюдать за тем, как они начинают от него отодвигаться, а потом, сделав презрительную мину, уходят, совсем не желая иметь такое соседство. Вёл он себя при этом немного вульгарно, но, не выходя за рамки дозволенного.

– Всю жизнь проспишь под своей вишней, – сказал Валет, присаживаясь рядом с Никитой. – Чего здесь лежишь, а не в хороммах? – так он называл Никитину комнатёнку.

– Опять за старое взялся, – пробурчал Никита, – посмотрев на одежду Валета. – Доведут, Валя, тебя твои похождения до непоправимого.

– Я и сам знаю, что доведут, – тряхнул кудрями Валет.

– А чего же не бросишь? Решил весь свет перевоспитать.

– Не могу бросить. – И вдруг Валет горячо заговорил. – Не могу я вот так. Рядом ходят, чванливые, морды воротят. Для них пилигримы не комфорт, понимаешь? Они были бы рады, чтоб нас совсем не было; рассядется, вся в кисеях, а тут раз и я: «можно, дамочка, я рядом присяду и скрашу ваше вопиющее одиночество...?» – Ах, как презрительно и негодующе сверкнут её глаза, как закусит симпатичные губки, как смеряет ненавистным взглядом?.. «Да, – говорю я своим появлением, – мир не одинок. Нашу планету заселяют и такие существа как я и мне подобные. Зачем же от нас шарахаться и морщить носик. Вы же не морщите носик, когда гладите вашу, завитую в парикмахерской, собачонку...».

– Чего ты этими похождениями добиваешься? – прервал гостя Никита.

– Совесть пробуждаю, Никита, совесть. Если так дело и дальше пойдёт, то совесть только у одних пилигримов останется, её и сейчас хоть в красную книгу заноси.

– Убьют тебя когда-нибудь за эти штучки, – укоризненно сказал Никита. – Прошлый раз собаку на тебя натравили – кое-как после этого твою шкуру залатали, потом избили... Ты что, забыл, как две недели в себя приходил?

Такое действительно с Валетом было по осени. Тогда он решил осчастливить своим присутствием некоего господинчика. Откуда было Валету знать, что он был не один, и что в сторонке за его безопасностью наблюдали двое телохранителей. Тогда Валет действительно две недели, если не больше отлёживался в комнатке Никиты на его кровати, а Никита спал рядом, положив на стулья доски и выхаживая Валета травами.

– Не забыл я, Никита, ничего. Что нервы рвёшь?

– Не забыл, а опять туда же... Убьют они тебя... Зря ты так. Вон, опять вырядился.

– Убьют, конечно, – мотнул согласно головой Валет, – но не сразу. Я живучий... Ты меня не переубеждай. Я может быть и на земле живу только для того, чтобы совесть в людях пробуждать, может быть в этом вся ценность моей жизни и состоит? Спасибо, Никита, за заботу.

– Ты не обижайся... – ласково сказал Никита, – я сам такой, но нельзя же вот так... раз – и на тебе. Белый платок зачем повязал?

– А ... этот, – и Валет оттянул платок кончиками пальцев. – Он у меня вроде сигнального элемента. Я

его специально крахмалю, наутюживаю, а затем уж бантом повязываю, чтоб издали было видно и глаза резало. На затрапезном он очень хорошо выделяется.

– Расшифруй задумку.

– Платок этот обозначает душу живую, чистую, которую бог создал, и никто не имеет права на эту душу ногой наступать.

– Ты думаешь, что тебя поймут?

– Не все, Никита, не все, но находятся. Один господин долго на меня смотрел, а потом подошёл и заговорил, и даже работу и крышу предложил.

– А ты что?

– Я поблагодарил и отказался, потому что я не о себе стараюсь. Ты думаешь, Никита, что я у них на свою бедолажную жизнь клянчу?... Ты думаешь, что я для пилигримов место под солнцем выторговываю?.. Нам надо, чтоб нас за людей почитали..., пусть мы на задворках, но люди, а не отбросы общества, которые можно в ведро да в помойную яму. Это, Никита, главное. Тот господин даже прослезился, но не то, чтобы слёзы текли, а веки покраснели. Это означает, что у него совесть пробудилась, что он вновь человеком стал, а виной тому этот платок. Ты думал, что это я для понта бомжацкого платок повязываю?..

– Ничего я так и не думал... – буркнул дворник.

– Нет, думал и думаешь... По глазам вижу, что думаешь... А я, Никита, не о себе, а о них, о буржуях, забочусь. Вот избили они меня, собаками потравили, и ты думаешь, что это вот так, без следа? Нет, Никита... Одним своим появлением я только один слой коросты с души человеческой сниму, а второй раз – другой слой, так глядишь душа-то и солнышко на небе увидит, и сама засверкает, как лучик солнечный.

– Я ему про Фому, а он мне про Ерёму, – проворчал Никита дружелюбно. – Ты лучше скажи, почему и за какой надобностью пришёл?.. поздно уже. У меня ночуешь или как?

– Братишки послали, – ответил Валет, – насобирали тут малость, а хранить негде. Решили, что надёжнее, чем у тебя места не сыскать...

– Я вам что, банк что ли? – проворчал Никита.

– Люди доверяют..., ты уж, Никита, не отказывайся, – просяще проговорил Валет.

– Ворованные? – спросил Никита строго. – Тебе верю, а за всех не ручаюсь.

– Говорю тебе.., насобирали.., а ты.., ворованные.. Так нельзя. – Сказал Валет обиженно.

– А по какому случаю деньги? Сами ведь живёте – день прошёл, и слава богу...

– Потому и отдаём, что так живём... Ты уж, Никита, схорони, не обижай... Люди от всей души...

– Объяснил бы, что к чему? а то с пылу, с жару,... на, храни... С какого собачьего лая я их должен хранить? Вот людишки-человечишки...

– Я сам мало что знаю, – начал Валет, – только среди бомжей слух прошёл, что среди нашей братии один уважаемый человек оказался, учёный, профессор, книгу пишет, а издать эту книгу не на что, вот мы и решили помочь.

– Учёный, говоришь,... книгу пишет... Славненко..., – встрепенулся Никита и от удивления поднял брови.

– Чему удивляешься? Тут удивляться нечему. Среди нашей братии кого только не было: и артисты, и музыканты. Поэт даже один был... Стихи проникновенные писал... с собакой большой пушистой спал, она его своим теплом грела... Благодаря этой собаке только бедолага и жил... Так что мне, Никита, людям сказать?

– Раз такое дело, то и мои в этом деле не лишние будут. – С этими словами Никита полез в карман и приложил к принесённым деньгам свои, он как раз получил зарплату.

– Вот и хорошо... Это по-совести, – заулыбался Валет, – не зря тебя наши уважают.

– А учёного как зовут?.. – спросил дворник.

– Не знаем, – пожал плечами Валет, – зачем нам это? Всех как-то зовут, но не все книги пишут. А в этой книге, говорят и о нас, бомжах написано.

– А денег здесь сколько? – спросил Никита указывая на пачку купюр.

– Мы с тебя расписку не просим, и кто сколько положил тоже не знаем... – ответил уклончиво Валет.

– А передать кому? – спросил Никита.

– Я и приду, или кто из наших, только пока не знаем куда нести и кому отдавать, и где этот учёный обретается?

– Может купюры посчитать, – сказал вкрадчиво Никита.

– Кому надо, тот и посчитает, – ответил Валет.

– Твоя правда, – сказал Никита и сунул сумку с деньгами под голову.

– Вот и хорошо, вот и ладненько, – сказал, улыбаясь, Валет и, повернувшись, быстро пошёл со двора. А Никита продолжил дремать под вишней и не заметил, как из-за вишни протянулась чья-то рука и осторожно вытянула из-под головы Никиты сумку и исчезла. А когда Никита проснулся, то в первую очередь пошарил рукой в том месте, где должна была находиться сумка, но так как её на месте не оказалось, то он подумал, что её и не было, и что Валет ему просто приснился. В общем, так он будет думать до тех пор, как Валет снова придёт за сумкой, но это будет ещё не скоро.

Глава 8. Перестань пошлить

Как только посетители из дома, крытого черепицей, ушли, игрушки заволновались и стали обсуждать сложившуюся ситуацию.

– Я не хочу, чтобы меня брала эта синеволосяя ведьма, – проговорила Дуня. Я и сейчас чувствую холод её рук...

– А кто ей не понравится, она того просто выбросит, – добавил Мурлотик.

– Они не чтят историю, – сказал Заступник.

– Им наплевать на древность, – буркнул Свистопляс, они, верно, плохо учились в школе и не понимают кто я такой. Это я-то уродина!? Сама уродка и мозгов с выеденное яйцо...

На Гуделкином лице тоже мелькнула минутная тень озабоченности.

– Гуделка, ты бы хоть сейчас не улыбался, – сказала укоризненно Катерина. – В таких ситуациях твоя голливудская улыбка раздражает...

– Я разве виноват, что мамушка оттиснула мне так рот, что я вынужден постоянно улыбаться, – обиделся Гуделка. – И потом моя улыбка не голливудская, а самая что ни на есть простосердечная, а не показная, зубная, и не надо путать, а надобно отличать, – после чего они, пошептавшись с Свистоплясом, ушли.

– Опять в войнушку играть направились, и как им только это не надоест? – сказала Дуня.

– Что вы приуныли, – проговорил весело Васёк, – люди эти, добрячёк и его дама – есть новые хозяева жизни, состоятельные, при деньгах. А это самое в жизни главное. Не печальтесь, возьмут они нас к себе и мы, как ещё заживём в своё удовольствие, по европейским стандартам. Вон у них какая машина шикарная, правда, Дуняш? – И он в подтверждение своих слов бросил пальцы на лады гармошки, пропел:

Не грустите вы игрушки
Будет вам что есть и пить,
Будут мягкие подушки,
Мы гламурно будем жить...

И затем бесшабашно добавил:

Шопинг, шопинг, шопинг, шопинг...
Почему ж не пошопеть,
Только б денюшки водились
Ну, а там, брат, куролесь...

– Перестань пошлить, – сказал Пустолай, – одному тебе весело, а нам что-то не очень... И потом, мне твои частушки не нравятся.

– Это почему же?

– Мысли у тебя в них неправильные. А я эти неправильные мысли слушать не хочу.

– А ты и не слушай.

– Как же я не буду слушать, когда ты играешь и поёшь прямо над ухом?

– Имею право играть до установленного законом часа, – гордо сказал Васёк.

– До установленного законом... эх, ты..., Васюта-законник! Право, Васюта - законник. – Укоризненно сказал Пустолай. – Закон он в душе должен быть в первую очередь, а у тебя его там нет. Если б он был, то и другого бы закона не понадобилось. Если в душе закона нет, то другие законы его не заменят. А всяк, кто не имеет закона в душе, даже хороший и правильный писанный закон старается обойти, а не соблюсти.

– А я по писанным законам жить желаю, – гордо сказал Васёк. – Что написано пером, то не вырубить топором, – так ведь люди говорят!?

– Писанные законы должны подтверждать совестные, – резюмировал Мурлотик, – это аксиома. Писанные законы должны быть совестными. Эти совестные законы должны писать самые совестливые люди.

– У нас самый совестливый это Никита, – заметила Катерина.

– Ха! Нашли писателя!.. – иронично улыбнулся Васёк.

– Бестолку с ним говорить, – сказал Мурлотик. – Наш Вася – жертва рекламы.

– Сам ты жертва, – парировал Васёк. Всё ваше зло на меня потому, что вы жить не умеете, вы за этот гнилой дом готовы душу отдать. А почему? А потому, что вы жизни настоящей не видели кроме гнилого сарая во дворе и то видите через открытое окно. А я так жить не хочу. Я птица вольная, хочу жить с притопом и прихлопом, а не вздыхать и лить слёзы по родному дому или по жалкому пепелищу.

– Пепелища пока никакого нет, – отрезал Мурлотик.

– Так будет, – брякнул Василий. – Вот приедет синеокая русалочка и всё здесь снесёт к едрене фене.

– Ни синеокая русалочка, а синеволосяя ведьма, – зло сказала Дуня. – И любовник её – улыбающийся боровичок, ходит и хрючит от удовольствия. Я-то сначала думала, что он подкаблучник, дурёха.

– Ревнуешь, – сказал Васёк, издевательски глядя на Дуню. – И не смотри на меня так, как будто я глупый... Красиво, Дуня, жить не запретишь! Верно, рогатики! – и он обнял Беянку и Смуглянку за талии и притянул к себе, – полюбил бы я вас, да только мне русалочка синеволосяя мила!

– Ой...ой...ой... – жеманно заойкали овечка и козочка.

– Тебе лишь бы об удовольствиях думать, – урезонила Васька Катерина.

– Краси-во-о жи-ть не запрети-и-шь,– пропел Васёк в ответ и стал смотреть в щёлку на улицу.

– Васёк мечтает о красивой жизни в богатом доме, – сказал Пустолай, – может быть тебя с гармошкой и примут, они любят веселиться, а я с Мурлотиком им зачем? Мы же с ним беспородные.... Нами даже среди друзей не похващаешь.

– Почему же? – сказала Катерина. – Никита рассказывал, что есть такая страна – Англия. В ней богатые вельможные люди заводят беспородных собак и гуляют с ними.

– Вот это да-а-а! – изумился Пустолай. – Надо Никиту порасспросить...

– Что... в Англию захотелось? – съязвил Васёк. – Желудок-то не тётка. Только на меня критику наводить мастера, а как у самого на горизонте косточка замаячила, так сразу чуть к Никите не побежал. Скажешь, в Англию не захотелось?

– Ничего не захотелось, – обиженно сказал Пустолай, – просто интересно, как там, в Англии, вот и всё.

– Конечно..., ты у нас из идейных... – съязвил Васёк.

– А ты нет?

– Я-а-а-а? Я, не из идейных. Я из тех – кому, где хорошо – там и Родина, кто приголубил и пожалел – та и мать родная, а кто обнял и поцеловал – та и невеста любимая.

– Пофигист, значит, – не открывая глаз, проговорил Мурлотик, – не ново.

– А меня волнует собачий вопрос, – проговорил Пустолай.

– А меня – кошачий, – добавил Мурлотик, приоткрыв глаза. – У нас богатые заводят породистых собак, похожих на бегемотов. На меня раз натравили, так я еле на заборе спасся.

– Родина – где родился, а не там, где удобно, – заметил молчавший и слушавший разговор Заступник. Он стоял, опершись на дубину и склонив в раздумье голову, отчего седые пряди его волос упали на лицо. Пустолай и Мурлотик сразу прекратили говорить о собачьем и кошачьем вопросах и стали слушать.

Когда говорил Заступник, то все всегда замолкали. Так среди игрушек было принято. – Если так рассуждать, – продолжил Заступник, – то Катерина должна уехать в Германию и готовить за хорошие деньги их бургерам гамбургеры, а не печь Саратовский калач; золотошвейка – Дуня тоже что-то наподобии этого, моды-поди шить для синеволосых и тоже желательно за границей; Смуглянке с Беянкой прямой путь на подиум или куда хуже; мне тоже придётся в наёмники податься, чужие земли охранять, или в охранники к вот такому «Добрячку». И как это всё будет называться?! – возвысил он голос, а потом, помолчав, тихо добавил. – Родину, как и

матерей, не выбирают, от кого родился – та и мать, где родился – та и Родина, а кто тебя любит по-настоящему, а не болтает об этом – та и жена верная.

Дуня при этих словах бросила на Заступника благодарный взгляд и с укором посмотрела на Васька, сказав только одно слово:

– Верно.

– Вы посмотрите на малых детей, – продолжал говорить Заступник, – они не бегут в объятия к разнаряженным дамочкам, а жмутся к лохмотьям своих мам. А почему? – И он серьёзно посмотрел на Васька и оставил этот вопрос без ответа, для того, чтобы на него ответил каждый себе сам. После сказанного Заступником наступила гнетущая тишина. Только она длилась недолго. Развеял её тот же Заступник.

– Да, – сказал он, – сидим мы в запертом доме, слушаем Васькину проповедь о жизни по европейским стандартам, а о том ли мы мечтали совсем недавно. Помнишь, Катерина, – Сенной базар, море огней, прилавков и множество детей с папами и мамами, бабушками и дедушками. Нас трогают руками, нами восхищаются и десятки детей уходят с улыбающимися лицами, держа в руках одни свистульки, другие гуделки. Весело было. И мы были уверены в завтрашнем дне, потому что знали, что попадём обязательно в любящие руки, что за нами

будут ухаживать, а некоторые детишки даже будут укладывать нас на ночь с собой в кровати.

– Верно, друг, – сказал Мурлотик. – Много наших тогда раскупили и унесли по домам, а мы остались... Видно не судьба.

– Кто же знал, что мама Лена заболит и больше на базар не пойдёт. А теперь нас разлучат, кого возьмут, а кого выбросят, – сказали с грустью в голосе Смуглянка и Белянка.

– Разлучение – для игрушек дело привычное, мало кому удаётся жить вместе целые десятилетия в одном доме, переходя от повзрослевших детей к молодому потомству, это, можно сказать, счастье, – сказала Катерина.

– Нам надо держаться вместе, – твёрдо сказал Заступник, мы должны помнить, что мамушка говорила. «Вместе – мы сила», – и он сжал пятерню в увесистый кулак.

– Ну и держитесь вместе, – настырно сказал Васёк, – мне с вами, глиномозглые, не по пути.

– Чего ты удумал? – спросил Мурлотик.

– У меня план есть, – как в хорошие руки попасть? Только я вам его не скажу, сами увидите.

– Ну-ну, вольному воля, – сказал Заступник. – Насильно мил не будешь...

– Ступай, Вася, ступай. Только как бы тебе такое пресмыкание перед чужим богатством и чужим

жизнепроеждением боком не вышло, – добавил Пустолай.

– А ты меня, Пустолаюшка, не пужай! Мы пужа-
ные. – Гордо ответил Васёк. – Хорошая музыка, она
езде нужна, для неё границ нет, – и, растянув гар-
монику, пропел:

Не суди же меня строго –
Глиномятая родня.
Я хочу пожить немного
Только лично для себя...

И он, припевая и балагурия пошёл в другую ком-
нату. За ним увязались Беянка и Смуглянка.

– Вы-то куда, безмозглые? – укоризненно сказа-
ла Катерина.

– А мы только посмотреть, – сказала овечка.

– Мы только одним глазом хотим увидеть
Васькину жизнь, ну, совсем чуть-чуть, – добавила
козочка.

– Какую такую Васькину жизнь? – спросила Ка-
терина строго и даже нахмурила брови.

– Так он же говорит... – захлопали ресницами
козочка и овечка.

– Вот и ещё две дуры нашлись, – сказал Пусто-
лай, опустив виновато хвост.

– Если дурак, то это неизлечимо, а я-то думала...
– сказала Дуня и закрыла лицо руками, стараясь
скрыть слёзы.

– Не расстраивайся, – сказал утешительно Заступник, – глядя ладонью Дуню по волосам, – он думает, что его припевки за границей нужны? Послушают разок другой, поплодируют, а потом скажут: «Хватит, паря, хорошего помаленьку, ты нам свою культуру здесь не насаждай, а пой о том, что нам нравится».

– Что у нас за родня такая... – проговорила, всхлипывая Дуня, – у одних от блеска чужого добра голова вскружилась, другие в самый страшный и ответственный момент занимаются невесть чем – скачут на чердаке, свистят и улюлюкают, да ещё чужие вещи портят, дурдом какой-то, да и только. – Это был явный выпад в сторону Гуделки и Свистопляса.

– Я думаю, что у Свистопляса и Гуделки мозги правильнее, нежели у Васька, – заметил Заступник. – Только они ведут себя наивно. В результате из их серьёзных дел один смех получается, а если понаучному выразиться, то это наивный патриотизм.

– А мне Васю жалко, – проговорила Дуня. – Мамушка говорила, что он такой оттого, что она его не успела доделать, что он операцию обжига не прошёл... – она хотела ещё что-то добавить, но не успела. Вдруг в окно ворвались ритмичные звуки, напоминающие удары палкой по барабану у диких племён. Эти звуки приближались и усиливались.

– Опять Чугунихин зять приехал, – сказала Катерина, – как включит свою музыку – хоть из дома беги.

– Молодёжь..., нравы, – проговорил Мурлотик, взбираясь на окно и закрывая форточку.

Предпринятые меры особо не спасали. Этот звук удара палкой по барабану, кажется, проникал сквозь стену и как язычок в духовом инструменте заставлял вибрировать воздух в доме. Так продолжалось недолго. Вдруг музыка резко оборвалась и раздался всеоглуляющий мат и ругань со словами: «Сволочи!!! Я всё равно дознаюсь кто это сделал». Рядом послышался голос Никиты.

– Ты чего, Николай, ругаешься?

– Как же не ругаться.. Вон взял кто-то и два колеса проколол, завидно, что на иномарке катаюсь что-ли? – Никита осмотрел колёса. Два из них, с левой стороны, передний и задний стояли на ободьях.

– А что это у тебя на лобовом стекле прилеплено? – спросил он Чугунихина зятя.

– Где?

– Вон... – и Никита кивнул на бумажку на лобовом стекле.

Николай сорвал бумажку и прочитал корявые буквы. Было видно, что писал ребёнок: «Дядя! Все устали от твоей музыки диких племён. Если нечем заняться – клей колёса» и внизу подпись «ЛБСП».

– Что это за хрень такая? – удивился Чугунихин зять.

– Это ответ на твою беспредельщину, – сказал дворник.

Мордашов, он же Чугунихин зять, схватил бумажку и стал метаться по двору в поисках написавших. – «Борцы нашлись! – кричал он, – да что хочу, то и делаю, свобода, урою поганцев!!!» И вдруг он увидел, как кто-то вроде мелькнул у окна полуподвального помещения старого дома. Николай, схватив камень, бросился к дому, но никого там не увидел. Рассерженный, он вернулся к машине и в сердцах включил музыку на всю мощь. Удары в барабан заглушили всё вокруг, а две вороны, пролетавшие над двором, резко поменяли курс.

Никита подошёл к открытой дверце и повернул ручку – музыка прекратилась.

– Ты! Дворовый! Тебе что, жить здоровым надоело? – взревел Чугунихин зять. И он хотел было снова включить магнитола, но Никита крепко взял его за плечо и сказал спокойно и твёрдо:

– Николай, не зли людей, не надо. Самому же дороже будет, поумерь пыл и гнев, не толкай людей на преступление.

Как только музыка прекратилась, Дуня, Катерина и другие игрушки увидели – дверь, что ведёт в сени резко открылась и в комнату влетел, пересту-

кивая копытами, аллюром Свистопляс, а на его спине стоял, подняв торжественно руку вверх, возбуждённый и радостный Глиня. Они, не останавливаясь, скакнули под стол и притихли.

– Опять что-то натворили? – сказала сердито Катерина, заглядывая под стол. – От кого прячетесь?

– Тут и без вопросов понятно, – сказал Мурлотик. – Прокололи Мордашову у автомобиля трезубцем колёса, вы что не слышали как он распался?

– И правильно сделали, – сказала Дуня, а то от его музыки в голове стреляет.

– Неправильно, – возразила Катерина. Потом они долго говорили с Дуней, о случившемся, отстаивая каждая свою позицию по поводу революционных и эволюционных методов. Говорили они и о методе Свистопляса и Гуделки и соглашаясь в едином, что такого безобразия больше терпеть нельзя и что в данном случае как раз и подходят революционные методы, потому как, пока ждёшь эволюционного преобразования в мозгах Чугунихинского зятя, все от мигрени помрут вместе с Мордашовым, потому как у того от своей же музыки крыша поедет, если уже не поехала.

– Да, ждать, конечно, резона нет, – заметил глубокомысленно Мурлотик. – Так можно прождать целое столетие, ведь неизвестно на каком эволюционном уровне находится Чугунихин зять. – Это бы-

ло мудро. Потому что никто из присутствующих не знал, на каком спиральном витке эволюции находился Мордашов, тем более, Мурлотик высказал мысль, что спираль от музыки может свиваться или развиваться, а это плохо не только для человеческой цивилизации, но и грозит природными катаклизмами.

Во время такого обсуждения Свистопляс и Гуделка, крадучись, вылезли из под стола и отправились на свой любимый чердак, а Дуня с Катериной стали обсуждать другую тему – приезд нового хозяина и чем им этот приезд грозит? но так ничего не решив, притихли и уснули, прижавшись к широкой груди Заступника. Заступник в это время сидел в задумчивой позе на старом отрывном календаре, глядя в сумрак комнат, пытаясь понять, что же происходит на свете? и кого от кого и как ему защищать? Можно, конечно, дубиной разбить блестящий автомобиль новых хозяев дома, но разве это выход из положения и что это даст? Нет, он не порицал Гуделку и Свистопляса, он просто не знал, что делать ему – Заступнику, призванному защищать малых и сирых? Вот если бы инородцы напали – тогда понятно, а тут... свои, а ведут себя хуже всяких супостатов иноземных.

Глава 9. Я бы тоже колёса проколол

Капитан Мария Васильевна Сорокина, готовя отчёт за квартал, изредка бросала взгляды на

младшего лейтенанта Митина. Моложавое лицо Юры, как-то не совсем сочеталось с милицейской формой. Вернее шло-то оно шло, только часто казалось, что это шалунишка сын надел отцовскую форму, чтобы казаться совсем взрослым; и этот пушок над верхней губой. И потом, он явно старается быть совсем взрослым и независимым, это свойственно только детям. Мария Васильевна улыбнулась про себя и совсем серьёзно спросила:

– Ты, Юра, систематизировал папки?

– Не совсем..., вернее и то и другое, – сбивчиво и краснея, сказал Юра. – Я, товарищ капитан, хотел узнать, есть ли среди подростков бандитские группировки? – но Сорокина его прервала, – понятно, ты бы лучше меня спросил, а то время зря потерял. – А сама подумала: «Желает до всего сам дойти... похвально, однако приказы надо выполнять. За это я его пожурю, но не сейчас», и продолжила, – Прямой информации на этот счёт, младший лейтенант, нет. У меня есть информация другого рода. Звонило начальство. Одним словом, на Большой Горной, от неё какая-то улочка отходит, там на месте разберёшься, во дворе, кто-то прокалывает у дорогих иномарок шины. Почерк, совершающих хулиганские действия, явно детский, но задержать пока никого не удалось. Вот только вчера, приехал один из потерпевших. По его словам, он поставил машину во дворе и отлучился-то не более как на три минуты,

а вернулся – колёса проколоты. Что ты на этот счёт думаешь? – испытующе спросила Мария Васильевна.

– А мотивы..., какие мотивы у преступников? – вспомнил один из постулатов сыска Юра. – Должны же быть причины?...

– Должны, Юра, должны. Только этот механизм прекрасно срабатывает на взрослых преступниках, а у детей это сложнее. Они живут в своём мире – мире ассоциаций. Детская душа чувствует всё гораздо резче, она восприимчивее. Дети часто совершают проступки необдуманно, действуя по принципу «ложь – правда – расплата». У вас, что, в школе никто кнопки на стул никому не подкладывал что ли?

– Подкладывали, – расплылся в улыбке Юра. – Я тоже подкладывал.

– Вот, это и есть наглядный пример детской мести, а точнее, суда. Тут тебе и суд, и приговор, и ментальное исполнение приговора. Тем более, кнопка в портфеле всегда найдётся. Ты вспомни, почему ты это делал и будет всё ясно, – и, помолчав, она добавила уже задумчивым тоном. – Знаешь, Юра, как это помогает. Когда я была такой как ты, то есть не имела опыта практической работы, мне моя начальница и наставница говорила: «Сумеешь мысленно возвращаться в детство, сумеешь ставить себя на место малолетнего преступника – будешь работать, и будет толк. Не сумеешь – можешь сразу

уходить из этого отдела, в охранники..., в паспортистки..., куда угодно». Вот так вот. С её лёгкой руки, а точнее, с подсказки, всю жизнь и работаю с детьми. Кстати, поезжай на Большую Горную, это для твоей практики полезно, поспрашивай, может быть, что и узнаешь интересненькое, свежий взгляд – всегда хорошо. Я, может быть тебя и не послала бы, но Муза Карповна меня попросила. Не могу ей отказать.

Сорокиной младший лейтенант определённо нравился. Она к нему относилась как к сыну, потому что своих детей у нее не было, вернее были и муж, и дочь, и сын, так похожий на Юру, и звали его тоже Юрой, а потом было землетрясение в Спитаке, где они тогда жили. Хорошо это или плохо, но Мария Васильевна была тогда в командировке, а когда вернулась, то увидела на месте их дома руины, да дочкин пионерский галстук висит на дереве, зацепившись за ветку. Она его собственными руками обвязывала, чтобы края не распускались. В общем, это всё, что у ней осталось от семьи. Тогда и волосы её побелели. Её прекрасные, волнистые каштановые волосы, которые так любил муж, побелели за одну ночь.

Юра не стал, откладывая дело в долгий ящик, и к обеду был уже на Большой Горной улице, около старого дома, крытого красной черепицей. Он походил по улочке, желая встретить кого-нибудь из

жильцов этого закоулка и, разумеется, наткнулся на дворника Никиту.

– Кто таков? Чего шляешься? – спросил Никита строго. Он как раз сжигал упаковочный материал.

– Я из милиции... – сказал Юра и показал удостоверение.

– По какому случаю? – помягчел Никита.

– Поступила жалоба, что в вашем дворе прокалывают у дорогих иномарок шины и уже не первый раз.

– И в четвёртый раз жди, если голова не соображает, – сердито проговорил дворник.

– Как это понять? – поинтересовался Юра, – сообразив, что дворник чего-то знает и это «чего-то» неплохо бы из него вытянуть.

– А просто, милейший, – продолжил дворник. – Есть законы писанные и есть неписанные. Писанные законы сплошь и рядом нарушают, а уж о неписанных, так и речь не идёт.

– А поподробнее можно? – спросил Юра, не совсем понимая куда клонит собеседник.

– Можно и подробнее, – согласился тот. – Вот, если включить музыку племён Мум-бу и Юм-бу, да погромче. Вам как это, понравится?

– Что за музыка, какого племени? – переспросил Юра.

– Эта музыка модная сегодня у отморозков, да у людей со скрюченными мозгами. Вспомните, вспом-

ните..., слышали, чай, где палкой по столу или по забору бьют. Одно другого не лучше. Автомобиль едет, а из окна это стучание на весь квартал...

Юра, конечно, знал эту модную среди автомобилистов музыку, но, подумав, сказал:

– По закону человек может слушать любую музыку.

– Вот и ты туда же, – безнадежно махнул рукой дворник. – А тут от неё мозги вылетают...

– Если очень громко – это хулиганство... – поправился Юра.

– Вот..., вот и я о том же. А господин Мордашов или по-дворовому Чугунихин зять, так не считает. Он говорит, что в его автомобиле музыка играет в разрешенном шумовом диапазоне. Слова-то находят, паразиты, всё хотят повитееватее выразиться, чтобы прикрыть вопиющее хамство в отношении других.

– Так, включает он музыку, а дальше... – полюбопытствовал Юра.

– А дальше ему шины прокалывают... вот и вся арифметика.

– Он пишет, что ущемляются права граждан, – добавил младший лейтенант.

– Это он ущемляет права граждан, – сказал зло Никита. – Я ему об этом говорил. Недавно он решил изловить тех, кто ему шины прокалывает, специально включил музыку погромче, ту самую, где в

барабан дикари палкой бьют, а сам в окно подглядывает. Долго наблюдал и никого, а подошёл – два колеса проколоты.

– Так не бывает, чтоб никого?.. – удивился Юра.

– Оказывается, бывает, – и в глазах дворника запрыгали хитрые огоньки, – может быть ему эти самые аккорды шины прокалывают, что из магнитолы его выпрыгивают, – и дворник засмеялся открыто и искренне. – Знаете..., полетают, полетают и рикошетом в колесо бабах, а?.. каково?!

– Материализация музыкальных звуков! Это из области фантастики, – сказал Юра и тут же подумал: «Наверняка чего-то знает или догадывается, а про аккорды хорошо сказал, даже художественно, умница». – А вы что об этом думаете?

– Я ничего не думаю. Я этому Мордашову говорю: «Не зли народ, а то будет тебе и закон, и порядок и каша с изюмом. Думаешь, если на мешке с деньгами сидишь, так тебе всё можно?». – И Никита стал развивать мысль о попоранной социальной справедливости, но Юра его прервал.

– Значит, никто не подходил к машине, а колёса проколоты, говорите?..

– Проколоты, – утвердительно сказал Никита и кивнул головой.

– Это невозможно... – опять сказал Юра. – Сами посудите – никто не подходил, а правонарушение совершено.

– Я тоже так же думал поначалу. Оказывается, возможно, молодой человек. Если человек – загадка мироздания, то и само мироздание самому человеку тоже преподносит загадки.

– А вы философ...

– А у нас в России в какого дворника не кинь шапкой – всё в философа попадётся, – ответил Никита. – Кстати, Мордашов два раза караулил злоумышленников и оба раза с одним и тем же результатом – шины проколоты, а никого нет. Он даже на меня думал. Для чистоты эксперимента он и меня рядом с собой посадил и ничего.

– Нечистая сила что ли? – недоумённо сказал младший лейтенант.

– Нечистая сила нечистой силе козни не строит, – заметил Никита.

– Это кого вы нечистой силой называете, Мордашова что ли?

– А кого ж ещё. Эти Мордашovy сейчас и есть самая что ни на есть нечистая сила на Руси.

– Так в каком доме Мордашов живёт? – спросил Юра.

– Вон в том, из красного кирпича, – кивнул дворник на большой кирпичный дом с мансардой и высокой крышей.

– Спасибо вам за информацию, – сказал Юра дворнику, – пойду у Мордашова поспрашиваю, что он об этом думает?

– Поспрашивайте, спрашивайте, – сказал Никита, – отчего ж не спросить. Только вряд ли он вам чего умное на этот счёт скажет.

– Это почему же?

– Мозгов нет. Дальше лобового стекла своей машины ничего не видит.

– А дорогу? – пытаюсь спровоцировать дворника на более откровенный разговор, сказал Юра в шутку. – Так можно и врезаться куда-нибудь, если ничего не видеть.

– Вот и врезался. У него своя дорога, особенная, зелёными купюрами означенная.

Поняв, что дворник больше ничего не скажет, Юра направился к Мордашову.

Мордашов Митину тоже ничего разумного не сказал. Он только ругался, а под конец дал Юре записку, которую нашёл на лобовом стекле своего автомобиля. Юра взял записку и прочитал:

«Дядя! Все устали от твоей музыки племён Мум-бу и Юм-бу. Если нечем заняться – клей колёса». Ниже стояла подпись «ЛБСП».

– Ну, вот и мотив преступления, – сказал Юра. – Не нравится людям твоя музыка, господин Мордашов..., не нравится.

– А вы приехали зачем?.. мне правоучения делать или должностные обязанности исполнять? – спросил Мордашов.

– Мы реагируем на ваше заявление.

– Вот и реагируйте как положено, а нечего вину за произошедшее на меня переваливать. Это легко сделать. Вы лучше преступников поймайте, или кишка тонка?

Юра понял, что виноват в проколах сам потерпевший, но человек он колкий и скользкий, с ним надо вести себя поосторожнее. «Странно всё это, – думал Юра, возвращаясь в отдел, – и этот дворник странный, явно чего-то знает или догадывается, но молчит и случай, какой-то из разряда небывальщины».

– Как, Пинкертон, нашёл злоумышленников? – спросила Мария Васильевна, как только Юра вошёл в кабинет, но увидев, что Юра не в духе, добавила снисходительно, – мотивы преступления хотя бы есть?

– Я бы тоже ему шины проколол, – сказал хмуро Юра, садясь за стол. – Заведут музыку аж стёкла дребезжат, а потом бегают с заявлениями, что им шины прокалывают, – молодцы, кто это сделал, – и он со зла стукнул ладонью по ручке дырокола. «Звань-ь!» – проговорили пружинки механизма.

– С мотивами значит всё ясно, – а исполнители кто? – понимая состояние сослуживца, спросила, незаметно улыбнувшись, капитан.

– А исполнители, – развёл руками Юра, – некая невидимая виртуальная сила, товарищ капитан. – Тут хоть что думай...

– Если следователь начнёт всё сваливать на невидимую, виртуальную силу, то это плохо, – спокойно сказала Мария Васильевна.

– Не подкоп же они сделали, Мария Васильевна, под эту машину, там даже люка канализационного нет рядом.

– А это хорошо, что ты такой наблюдательный. Люк – это молодцом.

– Молодцом – если результат есть, – а это так... – хмуро сказал Юра.

– Это рабочая версия, младший лейтенант. А чтоб её выдвинуть, надо тоже думать. За версию ставлю тебе пятёрку, а за то, что не раскрутил как надо дворника – неуд. Но это так, для порядка... Ясно, что просто так он тебе ничего не скажет. Подумай над этой задачей...

– Вы, товарищ капитан, считаете, что дворник чего-то знает?..

– Всё, Юра, зависит от личности дворника. – Кто этот дворник: личность или деградирующий от водки элемент с метлой?

– Он философ, соседи говорят, не употребляет, я интересовался, работающий...

– Философ... это хорошо, – проговорила задумчиво капитан, – но хлопотно... Не свой ты ему, по-

тому он тебе и не раскрылся. Если бы он в тебе увидел человека, разделяющего его взгляды, то может быть сказал или намекнул на что. В разговоре с людьми – это весьма важный фактор. Многие люди живут эмоциями, не перенося моментальные впечатления глубже – это такой сорт людей

– Дворник не такой... – заметил Юра.

– Вот я тоже думаю, исходя из информации, что он к такому сорту людей не относится, а вот об эмоциональной составляющей советую подумать... – Мария Васильевна немного помолчала, а потом как бы саму себя спросила: – А на расстоянии прокалывать шины нельзя?

– Если из винтовки с оптическим прицелом, только это исключено, со стороны прокола глухая стена дома, – уточнил Юра. – Я, Марь Васильевна, даже про маленьких роботов думал – подбегут незаметно, ткнут острым и убежали...

– А это лишнее, – нахмурила брови Мария Васильевна, – шины не директорскому автомобилю крупного банка прокалывают, а средней руки бизнесмену... тут всё проще... О простом думай. Исходи из того, что этот злоумышленник – простой дворový хулиганистый мальчишка. Поставь себя на его место и подумай, что бы ты сделал? Они, эти пацаны, на выдумки большие мастера. Сколько работаю, столько этому удивляюсь. Было в моей практике и такое, – и она, смахнув слезу, засмеялась, – его в ко-

лонию надо оформлять, а я бы ему за выдумку орден повесила, да к какому-нибудь наставнику с золотыми руками в НИИ пристроила. Сколько их вот таких несмышлёнышей с золотыми руками по зонам мыкаются... – она не договорила, отвернулась, стала смотреть в окно. – Где наши Макаренки..., где?

– Злоумышленники ему на стекле записочку оставили, – вспомнил Юра и протянул Марии Васильевне тетрадный листочек, с написанными синим фломастером буквами.

– С этого надо было Юра и начинать... – поучительно сказала капитан, – и, взяв тетрадный листочек, стала читать, а, прочитав, сказала: – Записка младший лейтенант – это факт.

– По почерку видно, что прокалывают шины ребятишки из младших классов, буковки корявые, так только в первом или во втором классе пишут, – сказал Юра.

– Почерк, конечно, свидетельство важное, но меня тревожит подпись – «ЛБСП». Подпись – дело серьёзное; значит прокол спланирован. Записку эту не на капоте писали, а заранее заготовили, с указанием причины.

– Наверняка «ЛБСП», это начальные буквы фамилий ребятишек, – заметил Юра. – Например: Лукьянов, Борисов, Сидоров, Петров.

– Не скажи, младший лейтенант, не скажи. – капитан покачала головой. – Не пахивает ли это тайной детской организацией?.. вот что меня беспокоит. Насмотрятся или начитаются и пример берут.

– Если это тайная организация, Марь Васильевн, то тогда первой буквой должна быть буква «С».

– С чего ты это взял?

– «Союз борьбы...» с тем-то и тем-то... – предположил Юра.

– Необязательно «Союз». Это может быть «Товарищество», «Объединение»...

– Или «Лига», – добавил Юра. – «Лига Борьбы...»... А?

– Возможно, Юра..., возможно, – и Мария Васильевна побарабанила пальцами по крышке стола. – Только это всё у нас похоже на гадание на кофейной гуще, хотя наличие детского объединения в нашем случае – несомненно. Это плохо...

– Чем же плохо? – Не поняв смысла сказанного, произнёс младший лейтенант. – Дети борются за социальную справедливость, они растут активными гражданами отечества..., – с азартом стал говорить Митин. – Не одним же бандформированиям существовать. На всякое, как говорится, действие – есть противодействие.

– Я тебя, Юра, понимаю, беспредел и у меня в печёнке сидит. Только ты проигрывай и другую ситуацию. Например, этот Мордашов ловит ребятки-

шек на месте преступления, обзаводится свидетелями из братков, это им не сложно организовать. На доброе дело свидетеля не найдёшь, а тут... Подлость подтвердится подлостью, а закон суров. И ни вы, ни я уже ничем не сможем помочь этим правдоискателям-патриотам. Подлость всегда хорошо организована, это сто раз практикой проверено. И запомни, младшой, именно это – самое неприятное в нашей работе. Возможно, оно и самое главное, но..., но..., но..., но...

– Не понял... – Юра изучающе посмотрел на капитана.

– Что ж тут непонятного?... Всё очень даже просто. Самое скверное, когда сволочизм берёт верх, и ты это видишь, а поделать ничего не можешь. В этом трагедия каждого, имеющего душу, а не набор предписаний, милиционера. Ты на досуге об этом подумай..., полезно.

– Хорошо, я подумаю, товарищ капитан... И, считаю – надо ещё раз съездить на место преступления и всё хорошенько осмотреть, имея ввиду технологию прокалывания. Я, когда там был, больше о мотиве преступления думал...

– Только с пустой головой кататься не следует, – заметила капитан, – продумай варианты. Всё может быть гораздо проще, чем мы думаем. Кстати, приглядишься к дворнику, очень тебе советую.

– Вы что, на него думаете? – удивлённо спросил Юра.

– Не думаю, Юра, не думаю, точнее не хочу думать. Долг наш такой – всё проверять.

На этом у Юры разговор с заведующей отделом закончился.

Глава 10. Муха признался

Пал Палыч пришёл на следующий день на работу в клуб необычно рано. Он был взволнован, ходил по кабинету взад и вперёд, качал головой и иногда проговаривал: «Вот пустая голова..., как же я до этого сразу не додумался?.. Он даже не заметил, как в кабинет вошли Костя с Антоном. И хотя они не должны были приходиться с утра, но их тоже что-то подняло пораньше и они побежали в клуб.

Когда Пал Палыч увидел ребятешек, – он очень обрадовался.

– Антоша!.. Костя!.. Вот молодцы! А я - то старый и не понял сразу, что это за камешки мне Лёня принёс.

– Что случилось, Пал Палыч!? – спросил Костя.

– А вот что, ребята, – сказал учитель, усаживая детей на стулья и садясь напротив них, – сдаётся мне, что Лёня, не простые глиняные камешки приносил, а особенные. Я-то подумал сначала, что это косметикой в старину кто-то занимался, а утром

проснулся, так меня другая мысль... Знаете, как кипятком ошпарила.

– Какая!? – взволнованно, почти одновременно спросили ребята.

– А вот какая? Помните я вам рассказывал, что в городе в старину делали глиняную игрушку?

– Конечно помним... – подтвердил Костя.

– Так вот... Эту игрушку раскрашивали разноцветными глинами...

– Вы нам тоже это говорили... – сказал Антон.

– Что?.. не догадываетесь?.. – и он взглядом впился в лица детей. В первую очередь он ждал ответа от Кости, так как считал, что он способен к более глубокому анализу и исходя из возраста тоже.

Антон, по сравнению с братом, был натурой более эмоциональной и строил часто свои предположения не на анализе, как это было у брата, а на догадках. Им больше правили эмоции и впечатления. И его занятие в студии больше походило на игру застрявшего в песочнице малыша. Ему нравилось лепить сказочные замки, населять их сказочными зверями. Зачастую он настолько отдавался своей фантазии, что в игровом азарте начинал разговаривать с им же слепленными героями.

Иногда Пал Палычу методисты пеняли на то, что в его студии дети засиживаются невероятно долго и что это противоречит не только медицинским требованиям, но и здравому смыслу вообще.

На что Пал Палыч всегда очень серьёзно отвечал, что он проводит уроки согласно расписания, а если некоторые дети после занятий сидят и лепят, то это уже не урок, а игра и что такое их поведение не может сопровождаться переутомляемостью и так далее. Разумеется, такие замечания педагогу делались чаще всего из-за Антошкиных игровых увлечений.

– Верно, Пал Палыч, – возбуждённо сказал Костя, догадавшись, куда клонит учитель, – я понял... вы думаете, что эти камешки и есть набор глин для раскрашивания игрушек?

– Вот именно, так я и думаю..., разлюбезные. Только долго думал. С возрастом полёт фантазии поуменьшился. Время из её крыльев пёрышки повыщипало, надо бы было мне этого Лёню расспросить осторожненько, где он их взял. Я, как мне эта мысль пришла, было вознамерился к нему домой идти, пришёл пораньше, поднял свой архив по детям, кто и когда меня занимался и осечка. Против каждой фамилии адрес домашний значится, а против фамилии «Пегасов» стоит прочерк.

– Почему? – спросил Антон.

– А то, что не стал он в кружок сразу записываться, дескать, денёк, другой полеплю, а если понравится, то запишусь. Вот и не стоит против его фамилии домашнего адреса, я потом забыл записать, а немного погодя он ушёл из кружка, так получилось, что и записывать незачем стало.

– Он на нашей улице живёт, – проговорил Антон. Я его там вижу, а раньше на Астраханском шоссе жил, – уточнил Костя, – в высотке.

– Давайте так ребятки договоримся, вы там мальчишек поспрашивайте и уточните его адрес.

– Хорошо, Пал Палыч, – сказали дети, – это пустяки. Его Михан знает, – уточнил Костя, – в дружбе они.

– А Михана знает Кирюша, – добавил Антон. – С Кирюшей мы приятели..., выясним.

– Ну, давайте, ребятки, давайте..., действуйте. И если что узнаете – сразу ко мне, – и Пал Палыч от удовольствия потёр руки. Ребятчья активность его подбодрила и вдохновила, хотя он не переставал мысленно бранить себя за оплошность.

Как только дети вышли из клуба Костя сказал:

– Зря Пал Палыч к Пегому засобирился. Осторожный он. Если не честным путём добыл, то ни за что не скажет.

– Так Муху можно спросить, он точно знает, где Лёня эти камешки достал, везде с ним шляется, – заметил Антон.

– Точно, Тоша, молодец... Мухаева надо искать, а не Пегаса.

– Вадика я частенько на пруду вижу, он на плоту катается, – добавил Антон.

– Пошли к пруду, – предложил Костя, – и они, свернув с дороги, пошли мимо десятого дома по улице Марины Расковой напрямую к кустам за которыми виднелась полоска воды.

Мухаев действительно был на пруду. Он стоял на небольшом круглом, сбитом в несколько рядов из толстых досок, плоту и, отталкиваясь длинной сучковатой палкой от дна, правил к противоположному берегу. Его лохматая рыжая голова блестела на солнце. Вадик усердно толкал шест. Уши его покраснели от напряжения, а по вискам струился пот.

В качестве пояснения надо сказать, что плот этот, не что иное, как боковина большого деревянного барабана для намотки кабеля. Это строители, прокладывая кабель к строящемуся спортивному комплексу, оставили на плотине два пустых деревянный барабана. Вот ребяташки и приспособили их под плоты.

Около камышей покачивался на волнах другой такой же круг.

– Муха! Гребки к нам! – крикнули братья вразнобой.

– Надо было... – отозвался Вадик.

– Гребки, чего скажем... – попытался заинтриговать Костя.

– А я и так не глухой, – отозвался тот, – говори,... услышу.

Пруд был действительно небольшой, так что если сказать чуть погромче, то и на другом берегу обязательно услышишь.

– Ты так! – сказал зло Костя и прыгнул на второй круг. За ним последовал и Антон. Плот хорошо держал мальчишек и они, дружно орудуя, Костя длинной палкой, а Антон осколком доски, поплыли к Мухе. Тот, заметив погоню, хотел уплыть, но его плотик оказался на глубоком месте, а палка дно почти не доставала. Он попытался грести руками, но было неудобно. У Антона же был обломок доски и он действовал на глубоком месте им как веслом. Плоты быстро сближались. Муха видя, что встреча неминуема, уже не грёб, а просто стоял и ждал развязки. «Чего им от меня надо? – думал он, вроде бы никакой вины моей перед ними нет, а на тебе привязались. Хорошо посмотрим чего им надо?».

Муха братьев Пчелинцевых не очень жаловал, больно они уж правильные какие-то, не интересные, вечно чем-то заняты, фамилия особенно им подходит, точно пчёлки. Вот Лёня Пегас, это другое дело. Он и знает много, и фартовый.

– Муха, ты не бойся, – сказал Антон, мы тебя не тронем. Мы наоборот хотим, чтобы ты нам помог! – крикнул Антон, видя испуганное Мухино лицо.

– Чего-о-о?..

– Помощи от тебя хотим... вот что?

– Какой помощи?.. – удивился Муха.

– Ты про Лёнины камешки разноцветные чего-нибудь знаешь?

– Муха тут же сообразил, что раз камешками интересуются, значит, кто-то видел, как они в чужой сарай лазили и доложили. Он ещё не знал, что Пегас ходил к Пал Палычу за консультацией и потому насторожился.

– Никаких камешков я не видел, и он мне их не показывал, – хмурясь, ответил Муха.

– Ой-ли!... – перебил его Костя. – А с какими тогда камешками Пегий к Пал Палычу приходил за консультацией?

– Не знаю никаких камешков, – отпирался уже больше по привычке Муха, – Лёня приносил, его и спрашивайте.

– А он сказал, что их ты ему дал, – взял на пушку Муху уже Антон.

– Вот трепло, – проговорил Муха, – соображая, что сказать. – «С одной стороны, – думал он, – получается, что он, а с другой стороны, как бы и не он. Ведь Пегас доску отдирает, и забраться в сарай, тоже его идея. Ещё говорил, что этот сарай ничейный, что в него сто лет никто не ходил. Вот тебе и «не ходил». Даже вон «пчёлки» и то знают. Он, Муха, в жизнь бы в этот сарай не полез, с его паутиной, пылью и голубиным помётом, к тому же трико какая-то шавка порвала, да ещё ухо кот ободрал. Хорошо же, Пегас..., на меня сваливаешь... Только Муху про-

сто так не съешь. Понятно, что Лёня отвертится и ему ничего не будет, а меня одного загребут только так. Завтра Сороке позвонят, та родителей вызовет, класснуху... и завертится, а Пега в стороне... Скрывать, значит, нечего; не в его, Мухином интересе скрывать. Надо валить всё на Пегаса» – решил он.

– А ты говори, мы слушаем, свидетелями будем, – проговорил выжидающе Костя.

– Мы ведь можем и уплыть, – проговорил Антон, – от милиции ты на пруду не спрячешься, если только под плот нырнёшь, а вода в этом месте холодная, ключи бьют, сам знаешь.

– А вы подтвердите, что я с вами вчера вечером был и никуда с Пегасом не ходил? – поставил условие Муха.

– Это, смотря что ты нам скажешь? – проговорил Костя, глядя в упор на испуганного Муху, – вдруг вы человека убили или ларёк с мороженым подломали. Мы что, и тогда должны тебя у капитанши откашивать?

– Ты меня седовлаской не пугай, пуганый.

– Я тебя и не пугаю, сам знаешь, – и Костя пожал плечами. Дескать, вольному-воля, поступай как знаешь.

– Да никакого ларька мы не подламывали, а залезли в один старый сарай, у него сзади доски оторванные были, – соврал Муха, – там, в ящиках я и нашёл эти злополучные камешки.

– Сарай-то где находится?

– Где... где..? На Большой Горной, во дворике. Там, такой аппендикс к улице примыкает.

– Далеко же вас занесло, – присвистнул Костя, – это, аж на том конце Саратова, около Соколовой горы...

– Около неё. Вы только Лёне не говорите, что я вам сказал... – молящее проговорил Муха.

– А приметы того сарая назвать можешь? – спросил Антон.

– Сарай как сарай, там их вокруг полно и все одинаковые, дощатые, облезлые, какие с крышами, какие без.

– Что-то рядом приметное есть? – допытывался Костя.

– Рядом дом большой старый с полуподвальным помещением, крыша вроде черепицей красной крытая и слуховое окно в крыше... больше ничего не знаю. Темно там было. Это-то увидел, потому что от фонаря на столбе свет на крышу падал.

– Точно больше ничего не скажет, – тихо сказал брату Антон.

– Согласен, – сказал Костя и подумал: «со страха всё, что знал, рассказал. Видно из него больше ничего не выжмешь».

– Ты нас к этому дому проводи, – предложил Антон.

Костя укоризненно посмотрел на брата, Этого ему говорить не следовало.

Муха, после сказанных слов понял, что не грозит ему никакая милиция, что это братья сами на него наехали и, оттолкнувшись от их плотика палкой, резко отплыл и громко сказал:

– Здорово я вас разыграл с сараем, а вы и поверили... ха!... ха!... ха. Вы что, меня за лоха приняли?

– Поплыли к берегу, – сказал понуро Антон, осознавая свою промашку.

– Ты не переживай, Тош. Может быть, это и к лучшему. Муха сейчас побежит к Пегасу. И если у них есть к этому сараю интерес, то они обязательно к нему поедут. Говорил-то он искренне, от испуга. Правда, по этим приметам мы вряд ли чего сразу найдём, но попытаться сыграть на опережение можно. Главный ориентир – старый дом с полуподвальным помещением, да ещё крытый черепицей, да ещё слуховое окно имеется... вон сколько примет, можно попробовать поискать.

– Ну, и что? – не веря в успех, буркнул Антон.

– А то, что улицу мы знаем – это раз, аппендикс этот найдём, дом старый – это два, крытый черепицей – это три, плюс слухач есть и полуподвал. По этим приметам стыдно не найти, только фотографии шесть на девять не хватает.

– На этой улице может быть сто домов таких? – засомневался Антон.

– Нет, Тош, не сто, не преувеличивай. Ты много в городе видел домов крытых черепицей?

– Сколько угодно сейчас кроют...

– Это кроют металло-черепицей, ноу-хау. А тот дом старый, наверняка покрыт настоящей глиняной черепицей, понял. Таких домов во всём городе раз, два и обчёлся.

– Сарай во дворе, с выломанными сзади досками, тоже факт, – добавил, улыбаясь, Антон. – Если два дома поблизости одинаковых стоят и сараи есть, то у одного из сараев обязательно доска должна быть оторвана.

– Вот видишь, сколько у нас примет, – Улыбнулся Костя, – по этим приметам стыдно не найти...

– Что ты предлагаешь? – спросил Антон.

– Предлагаю идти к «Радуге» на остановку, садиться в троллейбус и ехать до конечной, там поднимемся до Большой Горной и будем искать, улица от Волги начинается, как говорится – не заблудимся.

– А нас, того..., дождиком не намочит? – спросил Антон, глядя как со стороны Волги поднимается иссиня-багровая туча.

– Не дрейфь, – громко сказал Костя, – не сахарные, не растаем, – и ребята дружно заработали доской и палкой, стараясь как можно быстрее достичь берега.

Глава 11. Приживалы

Утро. Дневная духота вчерашнего дня вроде и не уходила. На свалке в овраге, кое-где дымятся тряпичные и газетные костерки, пахнет гарью. Этот запах перемешан с запахом матерчатой гнили и ещё с чем-то приторно-сладковатым.

– Вениамин Павлович! Вениамин Пав-ло-вич! Позоло-ти-н!... А-у!... раздаётся голос Крокыча. Он ходит край оврага, куда сталкивают бульдозером мусор, и ищет профессора.

– Я здесь! Семён Ваганов-и-и-ч! – послышался голос профессора, как бы из-под земли.

Крокыч подходит к краю оврага, и, заглядывая в него, говорит укоризненно, – вы, профессор, как обычно, на своём рабочем месте... Придавит вас здесь ненароком какой-нибудь бочкой или старым комодом «времен Очакова и покоренья Крыма»; был профессор и не станет профессора... Вы хотя бы предупреждали, что идёте в этот чёртов овраг... Не провалитесь там куда-нибудь.

– Здесь, Семён Ваганович, большущая плита из железобетона, так я на ней как на столе и всё моё со мной... Она у меня здесь как рабочий стол с тумбами, поперёк водотёка лежит, вроде мостика, очень удобно. Я как чего найду, так сразу на плиту.

– Вы бы туда лучше не ходили... Дышите там этим смрадом, что за выгонка идти, когда горит?..

– А это единственное место, где меня Сима не тревожит, – весело сказал профессор, поднимая палкой какое-то тряпьё и пристально его рассматривая.

– Сима ещё не вставал, – пояснил Крокыч. – после вчерашнего перепоя, до обеда будет валяться. Тем более, сегодня воскресенье, мусор на утилизацию не привезут.

– Это, Семён Ваганович, хорошо что не привезут, а то я не успеваю обследовать... Вы бы, любезный, мне подали верёвку, а то отсюда к вам трудноато выбираться, а обходить далеко.

Крокыч бросил профессору конец верёвки, которую предусмотрительно захватил с собой, зная, что Вениамин Павлович в исследовательском азарте обязательно куда-нибудь забредёт, откуда и выйти-то нельзя. Профессор поймал конец верёвки и Крокыч стал его тянуть вверх.

– Не так быстро, дружище, тут ноги можно поломать, да и дыхание подводит, – повторял профессор, выбираясь на край оврага.

– Кажется, вы сегодня с уловом, – проговорил Крокыч, кивая на перекинутый у профессора через плечо мешок с верёвочной ляжкой.

– Интереснейшие, знаете, вещицы я сегодня нашёл, – говорит загадочно Вениамин Павлович, направляясь с Крокычем к хибарке. – Не знают люди, что выбрасывают в мусор бесценные для науки

вещи. Сегодня, дорогой художник, я счастлив особенно – нашёл деревянный, окованный медными пластинами сундук. И знаете, совершенно целый, правда, медь отодрали, но кое-где чуточку осталась. Правда, чтобы в него заглянуть, то есть приподнять крышку, пришлось её освободить от всякого не имеющего научной ценности хлама. На это всегда уходит масса времени. Сами подумайте – внизу сундук, на сундуке диван, на диване бочка, на бочке и диване ещё куча всякого хлама... зато труд не пропал даром... В сундуке старинные вещи, которые носили два, а то и три века назад.

– Неужели!?! – удивлённо воскликнул художник, – Тогда надо туш играть, – и Крокыч стал импровизировать мелодию. – Прам – па – рам...

– Кажется, сегодня дождь будет, – проговорил улыбаясь профессор и кивнул на восток.

Там из-за Волги поднималась, заполнив собой весь край неба иссиня-багровая туча. Пепельные её обводы, как приспущенные крылья у курицы-наседки, охватывали горизонт справа и слева, стараясь как можно больше захватить земного пространства. Из этих крыл, то тут, то там появляются белёсые всполохи, напоминающие собой цыплят, которые высунув голову из-под крыла сердобольной курицы с любопытством оглядывают местность и снова прячутся, испугавшись собственной смелости и решительности. Восток потемнел и притих.

– Мимо пройдёт, – вглядываясь в горизонт, произнёс Семён Ваганович. – До реки дойдёт и прольётся.

– Дождика бы не мешало, – сказал профессор, а с другой стороны, жаль – намочит необследованные кучи.

Они вошли в хибарку и профессор стал выкладывать из мешка найденное, художник хотел ему помочь.

– Нет... нет... я уж сам, – проговорил Вениамин Павлович. Лицо его просто светилось от счастья. – С этим, Ваганыч, надо вести себя предельно осторожно, вещи старые и могут поползти...

– Знаю..., знаю... Вы мне всякий раз, Вениамин Павлович, говорите одно и то же, как будто вы из этого оврага вытаскиваете вещи совершенно новые и крепкие..., удивляюсь...

– Вы, Семён Ваганович, не обижайтесь, это я так, для порядка, больше по привычке и вовсе не хотел вас обидеть...

– Так и я ворчу, дорогой профессор, для порядка. «Вот, – думаю, – бросила человека судьба на дно, а он и на этом дне человеческой жизни, без каких-либо условий, зачастую голодный и холодный продолжает своё научное дело, это, можно сказать, героический поступок.

– Что вы!.. До героизма тут далеко, Семён Ваганович. Это вы так..., подбадриваете старика. Как я

знаю – вы ведь тоже без дела не сидите... и то же не в специализированной мастерской с кондиционерами свою картину пишете.

– Только не надо вспоминать о вонючей кадке из-под рыбы, – улыбнулся художник, зная, о чём сейчас скажет профессор.

– Нет-нет, больше не буду. Раз вам эта кадка доставляет удовольствие, то ради бога.... сколько угодно.

– Хочу вас поблагодарить, Вениамин Павлович, за краски. Помните, на прошлой неделе вы нашли их в своём овраге.

– И что?.. подошли?.. – заинтересованно спросил Позолотин.

– Очень даже подошли... Я их разбавителем, а они и разошлись, не успели до конца высохнуть. Вы мне так помогаете своими находками, то разбавитель, то скипидар, то краски. Особенно для меня ценна изумрудная зелень. Краплак, тоже заканчивался, а тут целый тюбик, надолго хватит. Его ведь у меня не так много идёт. Вот сиена – это другое дело. Сиена у меня в ходу. Ой! – всполошился он, – Что это я о своём, да о своём. Наверняка вы что-то, профессор, не договариваете... Что там у вас ещё в мешке? Глаза-то вон как поблёскивают.

– Как и следует художникам, вы проникательны!... – торжественно сказал Позолотин и с этими словами вытащил из мешка несколько тряпичных

кукол. – Ну, как? – и он восторженно посмотрел на Крокыча.

– Объясните, Вениамин Павлович..., чтоб я знал чему радоваться? по мне – куклы, как куклы, – и Крокыч с недоумением посмотрел на профессора.

– А вы, любезный, на материал посмотрите из которого они сделаны..., на материал...

– Материал, как материал, – проговорил Семён Ваганович, ощупывая кукольные платица, – в чём секрет, говорите?

– Да как же вы не видите!? Это же самотканка... ну что вы, право!.. – расплылся в улыбке профессор.

– Чего в этом особенного? Ну, самотканка... Скажите толком. Всё равно я не догадаюсь...

– А здесь, Ваганыч, и догадываться нечего. Тряпичные куклы позднего периода в развалах нет-нет да и встречаются. Материя машинного производства, она сразу о позднем периоде говорит, а это самотканка. На этих куклах одежда из особой ткани сделана. Её дома на деревянном ткацком станке в зимнее время хозяйка дома выработывала, а это уже бросай на полтора - два века назад. Вот так дорогой, – и Вениамин Павлович радостно засмеялся.

– Много ли человеку для счастья надо? – сказал шутя Крокыч, – нашёл тряпичную игрушку и рад.

– Рад! И очень рад!... – подхватил Вениамин Павлович, – за такую находку я готов простить Симе все вчерашние издевательства... – Профессор по-

молчал, глубоко вздохнул, и задумчиво договорил. – А если бы нашёл, то чего я пытаюсь всё время найти, то я бы и Забродина расцеловал.

– Так это уж слишком, – насупившись заметил Крокыч, – имейте к себе уважение, милейший. Они вас в яму, а вы из ямы им говорите, что вы их любите и готовы простить. – Кстати, чего это вы пытаетесь всё время найти? Чего-то раньше вы мне об этом ничего не говорили..., видно сейчас проговорились. Не так ли?

Профессор немного сконфузился, поняв, что проговорился и, не желая обидеть друга какой-то личной тайной, чего меж ними, за годы, прожитые на свалке, не водилось, сказал:

– Есть малость. Но, не потому молчал, что не доверяю, а более потому, что собственным голосом собственную мечту боялся спугнуть...

После этих слов профессор помолчал, видно не зная, как и с чего начать, затем собрался с мыслями и сказал:

– Знаете, Семён Ваганович, – тряпичная игрушка – это хорошо, даже очень хорошо. Только не она доминировала среди игрушек нашего края... Коренной игрушкой была глиняная..., а её нет.

– А что это была за игрушка? – спросил с интересом художник.

– Игрушка, как игрушка, не хуже и не лучше тех, что лепили в других краях. Только с одной особенностью – на ней была расточка.

– Что?.. Как-то непонятно?.. можно, профессор, с расшифровкой, как для нерадивого студента?..

– Это такой штамповый рисунок, оттиск на глиняном теле, в виде штришков, точек, оставленных палочкой, потому и расточка. Оттиски эти подкрашивались глиной, как краской. В моей монографии, ну в книге которую я пишу, есть глава, в которой я говорю об этой игрушке. Эта книга сейчас не может быть опубликована потому, что главный вывод не подтверждён доказательством. Доказательством может служить только найденная игрушка, а её нет. Раз её нет, – значит и книги нет. Понимаете вы меня?!

– Не расстраивайтесь, Вениамин Павлович,... всё будет. Я вот dokonчу эскизы к картине и сразу примусь за поиски игрушки... Мы её обязательно найдём. – Успокаивающе сказал Крокыч.

– Когда это вы приметесь, любезный?.. – строго и сердито проговорил Вениамин Павлович. Видно было, что он рассердился. – Нет-нет, такие царские подарки я не принимаю. – Замотал отрицательно головой Позолотин. – Он, видите ли, картину бросит писать!! – сказал профессор. – Эх, куда хватил! Так не пойдёт. Я, милейший, только описываю то, что создано, а вы создатель, художник. Вам писать

надо, картину создавать, а такие как я, описывальщики, всегда найдутся...

– Ой!.. не скажите, Вениамин Павлович... Вашу игрушку до вас описали?.. Нет. Так что с описанием тоже не всё гладко выходит.

– А что, Семён Ваганович, с эскизами? – профессор перевёл разговор в другое русло.

– Дописываю последний, – сказал Крокыч, улыбнувшись, – Я сегодня, пока вы в овраге сундук освобождали, все окончательные наброски к картине в один рулон свернул, чтоб не путаться. Немного передохну, силы внутренней поднакоплю и за дело. Не потому что я устал, а для того, чтобы волнение в груди улеглось.

– Отделили, значит, зёрна от плевел?

– Не от плевел, Вениамин Павлович, а просто отделил здоровые и полновесные зёрна от некондиционных.

– Да, да. Я неправильно, Ваганыч, выразился... Так, как назовёте свою картину?

– Как назову?.. Название давно есть. Называться она будет «Вершина мира». Сюжет картины – свалка.

– А почему «Вершина мира», а не «Дно» или «задворки мира»? В чём же пафос?

Крокыч улыбнулся. Улыбка выдала его внутреннее волнение.

– Все эти годы я только шёл к картине. Нарисовать не сложно. Главное её выносить.

– А пафос!? Пафос!?

– Что, пафос?.. Борьба со злом и преобразование человека. А если точнее – когда слабеет тело – наступает торжество духа... – Крокыч помолчал и добавил. – Только я тоже не могу закончить своей работы без вашей, профессор, игрушки. Мне эта мысль пришла только что. Именно игрушка, старая добрая игрушка под гусеницами бульдозера на первом плане будет фокусирующей точкой на полотне. Так называемой точкой схода. Да... да..., все линии будут сходиться в этой точке. Игрушка будет олицетворением старого, доброго. Будут ещё два вспомогательных подплана справа и слева со своими точками схода...? Я решил, я её вижу... да, да два подплана... И потом туча, что мы только что видели с такими расчёсами дождя и ржавыми подпалинами на фоне причудливых солнечных пятен на земле и в небе..., а... каково?! Гроза!! Раскаты грома!! Омовение человечества!!

Глаза Крокыча горели. Лицо его было восторженным, взгляд устремлён на профессора, но наверняка в этот момент он его не видел, потому как в душе его рождалось полотно, рождалось прямо сейчас на глазах Позолотина со всеми его планами и подпланами. Оно ещё не материализовалось в краске и лаке, но оно уже было, и этот взгляд художника

подтверждал рождение нового и доселе в искусстве невиданного.

– Этот эскиз я буду писать прямо сейчас... я его вижу... мне его надо только перенести из души на холст.

– Как вы это видите?.. – робко спросил профессор, глядя на взволнованного Крокыча.

– Я его вижу, так же как и вас, даже лучше.

– Как это лучше? Теперь вы мне растолкуйте, как нерадивому студенту, – удивлённо сказал Позолотин.

– Вас я вижу глазами, то есть материя осязает материю. Здесь на достоверность увиденного влияют и погода, и освещение, и видовой план, а картину я вижу душой, вижу без каких либо помех. Там, во мне, внутри, всегда и нужное освещение, и ракурс, и световые подсветы прорывющихся солнечных лучей сквозь тьму и хаос, и многое другое, как бы в колбе...

– А в этом месте, Ваганыч, можно поподробнее?

– Я закрываю глаза, и передо мной появляется полотно. На этом полотне я вижу чётко передний план общечеловеческой свалки, вижу вещи, которые выброшены людьми..., много вещей, профессор, и вас вижу, вы в очках на дне свального оврага, а в кабине бульдозера Сима, и людям не нужны эти вещи, равно, как и вы со всеми вашими знаниями..., и самосвалы, самосвалы, самосвалы. В овраг летят

вещи, упаковочный материал, и с ними книги, которым в здоровом обществе нет цены, иконы, они людям не нужны. В обществе другой дух, другие ценностные ориентиры... Приобретательство и вещизм главенствует в душах! – Глаза Крокыча были широко раскрыты. Он говорил и, казалось, не видел ни профессора, ни хибарки, ни бочки из под рыбы у оврага. Он, это было понятно, видел само полотно.

– Вы что, уже отказались от рваной галоши? – спросил профессор.

– Почему отказался?.. просто она на другом видовом плане. Она, как и игрушка, своей точкой схода заостряет внимание, аккумулирует внутреннее состояние, будит духовные силы в человеке...!

– Видите, милейший, вам надо писать, – тихо сказал Позолотин, – и я не могу допустить того, чтобы вы не писали. Ведь надо спасти гибнущее человечество, надо спасти соотечественников от этого, вторгшегося в сознание людей монстра вещизма, приобретательства, роскошества, этой благодатной почвы для разврата и прочих мерзостей. А кто это сделает как не вы своей картиной. Вы её обязательно напишите и мир вздрогнет, глядя на неё, а точнее, увидев самого себя на этом полотне.

– И вы, профессор!!!... и вы!!! – восторженно, любящими глазами, глядя на Вениамина Павловича, – почти выкрикнул художник. – И ваша книга...!

– Я ведь тоже, любезный художник, когда пишу монографию, немало представляю. Также внутренним зрением вижу и старый Саратов с его позванивающей конкой, и фонарщиков, зажигающих фонари, и разговаривающих купчих в старинных одеждах, даже слышу, как запряжённые в пролётки лошади цокают подковами на Московской улице...

– И у вас такое же!.. вот здорово... Это просто необыкновенно здорово, профессор! – выкрикнул Крокыч.

И не успела улечься возбуждённая радость на лице Крокыча, как в оконце робко постучали.

– Кому надо? – спросил художник.

– Это Сима, – испуганно сказал профессор шепотом и схватил Крокыча за руку...

– Нет. Он бы матерился, – ответил Крокыч, открывая дверь лачужки.

В лачужку ввалился, заполнив оставшееся в ней пространство, ещё далеко не старый, гладко выбритый, что не всегда бывает у бездомных, с густой искрящейся проседью шевелюрой улыбающийся человек.

– Кажется, успел до дождя, – проговорил он, – наше вам.

– Наше тоже вам, – ответил недоумённо Крокыч.

– Это я, Валет, – проговорил вошедший, – вы, что меня уже не помните?

– Как не помним..., помним, – сказал Крокыч, припоминая вошедшего. – Тебя как Сима прогнал, так ты и глаз не кажешь. Уж, больше года не видели. Чего к нам?... нужда какая? – спросил знакомого художника.

– Нужды нет, а просьба есть, – ответил Валет усаживаясь на чурбак, который служил верстаком для изготовления Крокычем рамок для картин.

– Дело в том, что мы, то есть пилигримы, решили помочь своему брату по несчастью, – немного смущённо проговорил Валет.

– Ты конкретнее можешь? – спросил, перебивая гостя художник.

– Дело то уж больно деликатное, – проговорил, сбиваясь Валет. – Прослышали мы, что среди нас бомжует учёный, книгу пишет, а живёт не лучше других... Вот мы и решили помочь... только, где этот учёный обретается? – не знаем. Меня братухи к вам послали узнать, может чего слышали? «Сходи, говорят, Валет, на свалку, там тоже наши кочевники прозябают, может чего прознаешь?»

Крокыч с Позолотинным переглянулись и дружно рассмеялись.

– Чего я такого смешного сказал? – спросил, немного обидевшись, недоумевающая, Валет.

– Ты правильно пришёл, – сказал Крокыч, обвиняя Валета, – найдём мы твоего академика, кое-что слышали...

- Правда, – обрадовался Валет.
- Конечно, правда,... знаем такого...
- И куда же мне идти дальше? Говорите... – обрадовано спросил Валет.
- Уже пришёл... – сказал Крокыч.
- Так это ж уже другое дело, – изумился и тут же засуетился Валет... – а я, знаете, не с пустыми руками. На сходе пилигримов постановили, профессора этого подкармливать всем миром. Мне тут насобирали... Вы этому профессору еду не передадите?
- Обязательно передадим, – сказал Крокыч.
- Не обманите, а то вон как лукавые зайчики в глазах прыгают..., съедите сами и спасибо скажете.
- Да как же не съесть, обязательно съедим, дорогой,... так перед тобой самый и есть твой учёный, – и Крокыч кивнул на Вениамина Павловича. – Прошу любить и жаловать – Вениамин Павлович Позолотин, доктор наук, профессор, лекции в Сорбонне читал.
- Валет от неожиданности открыл рот, да так не закрыв и остался стоять некоторое время, а потом вдруг засуетился и стал выкладывать из сумки съестное, приговаривая:
- Вы не гнушайтесь..., братухи старались..., всё свежее. Просроченное – ни-ни. Мы от всей души, кто чего мог... с мира по нитке, как говорится.

На столе в хибарке выростала куча съестного, а Валет всё вытаскивал и вытаскивал, казалось из бездонного мешка свёртки, свёрточки, кулёчки...

– Мы тебя в обиду не дадим, – приговаривал Валет. Дело это уже не твоё личное, а общественное. Если так пошло, то мы пилигримов всей Расеи... все подключатся. С Пензенскими уже разговаривали... Там Самарские пособят... Тут наш бомжатник только расшевели...О-го-го! – Наконец он запустил руку в мешок ещё раз и ничего не вытащил, мешок был пуст. Валет виновато посмотрел на Крокыча и профессора и сконфузился оттого, что в мешке больше ничего не оказалось.

А через пять минут они уже втроём сидели за столом и дружно пировали.

– Вы..., вы удивительнейшие люди, говорил со слезами на глазах профессор... – я даже не знаю чем вас отблагодарить... – Он привстал. – Вот Семён Ваганович, поразительный художник. Вы знаете, – профессор посмотрел на Валета, – он пишет картину века. Вот это всё, он обвёл взглядом торчащие ото всюду скатки бумаги, – эскизы к этой картине. Её выставка будет подобна землетрясению,... обрушатся здания притворного мира, она обнажит тлетворное..., она..., она..., – но Позолотин больше не сказал ни слова, у него от перевозбуждения запершило в горле и он, закашлявшись, сел.

– Вот это да!!! мы решили помочь одному таланту, а тут их даже два оказалось, – весело сказал Валет... Чёрт возьми..., до чего я рад, что вас нашёл... Только вы мне книгу покажите, рисунки я вижу... здорово всё. Расскажу братухам – не поверят.

– Вон свёрнутые эскизы к картине в углу стоят, – проговорил, улыбаясь, профессор. – Семён Ваганович сегодня отбором занимался, а то девать всё некуда...

– Да это целый рулон... – проговорил Валет, с уважением глядя на эскизы.

– Будет картина века, – пояснил Позолотин.

– А это всё для чего? – спросил Валет и кивнул на торчащие вокруг ватманские листы.

– Это тоже самое, – смутился Крокыч, – просто, когда что-либо пишешь, то обязательно есть первоначальные наброски, а есть уже более поздние, выношенные зарисовки, только картины всё равно пока нет. Зато есть готовая рукопись Вениамина Павловича, – переключил Крокыч внимание на профессора.

– Не вижу, – Валет взглядом окинул стол. – Где рукопись? Мне братухам надо докладывать.

– Так вот же она, – сказал Крокыч и отодвинул фанерку, закрывавшую потайную нишу. В нише Валет увидел две стопки бумаги. Профессор достал несколько листов лежащих сверху объёмной пачки и подал гостю. Валет взял, покрутил их в руках, пыта-

ясь прочитав заглавие и, смутившись, вернул профессору. – Знаете, я в этом не очень разбираюсь. Главное я видел собственными глазами... вся полка в стопках рукописи, теперь есть, что сказать людям.

– Да нет, – сказал Крокыч, – левая стопка – черновик, а правая – беловик.

– Спасибо. Теперь удостоверился. Только мне засиживаться нельзя... вы уж извиняйте, я уж, как-нибудь ещё загляну... Нам, главное, чтоб знать... – И уже ни к кому не обращаясь, проговорил: «Чудны твои дела, господи..., действительно – пока не сгниёт, не прорастёт», – и Валет, попрощавшись, ушел.

После ухода Валета в хибарке наступила тишина. Эту тишину прервал профессор. Вениамин Павлович встал и, прохаживаясь в узком промежутке между столом и кроватью, проговорил:

– Человек – это тайна... Мы с вами, Семён Ваганович, теперь просто не имеем права не довершить начатого... ни я, ни вы. Сами полуголодные ходят, живут тем, что найдут... а поди ж ты!.. Не имеем права ..., слышите меня? – у Позолотина выступили на глазах слёзы.

– Не только слышу, но и нутром чую... – велик человек!... вот этому поражаюсь, – добавил Семён Ваганович, – и чем ниже падёт, тем величественнее, восстав, становится... А я для вас тоже подарок приготовил, – и он на минуту, выйдя за дверь, вернулся назад с каким-то коробком.

– Что это? – спросил одними глазами профессор.

– А ничего особенного, – проговорил Семён Ваганович и вытащил из коробка очень старую механическую печатную машинку. – «Ундервуд» называется, – сказал художник и похлопал по её по чёрному блестящему стальному телу. – Будете теперь не авторучкой строчить, а на технике работать.

– Как же вы её достали? Где?! – удивился Вениамин Павлович, – вы же в отбросах не роетесь?

– Всё просто, – договорился с одним шофёром, что всё время к нам мусор возит, вот он и привёз, её даже выкинуть не успели, только несли, прямо в коробке, не новая, но в рабочем состоянии. Лента есть, бумаги у нас завались... – комментировал Крокыч. Конечно не компьютер, но вы уж извиняйте... Да и толку от компьютера, всё равно у нас с вами электричества нет.

Вениамин Павлович взял в руки машинку, прижал её к себе и, не смотря на то, что она была довольно тяжелая, не хотел выпускать её из рук. Да, да, в то время, когда на свалку уже везли старые компьютеры, для профессора подарок Семёна Вагановича был ценнее всего на свете.

.....

После того, как Валет, распрощавшись с Крокычем и Позолотиным, ушёл со свалки, он пошёл, по настоянию товарищей, навестить Никиту и предло-

жить ему, как было решено на сходе бомжей, взять в свои руки издание книги профессора. Потому как Никита был не только доверенным человеком, но и человеком с адресом и пропиской. Потому, как у Никиты, хоть маленькая жилая площадь, но была. А, стало быть, он самым что ни на есть законным образом мог вести любые юридические дела и, пожалуй, самое главное – его почитали за человека исключительной честности.

Когда Валет вошёл в комнату Никиты, тот спал, накрывшись от мух газетой. Газета от его дыхания мерно то опускалась, то поднималась.

– Вот это даёт! – громко проговорил Валет, желая разбудить дворника. – Общество ему купюры доверило охранять, а он дрыхнет, да ещё открытый. Дверь-то, дорогой, надо закрывать, кассу-то и спереть могут...

– Какую кассу? – спросил Никита, никак не беря в толк, о чём ему говорит Валет.

– Это ты раньше не закрывался, – сказал Валет, – потому как красть у тебя было нечего, разве тебя одного. Только кому ты был нужен?... а теперь тебе общество доверило, можно сказать, самого себя... вот так... А ты?

– А что не так? – спросил, начиная понимать, что произошло Никита. Мысль окатила его, словно холодной водой: «Оказывается ему, действительно

Валет передал деньги на хранение, а он подумал, что это сон».

И тут Валета как будто прорвало:

– Вы посмотрите на него, – всплеснул он руками... артист, ей богу артист... И рожу сделал ничего не понимающую, и дверь открыта,... ну и хитёр-бобёр. Правильно мыслишь, друг – Если бы ты стал ни с того ни с сего запирать дверь, то это уже подозрительно и людишкам хочется заглянуть за эту запертую дверь..., правда,... ну хитёр,... ну хитёр, – и Валет понимающе погрозил Никите пальцем, дескать «Знай наших». Правильно придумал, молодец.

Никита только хотел было раскрыть рот и рассказать Валету о произошедшем, как Валет, не дав ему ничего сказать, начал говорить дальше. – Я тебе даже одну жизненную историю расскажу. Тогда я ещё не бомжевал. Были мы на лесоповале, нас от колхоза на лесозаготовки вербовали. Набралась бригада, поехали. Подошло время зарплату получать, мы и отряжаем одного из наших, Ивана Васильевича, как щас помню. Сел он на поезд и уехал, а у нас душа болит, деньги-то немалые. Подходит время, должен вернуться, мы к поезду, да в вагон. А наш Коваль сидит и лыбится. Мы его Ковалём звали потому, что у него фамилия была Ковалёв. Мы к нему – «привёз?». А он в ответ – «привёз». Мы – «не томи душу». А он вытаскивает из-под лавки мешок не первой свежести, – тут говорит. Развяза-

ваем, а там штук пять булок хлеба зачерствелых и узелок с деньгами. Тогда в вагонах не только он один ехал, некоторых карманники пощипали, а он довёз... А ты, молодец... Так я пошёл, скажу нашим, что всё в порядке. – И Валет, попросившись, ушёл, так и не выслушав опешившего дворника.

После его ухода Никита ещё какое-то время продолжал лежать. Он вдруг понял весь трагизм своего положения. Оказывается, ему действительно Валет дал на сохранение общественные деньги, а Никита??? Тут он вспомнил, что сунул сумку с деньгами под голову, а вот, когда он проснулся, то сумки этой не было, потому Никита и подумал, что это ему приснилось. «Может быть, сумка там, около вишни и лежит в траве?» – подумал Никита и пошёл во двор, чтобы осмотреть место под вишней. Сумки там не оказалось. Никита сел на траву и обхватил голову руками.

Глава 12. **Какому богу молиться?**

Утром глиняшки проснулись ни свет ни заря. Они так рано никогда не просыпались. А проснулись потому, что ощутили некую тревогу. Да и спали они не на своих привычных местах, а сбившись кучкой около трельяжа.

– А что, если нам самим пойти на Пешку или Сенной, – предложил Мурлотик. – Нельзя же просто так сидеть сложа руки и ничего не делать.

– Что и сами на прилавок залезем... берите нас, люди, кому хочется? – проговорил Пустолай. – Я тебя всегда за умного кота держал, а ты чушь несёшь собачью.

– Коты собачью чушь не несут, – обиделся Мурлотик.

– Хорошо..., пусть будет чушь кошачья, – поправился Пустолай.

– Кошачьей чуши не бывает, – ответил кот, – есть только чушь собачья.

Хватит вам пререкаться, – сказала Дуня. – Нам надо думать о своём спасении. Я не хочу, чтобы меня брала эта синеволосяя Барби. У неё такие холодные руки, просто ужас... – и она, как бы от холода, передёрнула плечами.

– Давайте положимся на мамушкиного бога, которому она всегда молилась, и будем ждать, – предложила Катерина.

– Мы не знаем, как это молиться? – сказал Заступник, – и мамушкиного бога никогда не видели.

– Мамушка мне говорила, что бога видеть не надо, главное, что он тебя видит. – Заметила Дуня.

– А я знаю, – сказал Заступник, – знаю, как она молилась. Она стояла всегда перед вот этой иконкой, – и он кивнул на икону в углу комнаты, крести-

лась и просила Спасителя и Богородицу, так она их называла, о помощи и заступничестве, – сказал Заступник.

– И древние наши князья и цари, тоже полагались как на войско, так и на небесные силы, – например, на Ярилу, – вставил Свистопляс. – Я мамушку сколько раз просил слепить древних богов и им поклоняться, а она ни в какую. Я тут, между делом, нашёл во дворе чурбак, точь в точь, как был в молитвенном месте у древних, только немножко подравнять и кое-где протесать.

– Сам молись своему чурбаку, – огрызнулся Пустолай.

– Да уж, пню поклоняться как-то не по мне, – проговорил Мурлотик. – Ты уж сам об этот пень лоб расшибай.

– Если не нравится молиться вырезанным богам, то можно просить солнце, деревья, ветер помочь в борьбе с врагами, – сказал, насупившись, Свистопляс.

– Это суть идолы, – ответил Заступник. – Не призывай их больше. Я понимаю, что ты из тех времён, когда на Руси было идолопоклонство, но ты же современный цивилизованный кентавр, должен понять.

– Я стараюсь понять, – проговорил Свистопляс, – но только пока не очень выходит. Время мне гово-

рит о других богах, вырезанных из дерева или выточенных из камня...

– Это многобожие, – сказал Заступник. – А в мире, мамушка говорила, есть только один бог.

– Вот пусть он своей гнилушке и молится, а я трухлявому пню молиться не буду. – Сказал сердито Мурлотик и многозначительно отвернулся.

– А давайте и мы помолимся, – проговорила тихо Дуня, только не пню, а мамушкиному богу. Мамушка ведь знала, кому молилась. Мы ей верим, правда, Свистопляс?

– Пожалуй, с тобой можно и согласиться, – сказал, раздумывая, кентавр, – от её молитв никому плохо не было...

– Так и давайте делать, как она делала, – убедительно проговорила Дуня.

– Как это? – недоумённо спросил Пустолай, – мы не умеем.

– А как мамушка молилась, помните? – спросила Дуня.

– Не-а, – помотал головой Пустолай.

Вместо ответа, Дуня подошла к мамушкиной иконке, опустилась на колени, и, кланяясь до пола, проговорила, – мамушкина заступница, помоги её деткам в беде, выручи нас. Сделай так, чтобы мы попали к хорошим людям... Ведь это ничего, что мы глиняные, но ты же всё можешь... Проси своего сына, чтобы помог нашей беде, он всё может... – и до-

бавила, повернувшись к игрушкам, – мамушка говорила, что он всё может..., что она без его помощи даже нас сделать бы не могла.

– Сомневаюсь я что-то, чтобы эта картинка нам помогла? – сказал кентавр и кивнул на иконку. – Мы делали очень больших богов, ростом с людьми и больше и то не всегда помогало..., а тут картинка... – и он в сомнении покачал головой.

– Мы не иконке молимся, а святой деве, она на небесах и всё видит и слышит, – убедительно сказала Дуня.

Кентавр отошёл в сторону и недоумённо посмотрел на Дуню. Ему всё это было очень непонятно, хотя он любил мамушку и верил ей.

Игрушки стали молиться мамушкиному богу и когда они так молились, то вдруг в комнате из-за изразцовой печи вышел старенький дедушка с котомкой за спиной, старинной одежде и сказал, обращаясь к игрушкам: «Не бойтесь меня, я ваш друг. Я знаю вашу мамушку. Своими игрушками она неслала в мир добро и любовь людям. Она всегда хотела, чтобы дети на земле играли в добрые игрушки, то есть в вас. Заботьтесь друг о друге. Любите друг друга. Терпите. Берегитесь соблазнов. Помните сказанное».

Глиняшки не успели как следует рассмотреть прищельца, как таинственный старичок стал вдруг от них удаляться, меркнуть, меркнуть и исчез совсем. Игрушки были так испуганы, что боялись

пошевелиться. Через некоторое время они стали приходить в себя, зашевелились, стали разговаривать.

– Что это было? – спросила Катерина.

– Я думал, что у меня лапы от испуга отсохнут, – проговорил Пустолай, садясь на задние ноги.

– Сроду труса не праздновал, – сказал Заступник, – а тут, по правде говоря, душа в пятки стала уходить.

– Что это было? – спросил Свистопляс, потрясённый случившимся до копыт.

– Это, наверное, мамушкин бог услышал нашу молитву к нему, – сказала Дуня.

– А наши боги никогда вот так... – проговорил кентавр... – никогда. Я теперь не хочу им верить, а хочу верить только в одного единого мамушкиного бога...

– Я думаю, что мамушкин бог нас спасёт? – сказал Мурлотик.

– В этом даже не сомневайтесь, – уверенно сказала Дуня.

– Как же спасёт? – недоумённо спросил кот. – Если б раз ... и не стало всего этого ... ни синеволосой, ни «добрячка» и несли бы нас домой радостные дети, а то чего-то ждать надо? да терпеть.

– Размечтался... – сказала Дуня, – мне мамушка говорила, чтобы спастись – надо самому потрудиться и, прежде всего, верить в бога. Только мы должны пройти испытания, – говорила мамушка, – побывать и в беде, и в радости, преодолеть невзгоды.

Земля это не рай – это место закаливания душ и проверки их на прочность.

– Если бы мы сейчас очутились в детской комнате или в садике, тогда бы да... – упирался Мурлотик, – тогда бы я поверил, а так...

– Фома ты не верующий, – сказала Дуня.

– Почему Фома? Я добропорядочный кот, – обиделся Мурлотик, – и зовут меня не Фома. Вот Фому Фомича, нового хозяина дома зовут Фомой, а я не Фома, тем более неверующий. Ты меня обидела до корней усов.

– Ты не обижайся, – ласково проговорила Дуняша. – Так говорят, когда человек не хочет поверить на слово, а желает доказательств. Мне мамушка рассказывала, что был такой человек, апостол, звали его Фома и он никак не хотел верить, что бог Иисус Христос воскрес из мёртвых, а желал доказательств... Да ты не обижайся, Мура,... смотришь на меня букой... Вон даже кентавр – идолопоклонник и то поверил..., а ему это сделать было гораздо труднее, чем тебе.

– Не убеждай меня, Дуня, вот когда спасёмся, пусть даже через труднейшие испытания, тогда поверю, а по-другому никак. Ты лучше Фоме Фомичу об этом неверующем Фоме расскажи.

– Фома Фомич об этом знает, – тихо сказала Дуня, – только мир и всё что в этом мире находится, для него слаще спасения. А если б было не так, то он бы никого и не обижал.

Может быть, разговор так бы и продолжился, но на крыльце послышались шаги Никиты. Он вошёл в комнату, посидел на дубовой кровати, на которой умерла мамушка, похмыкал и, увидев на полу игрушки, почесал бороду и сказал:

– Кончились наши хорошие дни, ребята. Опять обещался новый хозяин приехать... Что скажет..., что скажет..., чем обрадует? – сказал он как-то растерянно. – Да и обрадует ли? Я думал в доме Елены Никаноровны музей игрушки соорудить... Эх!... людишки-человечишки. Такая наша с вами жисть наступила... А вот и они, кажись,... легки на помине.

Он встрепенулся, встал и на всякий случай убрал игрушки за занавеску.

На улице хлопнула автомобильная дверь. Из машины вышли трое: добрячэк, Барби - Зина и ещё один неприметной наружности, небольшого роста мужчонка. По всей видимости это был тот самый подрядчик. В щель между ставней было видно, как Фома Фомич указал мужчонке на дом и двор. Голосов не было слышно, но по жестам было понятно, что Фома Фомич говорит, чтобы подрядчик всё осмотрел и указал на территорию, прилегающую к дому.

Мужичонка закивал и сразу стал деловито всё осматривать и записывать в блокнот.

Через несколько минут заскрипело крыльцо и в комнату вошли «добрячэк» и синеволодая, которую он ещё называл словом «прелесть». Пока они приглядывались к затемнённой горнице, из соседней

комнаты, весело подпрыгивая, выбежали Белянка и Смуглянка, а за ними вышел с гармошкой в руках Васёк и все трое встали перед синеволосой Барби.

– Ой! – проговорила испуганно Катерина шепотом, наблюдая из-за занавески, – они что, чокнулись что ли эти бодливые? Васька-то уж так-сяк.

– Это, кажется, и есть тот самый Васькин план по преобразованию жизни в действии, – заметил Пустолай.

– Тихо вы, – зашипел на говоривших Мурлотик, – заметят.

Васёк прошёлся гоголем перед Фомой Фомичом и синеволосой, всем своим видом показывая, что он не лыком шит и умеет ценить достижения цивилизации. Белянка и Смуглянка шли по бокам и старались ему соответствовать. Васёк тут же растянул меха гармошки, раздалась разухабистая частушечная мелодия. Гармонист чёртом вращался на левой ноге и притопывал правой. Вот он остановился напротив синеволосой Барби и тряхнув кудрями пропел:

Я люблю девчат красивых

Ну, такие, как в кино,

Кровь застыла просто в жилах,

Лишь увидел вас в окно.

– Это что за плясун, – наклонилась к нему синеволодая, широко улыбаясь. Открытая лесть ей явно нравилась. Она наклонилась так низко, что прядь синих волос упало гармонисту на плечо.

Мы умеем, мы умеем

Веселиться и плясать,

Мы умеем, мы умеем
Жизнь частушкой украшать...

Гаркнул во всё горло, ударил в колокольчики и заливчатски задёргал мехами Васёк.

– Дал же бог дураку талант, – проговорила Дуня, краснея. Она отвернулась, чтобы не видеть всю эту сцену, и две слезинки-бусинки выкатились из её глаз.

– А вы тоже чего-то умеете? – спросила Зина козочку и овечку. Те онемели от радости и только и смогли выдавить из себя «бе» да «ме».

– И то славненько. Можно показать гостям. Правда, дорогой? – обратилась она к Фоме Фомичу. – Кстати, завтра приезжает предприниматель из Франции господин Батист, ему будет интересно...

– Они что... заводные? – Спросил Фома Фомич, – или на батарейках?

– Не знаю... – пожалала плечами синеволодая, разглядывая фигурки и не находя в них места куда могли быть спрятаны батарейки. – Ничего не вижу...

– Не ломай головку, цветик. Покажем специалистам они во всём разберутся в два счёта. Японцы видимо состряпали. Хитрые эти япошки.

– Мне просто интересно, как всё это действует?... включается там, или где программка установлена? – добавила синеволодая.

– Они, наверное, с часовым механизмом, – сказал «добрячок», – а то чего бы вдруг... – тут он обратился к сторожу. – Никита, положи эти безделушки

в сумку, да снеси в машину, – заметив Зинин особый интерес к поделкам, распорядился Фома Фомич, – вдруг что стоящее?..

«Добрячок» и Барби больше не стали задерживаться в доме и вышли.

– Вы откуда, дурашки, взялись, – спросил Никита, неся сумку с игрушками к машине. – Вот уж некстати... вот некстати... Это ж надо... Вроде бы убрал – на тебе, вывалились невесть откуда...

Он положил сумку с игрушками на сиденье автомобиля и удалился. Когда Никита ушёл, то Васёк сказал притихшим овечкам:

– Держитесь за меня, райской жизни не обещаю, но кататься, как сыр в масле, будете, если дурами не окажетесь.

После отъезда хозяина, Никита собрал оставшиеся игрушки в грубо сколоченный ящик, из толстых досок, из под хозяйственного мыла. Затем накрыл крышкой, для надёжности, прибил её гвоздём и отнёс на чердак, с глаз подальше. Только потом он о таком своём решении долго жалел и корил себя за непредусмотрительность.

Глава 13. На чердаке

Как только игрушки очутились на чердаке, они сразу сделали попытку выбраться из ящика, который ужасно пах хозяйственным мылом, но крышка на ящике оказалась до того тяжёлой, что поднять её не было никакой возможности. Может быть, За-

ступник бы и поднял крышку, только он был мал ростом, а ящик был наоборот глубокий, потому Заступник никак не мог упереться в крышку плечами и головой. Остальные все были меньше Заступника и в помощники никак ему в этом деле негодились.

– Там Гуделки с Свистоплясом не слышно? – спросила Катерина, – они должны быть на чердаке, – и закричала: «Глиня!! Глиня!!»

– Я здесь, – проговорил снаружи Гуделка, – так значит это вас Никита на чердак затаскивал, а мы думали с Свистоплясом: «Чего это ему на чердак лезть понадобилось? Да ещё какой-то ящик принёс».

– Гуделка, ты можешь как-нибудь крышку открыть или хотя бы в сторону сдвинуть? – спросил Пустолай.

– Один не смогу, тяжёлая, сейчас брата Свистопляса позову...

– Свистопляс!! Ты где-е!? Сви-сто-пля-я-с!, – крикнул Глиня, – иди-и, помоги-и, крышка тяжеленная, одному не справиться-я...

– Иду-у-у! – донеслось с противоположного угла чердака.

Раздалось цоканье копыт и лихим аллюром, с посвистом, кентавр подскакал к ящику.

– Какая крышка? – спросил, Свистопляс и изучающее стал смотреть на ящик, сколоченный из неструганных толстых досок.

– В этом ящике находятся наши глиняшки, – пояснил Гуделка. – Их Никита в ящик сложил и сюда затащил.

– Это он побоялся, что нас новый хозяин с собой увезёт, – проговорила из ящика Дуняша. Новый хозяин забрал и увёз Васька, Белянку и Смуглянку. Ты меня слышишь, брат Свистопляс!?

– Конечно, слышу, – проговорил Свистопляс. – Мы с Гуделкой об этом ничего не знали. Вы потерпите, мы с Гуделкой вас сейчас вызволим, – и он стал вставлять остриё трезубца в едва заметную щель между крышкой и ящиком.

Чтобы вставить в щель трезубец, друзьям пришлось не мало повозиться. И всему был причиной, этот вбитый дворником гвоздь. Наконец остриё зуба было втиснуто между крышкой и верхней доской ящика. Свистопляс навалился на черенок трезубца и крышка ящика стала со скрипом подниматься. Им удалось сразу поднять крышку на целый сантиметр, но дальше зуб трезубца согнулся и Гуделка, оставивши эксперимент с трезубцем, стал на чердаке искать более подходящий для этого дела инструмент, а Свистопляс принялся чинить свой трезубец. Игрушки в ящике стали терпеливо ждать, когда их Гуделка и Свистопляс освободят из заточения.

– Вот какие они молодцы, а мы на них всегда шумим, дескать, неслушники, а они нас из ящика вызволяют, – сказала Дуня.

– Из таких вот, непоседливых, всегда путешественники, археологи, военные, спасатели хорошие получаются, – проговорил Мурлотик.

– Я не против их непоседливости, я только против нарушения нравственных законов, – заметила Катерина. – При любых преобразованиях и прогрессе, нравственные законы, заложенные в человека, никто не отменял. Не могут их отменить ни революции, ни стихийные бедствия... Поэтому, очень важно, чтобы они эти законы в себе не попрали и не увлеклись неведь чем...

– Ты намекаешь на порчу рубашек и платьев, – сказал Заступник, – замечу, что они делали это по неведению.

– Это ошибка на пути к хорошему и доброму, – проговорил Пустолай.

– Здорово вы оправдываете хулиганские действия подростков, – вмешалась в разговор Дуня. – А по мне из добрых побуждений нанесено зло или нет, зло оно всегда остаётся злом в какие бы оно одежды не рядилось. А почему они нас спасают? Спросите. Так потому, что случайно оказались наверху. И так бы сделал каждый из нас, если бы был на их месте.

– Ты, Дуня, почему-то здесь случайно не оказалась, да и каждый из нас, кто сидит в этом ящике, – заметил Пустолай.

– Друзья! Не будем спорить, – промяукал Мурлотик. – Как я понимаю, этот вопрос философский, отложим его решение до лучших времён, тем более

условия в этом ящике для философских споров не самые подходящие.

– Правильно. Вы, сначала, выйдите из этого ящика, а потом рассуждайте и спорьте, – поддержал кота Заступник. Все замолчали и стали ждать.

Глиняшки в ящике притихли, Гуделка и кентавр продолжали искать на чердаке подходящий инструмент, чтобы открыть крышку ящика, а в это время по Большой Горной улице не торопясь двигаются Антон и Костя, приглядываясь к домам и заходя во всевозможные тупички, улочки и проезды. Как мы уже знаем, они заняты поиском старого дома под черепичной крышей. Дом от них находится совсем рядом, он уже в пределах видимости, но они пока этого не знают.

.....

– Что он сказал про место, где нашёл камешки? – спросил Костя, – когда братья, изрядно притомившись, в хождениях по Большой Горной улице, зашли в один двор и только хотели от усталости прилечь на травку и отдохнуть, как увидели под вишней лежащего бородатого человека. Лицо его было закрыто шляпой, на нём был старый выдавший виды клеёнчатый фартук, а рядом стояла, приклоненная к покосившемуся забору, метла.

– Давай его про дом спросим, может быть чего знает? – сказал Костя шёпотом, и осторожно приблизился к лежащему человеку.

– А если он умер? – боязливо сказал Антон. – Вдруг это мертвец?

- Вряд ли...
- Шляпу давай скинем.
- Заругается...
- А если мёртвый, то не заругается...
- Я боюсь...
- Поднимай...

Костя осторожно поднял шляпу и в этот момент лежащий, а это оказался средних лет, с бородой и усами человек, вдруг открыл один глаз, повращал им, потом открыл другой и спросил, глядя на ребяташек:

- Чего надо?
- Мы дом ищем, – промямлил испуганно Антон и сразу спрятался за спину брата.
- А меня чего тревожите? Ищите, ну и ищите себе на здоровье... – и закрыл глаз.
- А вы кто? – спросил Костя.
- Дед Пихто...

Мужчина вдруг неожиданно принял сидячее положение, поправил шляпу и продолжил:

- Теперь можно сказать, никто. Вот так-то, плюнуть-нерастереть.
- Как это никто?
- А вот так, паря,... был дворник Никита, а стал господин никто... вот так, людишки-человечишки.
- Непонятно... – почти в один голос сказали ребята.

– Чего тут не понять, – сплюнул зло Никита. – Был двор, был забор как забор, а сейчас одна крапива с Глебучева оврага лезет, да гнилые доски с ржа-

вых гвоздей срываются. Их даже отламывать не надо, сами падают. Нету уже двора, что раньше был, одни старухи да старики столетние и дома у них такие же древние. Малых деток раз, два и обчёлся. Э-э-х, жизнь! – Не хотят людишки иметь малых деток... не хотят. Желают в вольной вольности жизнь проводить, ни забот, чтоб тебе, ни хлопот. Жить хотят по высокому стандарту. А кто, спрашивается, этот стандарт разработал и установил? Сами и установили. «Множьтесь» – сказано, а они не множатся, самовольничают...

– А мы дом ищем, – шмыгнув носом, проговорил Антон.

Человек, назвавшийся Никитой, прервал монолог и больше из профессионального любопытства, чем из надобности спросил, снова ложась под вишню и надвигая на глаза шляпу:

– Вам дом, зачем?

– Бабушка в нём одинокая живёт, дом черепицей крытый.

– Черепицей, говоришь,... бабушка живёт. – Дворник почесал ухо, сдвинул шляпу и, глядя на ребят, прищурился. – Из пионеров что ли? Тимуровцы... или как вас там теперь?...

– Да, не... – начал Антон, но брат его дёрнул за рукав и вовремя.

Никита вдруг снова рывком сел и сказал:

– А я тоже, ребята, бывший пионер, давно это было... И тимуровский отряд у нас был – глаза его оживились. – Всё поломали... гат-паразит, всё через

колени и через меня, Никиту, переехали... вот и всё... плюнуть-не растереть. – Он немного помолчал и сказал:

– Все мне Никите желают сделать хорошо, и коммунисты и профессионалисты и филателисты и прочие исты..., а от чего мне Никите хорошо, того не спрашивают... Вот так гат-паразит. А мне может быть под вишней лежать хорошо,... я может быть от этого кайф ловлю,...а? Меня от этих немецких газончиков может скука берёт, я может, глядя на эти газончики,... удавится хочу. А они: «делай, Никита, газончики...» тьфу плюнуть-не растереть. Русскому человеку предназначено о душе заботиться, а не рай на земле устраивать... вот.

– А почему вы рай не хотите на земле? – спросил Антон.

– Молодец, уважаю.... – Дворник ласково посмотрел на Антона. – В корень зришь. Хочешь знать почему я земного рая не желаю? Отвечаю сразу и без запинки – скушно.

– Почему скушно? – спросил Костя.

– А вот скушно и всё. Не подходит это для русского человека. Русский человек должен рай в душе своей создавать и лелеять... Не создав в душе духовного рая, по вашему, комфорта, стоит ли печься о видимом и тварном... – Он немного помолчал и добавил. – Грязи, мусора я тоже не люблю. – Затем так же легко переключился на другую тему. – Скоро все будем искусственные: искусственные цветы, искусственные газончики, искусственное сердце,

улыбка, душа и всё такое. Разве так годится!? Умеренность во всём и аккуратность – вот краеугольные камни человеческого прогресса... Так?.. Я вас спрашиваю!?.. – и, не дожидаясь ответа, проговорил. – Домоуправ у нас гат-паразит... Уйду в сторожа... мне много не надо... так-то людишки-человечишки.

Он помолчал, потом вдруг спросил:

– Вы кто будете?... Ах, да, совсем забыл – шефы – пионеры... вы говорили... ну-ну...

– Нет, мы... – начал Антон, но Костя опять его одёрнул и спросил участливо: – Плохо вам? – Но Никита, кажется, не расслышал вопроса, он думал о своём.

– Вчера, гат-паразит, сарай подломали. А чего его подламывать?! Нет,... лезут. Плюнуть-не растереть... Чего ищут? – Костя толкнул брата локтем.

После этих слов сторож помолчал, склонив голову, и, глядя на свою шляпу, проговорил:

– Опоздали вы, ребята,... опоздали... преставилась наша Елена Никаноровна, померла. Светлой души человек была, царствие ей небесное... – и он судорожно перекрестился. Дом её, – он кивнул на большой старый крытый черепицей дом, – теперь никому не нужен. Он один на весь квартал под черепицей... Идите, возьмите чего себе на память, раз её знали, сё равно не сегодня-завтра, гат-паразит, всё порушат. Как там сказано, что всё что вы видите,... всё будет разрушено и не останется камня на камне,... вот так вот, ребятки. А вы идите, дверь от-

крыта, а чё её запирать-то,... всё одно.... и он снова лёг и закрыл лицо шляпой.

Костя посмотрел на дворника и подумал о том, что видимо человек очень переживет. А вот из-за чего именно, то-ли из-за рушащихся жизненных устоев, то-ли из-за падающего забора, то-ли из-за смерти бабки, а может быть от того и другого вместе?

– Пошли, – дёрнул брата за рукав Антон.

– Нам в сарай надо, а не в дом, там Муха разноцветную глину нашёл, – шепотом заметил Костя.

– Он про сарай ничего не сказал, – возразил Антон.

– Он сказал: «идите и возьмите, чего вам надо».

– Это к сараю не относится, – упорствовал младший.

– Относится и к сараю, и к дому, – стоял на своём Костя, – направляясь к крыльцу.

– Нет, не относится, – спорил Антон, – идя за братом.

Они поднялись на крыльцо дома, открыли дверь и вошли в сенцы. В сенцах было пусто и полутемно. Ребята немного оробели.

– Давай поднимемся на чердак, – сказал Костя.

– Зачем?

– Может быть для школьного музея чего из прошлой жизни найдём, вот историчка обрадуется...

– Чего ж мы там найдём?

– Ухват или сковородник...

– Давай..., – и ребята из сеней по скрипучей лестнице поднялись на чердак.

На чердаке было полно паутины, старых вещей валялось тоже немало. Вдруг ребята явственно услышали чей-то голосок.

«Ой! Это мародёры», – пискнул кто-то тоненьким голоском.

– Ты чего там пицишь, – сказал Костя, – думая, что услышанный голос, это проделка и розыгрыш Антона. Любит он иногда вот так попицать.

– Ничего я и не пишу, – сказал Антон, освобождая штанину от зацепившего её гвоздя.

На чердаке было достаточно светло и ребята стали осматривать старые вещи.

– А чего мы здесь ищем? – спросил недовольным голосом Антон.

– Ты на стулья разные внимания не обращай, – ответил брат. – Пал Палыч о чём говорил? Он говорил о том, что в доме могли жить игрушечники, а стало быть и надо искать следы их деятельности.

– Какие такие следы?

– Простые следы,... ты с глиной в «Спутнике» возишься, а меня спрашиваешь. Чем мы пользуемся: дробилкой, киянкой, ситом... вот и ищи нечто подобное, может какая мельничка попадётся. Всё это люди на чердак или в сарай выносят.

– Почему выносят? – не унимался брат.

– Почему?.. да почему?.. почемукалка... Потому что люди по здоровью или по старости перестают заниматься лепкой, а инструмент не выбрасывают,

выносят его и кладут куда подальше. Выбросить жалко, память, а в хозяйстве уже не нужен.

– Вроде опять кто-то пискнул только тише?.. – сказал Антон, прислушиваясь.

– Старый гвоздь в доске скрипнул,... ты наступил, вот он и пропищал, – со знанием дела сказал Костя, подходя к ящику из под мыла и перешагивая через него.

.....

– Я думала, что он сейчас на нас наступит, – тихонько сказала Дуня, вслушиваясь в шаги на чердаке.

– Не пищите вы, – проговорил Заступник, наблюдая в щель между досками за посетителями. Глиняшки приникли к щели и тоже стали наблюдать за пришедшими. Все перешли в общении на шёпот.

– Мародёры, наверное, прошептал Пустолай. Надо на них полаять и рогатиной,... а? Вот мой пра-пра-пра-пра-дед, так тот с хозяином на медведя хаживал. У хозяина рогатина была.

– Погодь, брат, – упредил Пустолая Заступник, – понаблюдаем. Нам намерение их знать надо. А то был у меня один случай. Осенью, в охраняемые мной пределы, вторгся один кочевник. Я уж хотел его на копьё поднять, только вижу, что он, как-то неуверенно идёт, останавливается, да осматривается. Потом оказалось, что он в тумане просто заблудился и никаких границ, и не собирался нарушать, вот так то.

– А они тогда кто? – спросил Мурлотик, кивая на мальчишек.

– Может враги, а может быть и друзья... – ответил Пустолай.

– Друзья по чужим чердакам не лазят, – заметил Мурлотик.

– Тоже верно, – подтвердил Заступник.

Игрушки притихли. А в это время с другой стороны, от Глебучева оврага к дому под черепичной крышей, озираясь по сторонам и чуть пригнувшись, подходили Пегас и Муха.

.....

– Бабка преставилась, – сказал Пегас, перебегая через двор. – Теперь можно и на чердак сходить.

– Тебе это что, Сорока сказала? – бросил Муха.

– Вон видишь следы от Пазика, вечером дождичёк был.

– Почему от Пазика?

– Топай давай, следопыт хренов... У нас Пазики покойников возят. Любое похоронное бюро возьми – везде эти автобусы. А ты «почему?.. да «почему?», думать надо.

Пегас и Муха решили проникнуть в дом через полуподвальное помещение.

– Муха, давай... – скомандовал Пегас и стал из-за угла наблюдать за лежащим под вишней человеком, – только без скрипа, а то услышит.

– А это кто?

– Фиг его знает, абориген какой-то...

– Будь спок, – сказал Муха, ухмыльнувшись. Его маленькие глазки моментально прощупали всё пространство около старого дома. Всё было как надо. Он, пригнувшись, трусой подбежал к наполовину выходявшему из земли окошку, вытащил из-за пазухи банку, достал из кармана широкую кисть и быстро намазал чем-то стекло, а потом в его руках появился кусок ткани. Муха быстро приложил ткань к стеклу, притёр и надавил на материю коленом, послышался лёгкий щелчок и через минуту растрескавшееся стекло вместе с материей уже лежало рядом с окном, а в образовавшемся проёме окна сначала мелькнула спина Мухи, а затем и Пегаса.

.....

Костя и Антон не успели как следует всё рассмотреть, как лестница, ведущая на чердак, закрипела, послышалось сопение. Оба мальчика предусмотрительно спрятались за трубу и стали ждать.

– Влипли, – прошептал Антон.

– Не дрейфь... – ответил Костя.

– Кто это может быть?

– Молчи, увидим, стой тихо, не шевелись...

Костя и Антон затаились и стали ждать. Лестница скрипела и скрип явно приближался.

– Двое топают, – сказал Костя

– Откуда ты знаешь?

– Доски через паузу один скрип издают. Это значит, что на одну и ту же ступеньку два раза наступили, сначала первый человек, а потом второй и первый явно тяжелее второго.

– Почему?

– Потому, что под вторым скрип по времени меньше. Молчи, давай...

Костя и Антон замолчали.

.....

– Точно воры, – проговорил Пустолай, продолжая наблюдать за чердачным пространством. – Хорошие люди за трубу хорониться не будут, это только воры прячутся, чтоб их не обнаружили.

– Твоя правда, – добавил кот. – Нечего хорошему человеку ни от кого прятаться. – Воры это, самые настоящие воры, стоят, не шелохнутся...

– Тише говорите, а то услышат, – Прошептал Заступник.

– Мы и так шепотком, – сказал Мурлотик. Он хотел ещё что-то добавить, но смолк, так как увидел поднимающегося на чердак Пегаса.

Пегас поднимался на чердак уверенно и спокойно. Вот он ступил в чердачное пространство, остановился. Его внимательные, без грамма суеты глаза осмотрели чердак.

– Тут не ступала нога человека, – сказал Муха, поднимаясь следом.

– Ошибаешься,... ступала, – сказал Пегас, всматриваясь в чёткий отгиск Антонова ботинка на пыльной доске. – До нас тут уже побывали, – сказал Пегас, – только не профи.

– Почему? – спросил Муха.

– Вон видишь, на видном месте дверная петля кованая, старинная, – а её даже в руки не взяли. Думаю, что побывали охотники за цветным металлом, эти чёрный металл никогда не возьмут и древность их не интересует. У них в мозгах только килограммы цветмета. Они, Муха, наши главные враги. В металлолом нередко такие вещи попадают, которым цены нет. А то, что этим домом заинтересовались «пчёлки», это лишний сигнал к успеху. Молодец, что мне сразу сказал про то, что братья этим домом интересуются. Пал Палыч – старая лиса. Он мне ничего не сказал, а этих к тебе подослал, на разведку. Чую нутром, что здесь не пудрой пахнет. Пудра только нам с тобой на мозги, вот и всё.

– Откуда Пал Палыч знает, – что здесь может что-то быть? – спросил недоумённо Муха.

– Я видел, с каким интересом он камешки разглядывал...

– Так ведь не золотые... – удивился Муха.

– Как знать,... как знать. Может эта глина в золото умеет превращаться...

– Тоже мне, отличник, – буркнул Муха, – даже я, троечник, и то знаю, что таких чудес не бывает, это раньше алхимики так думали...

– Бывает, Муха,... бывает. Только всё это в виртуальном значении.

– Что-что? – не понял Муха.

– Ладно,... тебе этого не понять. Ищи лучше, а я покумекаю, что к чему? Обмозговать надо.

.....

– Первые неизвестно, что за птички, а эти точно с недобрый намерением пожаловали, – сказал Мурлотик.

– Может быть эти дружаны тех, что за трубой, – предположил Пустолай.

– Нет, они не в дружбе, чего им от дружков прятаться?

– Возможно, тоже бы спрятались, если бы первые пришли? – буркнул Пустолай.

– Кто там ещё появился? – спросила Дуня.

– Не по нашу ли душу пришли? – в тон ей спросила Катерина.

– Какие-то ещё два мальчишки притопали... – сказал Мурлотик Дуне и Катерине, – у одного глаза бегают, рыжий.

– А у тех, что за трубой хоронятся, глаза не бегают, – заметил Пустолай, – значит те и не воры совсем, а эти воры, что последние пришли.

– Наверное, просто хулиганы, – сказала Катерина.

– Или воры, – добавил Пустолай.

– Тихо вы, – проговорил Заступник, продолжая наблюдать в щель за подростками.

– Ой! Я боюсь, – испуганно проговорила Дуня и отодвинулась в дальний угол ящика. К ней придвинулась и Катерина.

.....

Мухе не хотелось лазить по пыльному чердаку, но не подчиниться Пегасу он не мог. На чердаке валялись старые, изъеденные молью, валенки, расша-

таные стулья, ветхие, избитые древоточцем этажерки и прочая рухлядь. Муха, осторожно ступая, стал обследовать чердак.

– Вот старый электрический утюг, – доносится его голос.

– Не бери, – следует сразу ответ Пегаса, – хоть он и старый в пределах жизни одного поколения, но по сравнению с жизнью нескольких поколений – новее не бывает.

– Чайник...

– Брось... Сам ты чайник...

– Почему брось? – возмутился Муха. – Утюг не нужен, чайник тоже... Что надо?

– Так сам подумай... Сколько утюгу может быть лет, тем более электрическому,... не больше чем тебе... Потом, если б ты сказал, что нашёл самовар – тогда... да, а ты чайник.

– А... вот ящик...

– Чего у тебя там?

– Ящик, говорю,... старый, неструганный, из - под мыла.

– А что в ящике?

– Не знаю, крышка гвоздём прибитая, кто-то ковырялся, отдирал. Попробую вскрыть...

Муха взялся двумя руками за крышку ящика и изо всех сил потянул на себя. Гвоздь стал медленно вылазить из доски.

Гуделка до того спрятавшийся в старую галошу, как только увидел, что мальчишка отдирает крышку и вот – вот её отдерёт, чтобы спасти товарищей,

схватил горсть древесной струхи и бросил её Мухе за шиворот. Это был героический поступок.

– Тьфу ты, блин!! – ругнулся Муха.

– Что у тебя? – спросил Лёня.

– Струха какая-то за шиворот сыпется. Он бросил отдирающую крышку и стал вытряхивать из-за ворота струху. Гуделка тем временем посмотрел на ящик и ужаснулся – крышка была уже поднята на столько, что было видно Дунино платье и Катеринин платок. Муха же продолжал вытряхивать струху и ругаться. Гуделка тем временем вскарабкался на крышку ящика и подпрыгнул – крышка медленно под ним опустилась, а гвоздь вошёл в своё отверстие. После чего Глиня поспешил спрятаться опять в галошу.

В смелости Глине, конечно, не откажешь, сам рискует, а товарищей выручает, но посмотрим, что будет дальше?

После того как Муха вытряс струху, ему почему-то расхотелось отдирающую крышку. Он осмотрел пространство около ящика, и вдруг увидел Гуделку.

– Игрушка, кажется, из глины, за ящиком в калоше лежит. Вокруг пыль, а на ней нет, странно. Надо посмотреть... – Он нагнулся, взял в руки Гуделку и стал рассматривать.

.....

Глиня, как только очутился в руках у Мухи, сразу претворился мёртвым. Он даже глаза зажмурил, до того ему было страшно, хотя раньше глаз закрывать и не умел, видно страх так сковал мышцы лица, что глаза сами собой зажмурились, а рот перестал улы-

баться. И ещё ему страшно было оттого, что он не хотел попасть в руки к старьевщикам и антикварам. Мамушка говорила, что у старьевщиков будешь всё время лежать среди пыльных вещей и тебя будут стараться, как можно дороже сбыть всё равно кому. У антикваров же прямо наоборот – ты будешь очень чистенький лежать в тёмном ящике с другими ценными старинными вещицами и о вольной жизни, а тем более об играх с детьми, можешь и не мечтать.

.....

– Жмурик какой-то... – сказал Муха, разглядывая Гуделку.

– Так уж прямо и жмурик? – засомневался Пегас. – Жмуриками мертвецов называют.

– Жмурик,... точно... глаза зажмурены, а не закрыты, точно жмурик.

– Ты его лучше, Муха, выбрось, я что-то к мертвецам не очень отношусь. Даже и смотреть не буду... Сделан из чего?

– Из глины похоже.

– Обожженный?

– Не знаю...

– Ты чё, к Пал Палычу не ходил? Не можешь обожженную глину от не обожженной отличить? Дурка вяленая.

– Не обожженная вроде...

– Значит не керамика, а обыкновенная сушка. Помнишь, Пал Палыч про местную игрушку рассказывал. Он, наверное, и сейчас её поисками занимается?

– Я что-то не очень помню... – ответил Муха.

– К нему ещё учёный какой-то приходил и они долго с ним беседовали. Что, вспомнил? Это когда мы только ходить в клуб начинали...

– Не-а,.. это у тебя память лошадиная.

– А ты откуда знаешь, какая у лошадей память?

– Не знаю, поговорка такая. А точнее всего – у лошади голова большая, в ней много и помещается.

– У тебя голова больше моей, а что-то мало чего помнишь, – насмешливо сказал Пегас.

– Может быть Пал Палычу отдать?

– Кому?

– Пал Палычу.

– Ты чё... сдурел? Начнут допытываться, неприятностей не оберёшься. Нам, разумеется, от этого ни навару, ни привара. Сейчас, даже если это и историческая, саратовская – всё равно ничего не стоит. Глина дороже.

– Почему?

– Потому, что не раскрученная. Никто о ней в мире ничего не знает, да и в Саратове тоже. Пал Палыч занимался, только давно, когда мы в кружок ходили, тогда, кажется, и поостыл, а учёный тот – совсем исчез.

– Откуда знаешь?

– Прессу надо читать. Статья недавно была напечатана в газете. Мировое научное сообщество интересуется, куда делся профессор Позолотин... и так далее. Большая статья. Кембридж интересуется, даже австралийские учёные о нём спрашивают. Видно

большой был учёный. Я как прочитал фамилию, так и вспомнил, хотя до конца не уверен, что это о нём, возможно однофамилец?

Вдруг Пегас насторожился и стал осматриваться.

– Ты чего, – опешил Муха.

– Вроде дышит кто-то.

– Почудилось, – сказал Муха.

– Вроде как в той стороне, – и Пегас кивнул в сторону трубы. – Надо проверить, – и он сделал шаг в направлении трубы.

В это время Костя, чтобы отвлечь внимание Пегаса незаметно швырнул кусочек штукатурки от трубы в сторону.

«Швык...» – раздалось в том месте, куда упал брошенный предмет.

– Что это? – спросил Муха, насторожившись.

– Кошка или мышь... кому тут ещё быть.

Пегас сделал ещё один шаг в направлении трубы и тут же услышал, как где-то в стороне что-то звякнуло и прощуршало.

– Это, Пега, уже не мыши, – проговорил, испугавшись, Муха

– А что это по-твоему?

– Крыса... – сказал Муха, перестукивая от страха зубами.

– Тогда что дышало?

– Ветер в трубу задувает, – смекнув, сказал Муха.

– Твоя правда, – ответил Пегас и решительно направился к лестнице.

На этом чердаке ему делать было нечего. Кроме старых чёсок для расчёсывания шерсти они ничего не нашли.

– Может всё-таки игрушку в музей сдадим?... – опять спросил Муха.

Вместо ответа Пегас выхватил из рук Мухи Гуделку и бросил в валяющийся хлам.

– Пошли отсюда, – сказал он и направился к лестнице. Муха же наклонился, поднял Гуделку и сунул незаметно от Пегаса в карман.

– Охота была по музеям шляться... – проговорил Пегас.

– Зачем выбросил? – спросил Муха.

– Карманы твои жалко.

– Интересно ведь.

– Это тебе интересно, а специалистам нет... Или в детстве не наигрался?

Муха замолчал. Они направились к лестнице и стали спускаться.

.....

«Нет уж дудки, так дело не пойдёт», – подумал Свистопляс, собираясь выбраться из-за своего укрытия, чтобы освободить Гуделку. Он даже моментально разработал план спасения Гуделки. Этот план был очень прост. Как только Пегас и Муха спустятся в полуподвальное помещение, налететь на них со свистом и улюлюканьем, как это мог он отлично делать, те испугаются и бросят Глиню. Только плану этому было сбыться никак нельзя, потому что на чердаке были ещё двое мальчишек и неизвестно,

как они отнесутся к его появлению, вдруг так же сунут в карман, и пропал древний Свистопляс.

.....

В этот момент, пока Свистопляс раздумывал, Костя и Антон вышли из-за трубы и стали обходить и осматривать чердак.

– Чуть-чуть они нас не застучали, – сказал Антон.

– Чуть-чуть не считается, – заметил Костя. – Я штукатурки кусок бросил, а ты чего?

– А я зажигалку. У Кирюхи взял, на всякий случай.

– Теперь не найдёшь...

– Главное – не застучали, – весело сказал Антон.

– Ты прав.

– Вот только теперь понимаю, что испытывают разведчики, когда прячутся за портьерами – сердце вроде на месте, а душа в пятках, – хихикнул Антон.

– Точно, они в это место тогда наведывались. И сарай они подломали, – сказал Костя. Только интересно, почему они этот дом выбрали?

– Может быть, навёл кто? – предположил Антон.

– Не полезут же они, Тоша, в первый попавшийся дом, да на чердак без наводки?

– А ты откуда знаешь, что у них в голове? Может быть, это у них технология такая – берут часть улицы и осматривают все мало-мальски подходящие дома? А что, я бы поступал точно так же, можно сказать – конвеерный способ производства.

– Что, начал бы и сараи все подламливать? – и Костя испытующе посмотрел на Антона.

– Что ты ко мне пристал... «стал» «не стал». Я – это одно, а они – другое.

– Нам надо их политику понять, – сказал Костя, – главное знать – они целенаправленно шли или наобум, дескать, вдруг чего да попадётся?

– Я думаю, что сначала шли наобум, а второй раз, как побывали у Пал Палыча, пришли с интересом.

– Ты, Тоша, как Пинкертон, – у тебя голова на эти мозгокрутки здорово работает. Я тебе и вопросы задаю, чтоб твои мысли со своими сверить.

– И что после твоей сверки выходит?

– Пока ничего не выходит, могут действовать и по наводке, и так, как ты говоришь, конвейерно, правда, больше думаю, что действуют уже из интереса.

– Пошли отсюда, – сказал Антон, – перепачкались все, а нам чумазиками через весь город ехать, да и от мамки влетит, – и они направились к выходу. Неожиданно Костя остановился и толкнул брата, дескать, смотри. Антон посмотрел в ту сторону, куда смотрел брат, и увидел, приклеенный к печной трубе, небольшой листочек, на котором было написано синим фломастером в две строчки. На верхней строчке были крупно написаны буквы: «ЛБСП», а ниже в скобках – (Лига борьбы за справедливость и порядок), а ещё ниже были написаны слова: *«Справедливость, Справедливость, Разумность*

Сплочённость, Сознательность», причём бумага, где стояло второе слово «Справедливость» была в одном месте прорвана, видимо от большого нажатия, а ниже столбцами стояли цифры и против них непонятные слова.

1. 10 июня – Чугунихин зять.
2. 12 июня – экпроприация.
3. 15 июня – взятие Бастилии.
4. 17 июня – Нюркины сигареты.

Список был длинный, но из него ничего нельзя было понять.

– Пошли, мало ли тут кто чего налепит, – сказал Костя и стал обходить трубу, чтобы выявить ещё следы разумного пребывания индивидов.

.....

Как только Лёня Пегас и Муха спустились с чердака, они стали вылезать через разбитое окно наружу. Пегас вылезал первый, за ним карабкался Муха. Пегас вылез благополучно и успел скрыться за угол. Муха же чуть припоздал, потому как его толстый зад никак не мог сразу протиснуться в половинку окна. И не успел Муха разогнуться после того, как вылез, как метла ходко прошлась вдоль его лопаток.

– Не будешь по чужим домам шастать... – услышал он сзади сердитый голос.

Муха вскрикнул больше от неожиданности, нежели от боли. Пегас из-за угла схватил Муху за руку и они бросились бежать, а Никита ещё притопывал вдогонку, имитируя погоню, и улюлюкал до тех пор,

пока мальчишки не скрылись в Глебучевом овраге, буквально скатившись по крутому откосу.

В овраге они пришли немного в себя, почистились и решили отправиться на Сенной базар, чтобы сбыть старинные чёски.

– Зачем мы в этот дом полезли? – завязывая шнурки на ботинках, проговорил Муха. Это всё ты, Пега, со своими мозговыми выкладками. И что от этих выкладок осталось – полоса от метлы на спине, вот и вся наша добыча. Стратег тоже мне нашёлся... «Я кожей чую, что здесь что-то есть... ты мне, Муха, верь», – передразнил Пегаса Муха, – твои слова..., а результат?

Пегасу явно не хотелось связываться с Мухой, тем более, что тот был не в духе. А когда Муха не в духе, то для него авторитетов не существует, лучше помолчать пока. А способ, который критикует Муха, действует, его Пегас опробовал десятки раз и он его никогда не подводил. Были, конечно, срывы, но не по вине метода. Дело в том, что метод Пегаса пока может только выявлять присутствие объекта, но не находить сам объект.

– Что молчишь? – не унимался Муха. – Сказал бы чего-нибудь для успокоения.

– К попам иди успокаиваться, а здесь мы на работе.

– Пега, ну скажи, есть тут чего или нет, что букой смотришь? – помягчел Муха.

– Сколько раз тебе говорить – есть.

– А где?

– Понимаешь, если перевести на научные термины, то здесь весь двор фонит, как будто на каждом шагу одни клады зарыты. И сарай фонит, и дом фонит, и чердак... всё фонит.

– Что это значит «фонит», не радиоактивные же здесь отходы захоронены?

– Это я тебе для примера этот термин взял, чтоб понятно было, а как назвать это чувство я не знаю, вот и говорю «фонит». Только понимаешь Муха, фонит здесь как-то по-особому.

– Как это по-особому. Вот когда мы подошли к сараю я остро чувствовал, что там что-то есть и уходили чувствовал, что не взяли того, что нам надо было, не увидели, не распознали.

– Так ты бы принялся лучше...

– Не могу я пока этого Муха. Моего дарования пока хватает лишь на то, чтобы знать – есть что – или нет. Если керосином в сарай плеснуть или ацетоном, то во всём сарае будет пахнуть, а где конкретно пролито неизвестно, понял?

– Понял, только не совсем. Вот мы шли около сарая, от него фоново?

– Нет.

– Так почему тогда фоново?

– В этом Муха и вопрос. Я первый раз с этим столкнулся. То фоново, то не фонит. Тогда от дома фоново, прямо из окна, потом на крышу переместилось. Такого раньше никогда не было. Такое ощущение, что старинные вещи самопроизвольно перемещаются.

- Может быть, их кто перестанавливает?
- Нет, Муха, не перестанавливают. Мы когда на чердаке были, то в одном месте фонит, то в другом, то в третьем, чертовщина какая-то.
- А может быть оно живое и перемещается?
- Умную мысль сказал, Муха. Было у меня раз такое – одели собаке ошейник – реликвию на шею, она с ним и бегаёт. Только я этот фокус тогда быстро вычислил.
- Может быть и здесь так?
- Нет, Муха, не так, совсем не так. Тут думать надо. Чердак, как чердак.
- Может нечистая сила кружит? – испуганно сказал Муха.
- Ни чистая, ни нечистая, всё это сказки, только чувствую, что крупный куш нам светит, а вот взять пока не можем, не расшифровали. Как расшифруем, тогда и вещичка дастся,.. пыль что-ли ей уже в этом доме заражена?
- А у тебя всегда фонит?
- Нет, Муха, на это настраиваться надо. Без настройки в кармане вещь лежать будет и ты её не почувствуешь. Пошли, хватит тары-бары разводить.
- А у меня из кармана фонит? – спросил Муха.
- Да ну тебя, говорю, что настраиваться надо. А ты «фонит – не фонит», топай давай. – Муха обиженно засопел носом и пошёл за Пегасом.
- И так бывает, Муха разгадку другу в рот вложил. Что стоило Пегасу остановиться и настроиться на

его карман, а он нет. За эту оплошность Пегас не раз потом себя бранил маленьким язычком.

.....

– Про какие-то игрушки говорили, – сказал Антон, расхаживая по чердаку после ухода Пеги и Мухи, – Пал Палыча упоминали...

– Чего-то выбросили? Давай поищем...

– Давай... – Ребята стали внимательно осматривать чердак. Они просто не знали что Пегас выбросил Гуделку, а Мухаев его незаметно подобрал. Антон, чтобы дальше видеть, даже встал на ящик из-под мыла и с него увидел, спрятавшегося за старый валенок, Свистопляса.

– Так вот он,... вот! – воскликнул Антон радостно.

– Где!?

– Да вот, за валенком.

– Правда, игрушка... – сказал, с интересом рассматривая находку, Костя, – половина конь, половина человек,... интересно.

«На тебе, от одних схоронился, так другим в руки попал, – подумал Свистопляс. – так я и брата-Гуделку не спасу. Что ж, раз попался, деваться некуда, сразу не разбили и то хорошо, а там посмотрим, куда я влип? Главное не трепыхаться пока».

.....

– Давай Пал Палычу покажем, – сказал Антон, опуская Свистопляса в карман, – нашим старьевщикам он не понравился...

– Они жмурика нашли, а не его. Про игрушку с закрытыми глазами речь шла, а у этой глаза открыты, значит, другая. Хорошо, клади в сумку.

– Я его в кармане нагрудном понесу, – жалостливо сказал Антон. – Столько лет на чердаке провалялся... пусть мир посмотрит.

– Его вымыть сначала надо.

– Так он же чистый.

– Что, столько лет на чердаке провалялся и чистый? Не смеши, Тоша, людей.

– Я серьёзно. Пыль, конечно, немного есть, но он никак не похож на захламлённую вещь.

– Значит, Муха стряхнул, – предположил Костя

– Муха его даже не видел. Помнишь, на ту игрушку Муха говорил, что она тоже не пыльная?

– Может быть и говорил..., не запомнил.

– Странно это... – сказал Антон, бережно засовывая Свистопляса в карман рубашки.

Ребята, подшучивая друг над другом, покинули чердак. Во дворе их встретил Никита.

– Ну... что, охотники за реликвиями,... нашли что-нибудь?

– Вот игрушку нашли... – сказал Антон и показал Свистопляса.

– Вот... вот их покойная и делала. Светлой души была человек, царствие ей... Чего, только одного нашли?

– Одного, и то эти, выбросили.

– Порастаскали уже, эх людишки-человечишки. Только отнёс целый ящик и уже спёрли, гат-

паразит. Да, ладно бы взяли в дело, так нет... поразобьют.

– Мы не растаскивали, – обиделся Костя, – вы нас сами пустили.

– Вас-то пустил, да тут кроме вас нашлись охотники стёкла вышибать и в окна лазить. Огрел я одного нумизмата метлой, когда назад вылезал, теперь долго чесаться будет. Ребята ещё немного поговорили с дворником и, попрощавшись, пошли на троллейбусную остановку.

Глава 14. Червонец нервничает

Пегас на базаре сразу нашёл старьёвщика по прозвищу Червонец и показал ему чёски. Старьёвщик повертел в руках чёски и сказал:

– Больше червонца не дам, да и то, только из уважения к постоянному клиенту.

– Побойся бога, – заупирался Пегас, – вещь старинная, ты её в сей минут сбудешь, не залежится...

– Навар небольшой... только на прилавке место занимать будет, – безразлично позёвывая, ответил Червонец. – Забирай или оставляй, хватит баланду травить.

– А вот это не возмёшь, – сказал Муха и достал из кармана Гуделку.

Продавец поморщился...

– На старину тянет, конечно, – сказал он, размышляя, – но такие безделушки на любом чердаке можно найти...

– Так уж и на любом? – «Это он, чтоб цену сбавить так говорит» – подумал Муха.

– Зачем ты её взял, – прошептал Пегас Мухе. – Этот товар не идёт,... говорил же.

– Что Пегу не слушаешь, – услышав шепот Пегаса, сказал продавец и ухмыльнулся. – Он воробей стреляный, знает что почём.

– А чё... смотрится, – больше для себя, нежели чтобы заинтересовать Червонца, проговорил Муха и поставил игрушку на прилавок.

– Убери мусор, – сказал продавец.

В это время к прилавку старьёвщика приблизился высокий, с бородкой и усиками, худой, в очках с толстыми стёклами и с большими залысинами человек с портфелем в руках и, нагнувшись, стал пристально рассматривать выставленные на прилавке вещи. «Этот очкарик весь торг с Червонцем испортил, – подумал Муха, – отрастят бороду да усы и суются в самый ответственный момент. Наверняка ничего не купит, селёдка очкастая».

Очкарик осмотрел прилавок, а затем перевёл взгляд на Мухину игрушку, взял, покрутил в руках и сказал:

– Почём вещица?

Затем приподнял очки, поднёс игрушку поближе к глазам и стал изучающее её рассматривать.

– Гм,... интересно,... интересно... – проговорил мужчина и пощипал бородку-эспаньолку. – У вас одна или ещё имеется, – спросил он Червонца.

– Это моя... моя, – быстро сказал Пегас.

– Занятно, занятно... – сказал самому себе покупатель, – однако был прав профессор,... оказывается, он был прав. По его рассказам – один в один. Гм,... вот старая каналья..., всё-таки был прав... И сколько вы за игрушку просите? – спросил мужчина.

– Полтинник, – быстро сказал старьевщик.

– Она не твоя, – парировал Пегас. – Ты ж её не взял, а уже продаёшь. Ну, Червонец, у тебя и хватка?!..

– У тебя тоже не хуже, – ответил тот и отвернулся, показывая этим, что никакого интереса к товару и сделке не испытывает. – И вообще, отошли бы от прилавка,... нечего товар загораживать... А то, что на прилавок поставил, оставь. Закон знаешь – поставил – значит продал.

– Ты же отказался... – бросил Муха.

– Хорошо, молодые люди..., хватит спорить, – сказал очкарик, – значит, говорите, что вы её хозяин, – обратился он к Пегасу. Пегас утвердительно кивнул.

– У вас она одна или ещё есть?

– Если надо, будут и ещё, – встрял в разговор Муха.

– Я вас попрошу, если это удобно, принесите вещицы вот по этому адресу, – сказал покупатель и протянул Пегасу визитку. – Я там основательно посмотрю и мы договоримся о цене.

– За смешную цену не отдадим, – заявил Муха.

– Сто рублей за изделие вас устроит? – спросил покупатель.

– Двести, – повысил планку Пегас.

– Только без обмана, – проговорил очкарик, говоря этим, что торг закончен.

Пегас выдернул из рук покупателя визитку и положил в карман.

– Договорились.

– Подносите, тек-тек-тек. Завтра я занят, меня не будет, тек-тек. Вот что, приносите одиннадцатого числа часа этак в три, – уточнил мужчина. – Я жду вас, ребята,... в три. Жду, – и, улыбнувшись одними губами, быстро затерялся в толпе.

Пошли, Муха, поищем ещё, – после ухода покупателя предложил Пегас.

– Я на чердаке, кажется, ещё одну за валенком заметил, да ты помешал, – проговорил недовольным голосом Муха, – и в ящичке они наверняка были.

– Куй железо пока горячо! – хохотнув, и явно довольный сделкой сказал Пегас.

– Так, что ты зря на меня бухтел, – довольным голосом, но с укором проговорил Муха, Он был явно на высоте.

Договорённость вселяла надежду, Пегас заметно повеселел.

– Вот так-то иметь дело со знающими людьми,... это тебе не обдирала дешёвый, – сказал он и кивнул в сторону Червонца.

– Кто это обдирала дешёвый, – уловив сказанное, ослабил Червонец.

– Ладно, проехали, – сказал Пегас Червонцу, – ты тут в прогаре, потому как тебе больше предложить нечего.

– А вам есть чего?

– Будет чего, – сказал Пегас, удаляясь с Мухой от прилавка.

За углом они чуть было не натолкнулись на своего покупателя. Он стоял к ребятам спиной и разговаривал по телефону. Ребята остановились.

«Это инспекционная проверка, – говорил в трубку очкарик. – Я должен знать как действует механизм... Да – да. Это необходимо. Вы не осторожны... Никогда не произносите по телефону этого слова. «Изумруд» не для праздных ушей. Всё... разговор окончен», – и он, сложив мобильный телефон, подошёл к припаркованным легковым автомобилям, сел в «шкodu» и уехал.

– А тачка у него хорошая, – сказал с завистью Муха. – Мне такая нравится.

– Нам какая разница, – буркнул Пегас.

По дороге Пегас был задумчив.

– Ты чего насупился? – толкнув плечом Пегу, спросил Муха.

– Физиономия у этого покупалы знакомая. Если бородку и усики сбрить, то точно он будет. – После этих слов Пегас достал визитку и вслух прочитал: «Доцент Забродин Эдуард Аркадьевич. Тульская 5А»

– А кто такой доцент? – спросил Муха, когда они вышли с базара.

– Отстань.

– Ты чего? – опешил Муха.

– А вот чего. Дядя этот, и есть тот самый попула, к которому я когда-то давно ходил, о котором я говорил, помнишь? Он меня не узнал, да и я его не сразу. Адрес меня смутил, дом видно частный, я-то, в многоэтажку ходил, – и, помолчав, добавил: – Точно он... Забродин... Вот как пришлось встретиться. Фамилия не забылась. Ладно, старый друг – лучше новых двух,... поглядим, посмотрим! Шагай, Лёня, веселей. Эх-ма!

– Ты чего? – спросил Муха, глядя на повеселевшего Пегаса.

– Не налягай, после расскажу, самому надо всё обкумкать... Учёный, значит. Это хорошо. Для нас чем учёней – тем лучше. Что, Муха,... махнём снова на чердак? – осмотрим там всё досконально, щука наживку захватила,... понимаешь..., щука!.. не сшибала базарный!

– Сейчас нельзя, – сказал Муха. – Лучше к вечеру. Дворник нас приметил. У меня от его метлы и так меж лопаток чешется. Я же тебе говорил, что надо всё брать...

– Бывает и на маруху проруха, дружище. Однако ты прав,... нарываться на аборигена не стоит. Подождём до вечера.

– А где это Тульская? – спросил Муха, когда они шли за добычей.

Пегас долго молчал, видимо вспоминая, затем начал медленно говорить.

– Тульскую найдём, нет проблем. Меня сейчас сам Эдуард Аркадьевич интересуется. – Глаза при этих словах у Пегаса сузились, явно он что-то задумал или вспомнил нечто для себя очень важное. – Ах, Забродин, Забродин! Был я у него, только давно и то сопровождающим. Вдвоём мы тогда ходили с Кирюхой. Кирюха потом с родоками в Москву переехал и наш тандем распался. Я тогда в пристяжных был, а Кирюха за главного. Он к покупале ходил, а я у подъезда ждал. Потом Киря меня один раз к нему и одного посылал. Я в сделках не участвовал, только подай, принеси.

– Это когда вас покупала на дорогой штучке кинул? – уточнил Муха.

– Во-во... Тогда он в многоэтажке жил, а тут частный дом указан, без квартиры. Меня это поначалу смутило. А теперь нет, видно деньги накопил – собственным домом обзавёлся.

– А почему ты думаешь, что это он, раз так изменился?

– Я бы это не клеивал, да только того покупалу Кирюха тоже доцентом называл, вот мне и запомнилось.

– Совпадение...

– Таких совпадений в нашем деле не бывает. – Пегас помолчал и добавил уверенно, – он это, больше некому.

– Зря мы перед Червонцем свой секрет раскрыли, – проговорил Муха.

– Это ты про игрушку опять?

– Не то, что зря показали, а то, что провоняли, что у нас ещё есть, – уточнил Муха.

– Ладно, расслабься,... не думаю, чтобы Червонец играл на опережение, да и прилавок он свой не бросит, и где наш дом находится он не знает.

– Так-то так, только беспокойно как-то, – поморщился Муха.

– А ты, Мухай, начинаешь становиться настоящим сыщиком, раньше ты о таких вещах даже не заикался, а теперь..., вижу, растёшь, азарт появляется.

– Пока ноги бьёшь – о чём угодно подумаешь, потом же велосипед охота.

Дальше они шли молча, каждый думал о своём: Муха о велосипеде, а Пегас о покупателе и о Червонце. «Чего это Червонец на перехват пошёл, отказался, а потом – назад пятками?».

Много чего не знает Лёня. Не знает, например, что в это же время, за десять километров, в здании отдела милиции Заводского района идёт совещание, касающееся напрямую его Лёниного бизнеса. Если бы знал, то возможно он бы и пересмотрел план действий, но этого не случилось. Пегас шёл за игрушкой, а в это время в кабинет начальника милиции Заводского района входили сотрудники.

Глава 15. Интерпол информирует

Начальник милиции Заводского района полковник Ушанов собирал совещание. В кабинет входили милицейские работники и рассаживались на привычные места.

Ушанов обвёл взглядом собравшихся. На каждого из этих людей он мог полностью положиться. Вот сидит за передним столом полноватая женщина, уже пенсионерка Муза Карповна Городец – начальник розыскного отдела. На её счету столько раскрытых хитроумных преступлений, что никакие фильмы о сыщиках не идут ни в какое сравнение с её раскрытиями. Или инспектор по несовершеннолетним Сорокина Мария Васильевна – сколько малолетних преступников обязаны ей дальнейшей судьбой? Сколько этих бродяжек она вывела на правильную дорогу? Лихие девяностые страна никогда не забудет. Разве он может упрекнуть кого-то из них в недобросовестности? Однако сегодня он их собрал не затем, чтобы хвалить.

– Николай Ильич! Не томите... – проговорила Мария Васильевна, – все уже здесь.

– Дело необычное, – начал полковник. Только что был на совещании. – И он показал пальцем вверх. Информация такая – из России за рубеж поступают антикварные изделия.

– Так они и всегда поступали, – сказал один из оперативников.

– Поступали, но разрозненно, – пояснил начальник, – сейчас другое дело, поступают партии. Это информация от Интерпола. Нам надо принимать меры, дело носит не эпизодичный характер.

– Есть какая-то наводка? – поинтересовалась Муза Карповна.

– Можно сказать – нет ничего, – полковник пожевал ус. – У Интерпола на этот счёт тоже ничего определённого. Предполагается, что за этим стоит хорошо законспирированная организация. У Интерпола даже есть предположительные названия – «Рубин», «Алмаз», «Изумруд» и тому подобное. Таким сообществам можно дать любое название из названий драгоценных или полудрагоценных камней, – и он махнул рукой, дескать, не забивайте себе головы названием. – Может быть, у кого есть какие соображения или информация на этот счёт? – спросил он, почему-то посмотрев на Музу Карповну.

– Пока никакой информации не поступало, – сказала Муза Карповна. – Думаю, что должны проявиться низовые звенья в цепочке. Кто-то ведь собирает старинные вещи, кто-то реставрирует, хранит и так далее...

– Обратите внимание на факты воровства старинных изделий, – добавил полковник.

– Это само собой разумеется, товарищ полковник. Только как они попадают за границу? Что, есть факты ареста таможеней? – спросила Городец.

– Попадают они туда совершенно легально, как изделия, не имеющие исторической и художественной ценности, – ответил полковник.

– Кто-то это установил? – допытывалась Муза Карповна.

– Установила это комиссия по культурным ценностям, которую возглавляет доцент Эдуард Аркадьевич Забродин. Пока больше никакой информации.

– Думаю, что с комиссии надо и начать, это единственная зацепка на сегодняшний день – сказала Муза Карповна.

– Хорошо, учёных учить не буду, – сказал полковник. Можете быть свободны – и он встал из-за стола. Собравшиеся дружно стали выходить из кабинета.

– Мария Васильевна! – окликнул полковник Сорокину.

– Тебя, – толкнула локтем Марию Васильевну Городец. Мария Васильевна остановилась и выжидающе посмотрела на полковника.

– Хотел вас спросить о новеньком, о...

– О Митине, – помогла ему вспомнить фамилию Юры Сорокина..

– Да, да о нём.

– Ничего, привыкает, схватлив, но пока, как говорить, молодо-зелено. Вчера, например, минут пятнадцать наблюдал как воробей по подоконнику прыгает. Он ему даже семечек носит, покупает у ба-

бульки на остановке и подкармливает, видите ли воробей у него жареные и без соли любит.

– Кто?.. Воробей? – спросил подполковник, – пряча улыбку в усы, – он точно схватлив.

– Оба схватливые. – уточнила Сорокина. – У одного ни одна крошка с подоконника на землю не падает, а у другого идей полна голова.

– Это хорошо... это даже очень хорошо! – улыбнулся полковник.

– Что хорошо? – переспросила Сорокина, – что воробей по подоконнику прыгает, или что стажёр за ним наблюдает? И тоже улыбнулась.

– Всё хорошо, – уже серьёзно сказал полковник. – Воробей – это дело серьёзное, показатель того, что у вашего подопечного душа не чёрствая. Это в человеке беречь надо, это будущее милиции. – Полковник помолчал. – Запомните, Мария Васильевна, вот кто сейчас придёт к нам работать, после этих круговертей в стране, такая наша и милиция завтра будет. Придут те, кто по воробьям из пистолета стреляет – одна милиция; придут Митины, что воробьёв на подоконнике кормят – будет совсем другая. Правда, институт уже не милицией будет называться, а полицией. Есть такое мнение и желание, – полковник поднял палец кверху, – в полицию нас переименовать. Только как не назови, а обязанности будут всё те же.

– А какое же указание будет? – не мешать будущему полицейскому младшему лейтенанту Митину

на подоконнике воробья семечками кормить, так я поняла? – улыбаясь, спросила Сорокина.

– Ах, Мария Васильевна, Мария Васильевна, – покачал головой полковник, – как была остра на язык, такой и осталась. Ступай, не задерживаю.

.....

К вышесказанному необходимо добавить, что в это самое время, когда в кабинете начальника милиции Ушанова собрались сотрудники отделов, за тысячи километров от Саратова, в уютном сквере, на восточном побережье Атлантического океана встретились два джентльмена. Они зашли в кафе и разместились на открытой веранде за столиком. Эти двое – единственные посетители заведения. Беседуют на английском. Один, должно быть англичанин, с тяжёлым мясистым носом, и таким же тяжёлым подбородком, стряхивая пепел сигары в фарфоровую пепельницу, говорит длинному сухощавому с оттопыренными ушами собеседнику:

– Ваша задача, любезнейший, раз вы занимаетесь коммерцией, выйти на интересующую нас в России тему. Вы, Батист, по-прежнему занимаетесь антиквариатом, не так ли?.. Ваше дело процветает? – И, не дожидаясь ответа, продолжил, цепко ловя взгляды собеседника. – Нам необходимо знать всё, что касается народной глиняной игрушки.

– Не понимаю, Бакстер, зачем вашему столь серьёзному ведомству детская забава? – удивился сухощавый.

– Этого вам знать не надо. Главное, что наше ведомство вам хорошо заплатит, если интересующая нас глиняная штукавина будет лежать в нашем сейфе.

– Но, сер, я никогда не слышал, чтобы в Саратове бытовала народная игрушка. Видно вы с чем-то спутали?

– Наше ведомство, господин коммерсант, никогда, ничего не путает. – Твёрдо произнёс собеседник. После этих слов обладатель тяжёлого носа и тяжёлой нижней челюсти встал, положил на стол перед коммерсантом несколько пачек денег. – Это аванс, – произнёс он, не вынимая изо рта сигары, и, не попрощавшись, направился к выходу.

После его ухода сухощавый ещё какое-то время посидел за столиком, обдумывая неожиданно свалившееся на него предложение. Затем он почувствовал себя неважно. Коммерсант знал, что в этом случае надо делать. Он достал кусочек сахара, положил в рот, подождал, когда отступит приступ диабета, спустился по ступеням с открытой веранды и зашагал по тенистой аллее.

Только ты, уважаемый читатель, не подумай, что Батист является насквозь прожжённым коммерсантом и что кроме долларов его ничего не интересует. Господин Батист всегда помнил о том, что в его жилах течёт кровь предков-аристократов. И как просвещённый человек он не мог не понимать, что данное предложение толкает его перешагнуть некую

совестную линию, которой Батист очень дорожил. Ему было неприятно, что он, Батист, должен отобрать у иного народа его игрушку и увезти. В это время он представлял этот народ ребёнком и понимал, что игрушка в данный момент не может быть предметом торга.

Батист не был лишён сентиментальности, но в нём всегда боролись два равносильных чувства – чувство корысти и чувство долга. Хотя последнее чувство стало в окружающем его мире всё более хиреть и изживаться. Батист знал об этом и старался сберечь в себе это последнее, что он унаследовал от предков. На этот раз чувство корысти победило, Батист не смог отказаться от выгодного предложения. После ухода Бакстера он посидел ещё какое-то время за столиком, затем встал, пересчитал деньги, положил их во внутренний карман пиджака и, довольный, насвистывая весёлую песенку, вышел из кафе и зашагал по тенистой аллее.

Была и ещё одна немаловажная деталь в облике Батиста – это его стеклянный глаз. О-о-о! Это был особенный глаз. Дело в том, что имея голубую роговицу, глаз, когда Батист шёл на сделку с совестью и в нём побеждало стремление к наживе, начинал менять свою окраску и из голубого становился коричневым, что всегда изумляло его собеседников, а Батисту доставляло немало хлопот. На этот раз у предпринимателя стеклянный глаз сделался почти чёрным, а вот с другим, живым глазом, ничего подобного не происходило. В эти минуты Батист был

рад, что Бакстер обратился именно к нему, а не к кому-то ещё. Выгодное предложение. Значит его, Батиста, ещё ценят.

Глава 16. Проклятая крышка

– Вот теперь ни Гуделки, ни Свистопляса не стало, – проговорил горестно Заступник, – унесли Глиню. Маленький рыжий положил в карман и всё. А он с Свистоплясом хотел помочь нам сдвинуть эту проклятую крышку.

– А вторые, забрали Свистопляса, – проронил Пустолай.

– Нас осталось совсем мало, – сказала в полумраке ящика Дуня. Жалко, что так получилось. Где теперь Васёк, Белянка и Смуглянка? – и она глубоко вздохнула. – А теперь нет Гуделки и Свистопляса.

– Гуделка с Свистоплясом хотели нас выручить, только у них времени не было, – сквозь слёзы сказала Дуня. – А Белянка и Смуглянка совсем ещё дети...

– «Васькину жизнь» изучают, – съязвил доселе молчавший Мурлотик. Он молчал потому, что от запаха мыла у него очень болела голова. – Им хотелось «Васькину жизнь» посмотреть, вот теперь наслаждаются ей в полном объёме.

– Ты думаешь, Мура, что им несладко? – спросил Пустолай.

– Я даже в этом не сомневаюсь... К доброму пуститься очертя голову, не взвесив все «за» и «про-

тив» и то опасно, а уж к плохому, да с их верхоглядством и наивностью, что ж тут ожидать? По-моему всё заранее предопределено.

– Неужели так всё неотвратно?! – почти выдохнула Дуня.

– А ты что думала!? – ответил Мурлотик, – синеволосая как раз их этой жизни и научит, будь спокойна. По ней видно, что она эту «Васькину жизнь» знает не понаслышке.

– Бедные девочки, совсем глупенькие, – проговорила Дуня.

– Вот таких молодых, глупеньких и одурачивают, – сказал Пустолай.

– Их бы побыстрее из этого гламурного болота вытащить, – проникся к судьбе глиняшек Заступник.

– Как вытащишь? когда сами в ящике, – буркнул Пустолай.

– Свистопляса с Гуделкой тоже нет, – грустно заметила Дуня.

– Сами виноваты, – напустился на отсутствующих Пустолай, – нечего по чердакам одним шастать, вот и угодили в руки кладоискателей, тоже мне, скудельные борцы с несправедливостью.

– Почему ты так говоришь, – возразил кот. – Они не скудельные борцы с несправедливостью, они самые настоящие борцы... Если бы не Глиня, то нас бы тоже в карманы засунули и унесли. Глиня ведь крышку опустил. Он герой, не побоялся, хотя мог убежать и спрятаться в какую-нибудь старую кало-

шу в самый нос и не выглядывать, а он за нас переживал.

– Почему Мурлотик ты говоришь «угодили». Мы видели и слышали, что забрали одного Гуделку, – высказал мнение Пустолай.

– Это первые взяли Гуделку, а вторые взяли Свистопляса... и, замечу, не просто шалости ради, – прокомментировал ситуацию кот.

– Объясняй свои заумные фразы, – проговорил Пустолай, – а то пока расшифруешь – с ума сойдёшь.

– Тут и расшифровывать нечего, – пояснил Мурлотик. – Вы обратили внимание, что и те и другие говорили об игрушках, что они чистенькие, среди пыли, паутины и голубинового помёта?

– Кажется, что-то такое было, – вопросительно посмотрел на кота Заступник. – Я на это не очень обратил внимание.

– А они обратили, – со знанием дела проговорил Мурлотик.

– И что из этого? Они ж не высказали никакого суждения, – заметила Катерина.

– Это они сейчас не высказали... И, поверьте мне, что из этих четверых хоть один, но обладает хорошим аналитическим умом и об этом вспомнит и ситуацию разберёт по косточкам.

– И что? – нахмурился Пустолай.

– А то, Пустолаюшка! Вот когда их аналитик вспомнит разговор и разложит всё по составляющим, тогда и будет каша с изюмом.

– Ты нам про кашу тем более с изюмом не напоминай, – проговорили Дуня и Катерина почти разом, – ужасно есть хочется, говори толком.

– Тоже мне нашёлся аналитик усатый, – сказал ворчливо Пустолай.

Только кот на него нисколько не обиделся. Он уселся поудобнее на свой хвост, полизал лапу и, почесав ею затылок, проговорил размеренно и важно:

– Вот когда их аналитик вспомнит об этом, то он быстренько свяжет в единое целое и старость дома, это раз, – Мурлотик загнул на лапе когтистый палец, – и попытается проверить не спонтанно содержимое сарая, это два. – загнут был на лапе второй когтистый палец. – А в сарае, поверьте, много есть того, по чему нетрудно сделать вывод – чем же занимались его хозяева? Так разноцветную глину в ларях он быстро в уме соединит с нашим раскрасом... Тут даже и думать много не надо, всё элементарно...

– Не пугай, – сказала Дуня, – а то от твоего медленного и таинственного говорения мурашки по коже бегут.

– Соединит, ну и что? – повернулся к коту Пустолай. – Это не хлеб с маслом соединить, что съесть можно.

– Мурлотик прав, – вмешался Заступник. – Они поймут, что достаточно чистенькие игрушки среди пыли не случайность.

– Они придут к выводу, что в этом доме делали игрушки, тем более, что в сарае столько этому вещественных доказательств, – проронил Пустолай.

– Молодец, Пустолаюшка, – похвалил пса Мурлотик, – начинаешь думать, только не до конца.

– Я ещё понимаю, что они могут вернуться и отыскать ещё какие-либо игрушки, то есть нас с вами, – добавил Пустолай.

– Это они сделают в том случае, если покажут Свистопляса или Гуделку знающим людям и у них игрушки купят, тогда появится коммерческий интерес, а стало быть после этого возможно и досканальное исследование чердака, – заключил Заступник.

– Думаю, что сегодня они уже не успеют это сделать, – заметил Пустолай.

– Хорошо бы, – поёжилась от страха Катерина, – а то мурашки по коже от ваших прогнозов.

– И тогда они нас могут найти?! – Почти крикнула Дуня.

– Они нас тогда не просто «могут» найти, Дуняшь, – они нас обязательно найдут, – проговорил Мурлотик. – но не это главное.

– Я чего-то не додумываю, поясни, Мура, – и Заступник вопросительно посмотрел на кота, – что там ещё?

– Да ты, Заступа, просто мозги не напряг. Тут всё просто – найдя нас в ящике, они не удивятся, как говориться – что искали, то и нашли... Понятно, что нас перед тем как сложить в него протёрли и так

далее, то есть бери и неси не базар, как сейчас говорят «руби бабло». Хуже с дружками – Глиняшкой и Свистоплясом. Возникает вопрос на засыпку – они-то почему чистенькие?

– Не помню, когда они последний раз чистились, с сомнением в голосе сказал Пустолай, – пока Дуня с Катериной не ототрут да не отмоют, так и будут чумазные ходить, мышей пугать.

– Я не об этом, – проговорил Мурлотик. – Они всё равно чище чем должны быть. И возникает вопрос: «Почему?». А вот тут достаточно пытливый ум обязательно приведёт их к умозаключению, не только об виртуозности мамушкиных рук, но и о наших особенностях.

– Я не согласна, – сказала Дуня, – синеволосяя с «добрячком» видели Васю, Беянку и Смуглянку в действии и ничего? Они им даже частушки пели и выплясывали...

– Ну ты, тонкопряха, даёшь! – удивлённо воскликнул Пустолай, – они же их рассматривали как игрушки, привезённые из Японии, ты что, запоматовала? У них даже в мозгах не было того, что это игрушки не только отечественные, но и саратовские, да тем более ещё старинные.

– Пустолай правильно говорит, – поддержал пса Мурлотик, – именно так и есть, поэтому с этой стороны нам расшифровка не грозит, пусть так думают. Ни синеволосяя, ни «добрячок» в этом деле не спецы.

– Видите! – довольным голосом произнёс Пустолай, – мои мозги тоже на что-то годятся, сам Мура похвалил.

– Они у нас у всех скоро заработают как часы, когда встанет вопрос жизни, смерти или неволи, что не много лучше, – заключил Заступник.

Игрушки умолкли, Свистопляса с Гуделкой всем было очень жалко. Жалко было и себя. Как выберешься из пропахшего мылом ящика?

– Жаль, что мы не можем отсюда выбраться, – со вздохом сказал Заступник, крышка тяжёлая, просто неприподъёмная.

– Это она раньше была неприподъёмная, потому как Никита забил её гвоздём, – сказал кот. – Мальчишка, этот Муха, гвоздь вытащил. Только мне что с гвоздём, что без гвоздя всё равно этой крышки не осилить. Я её и без гвоздя не подниму.

– Мальчишка этот гвоздь хорошо раскачал, теперь легче должен пойти, – заметил Пустолай.

– А ведь это идея! – Воскликнул Заступник. – Я тогда пытался поднять прибитую крышку, а теперь она прибита, но не так крепко, молодец, Пустолаюшка, надо попробовать ещё раз.

– Молодец с моей подачи, прошу не забывать, – заметил Мурлотик.

– Золотая у тебя голова, Мурлотик. – Проговорил Заступник.

Заступник снова попытался поднять крышку – крышка покачивалась, но вверх не шла, разве только чуть-чуть. Даже неискушенному в этих делах и то

было понятно, что Заступнику не хватает роста, чтоб упереться по-настоящему. Срочно требовалась свежая идея – как увеличить рост Заступника?

Глава 17. **Компаньоны**

Глиня, очутившись в кармане Мухи, сразу сообразил, что рыпаться не стоит, а надо дожидаться удобного случая, чтобы сбежать. Так, находясь в кармане, он проследовал с ребятами на Сенной рынок. В торговых рядах на Сенном его удивило скопление большого количества народа, чего он никогда не видел. Он хотел было остаться на прилавке у Червонца, так называл продавца один из мальчишек, но потом ему расхотелось, больно уж придиричивый был к Глине этот торговец. И это – ему не так, и то – не эдак. А потом подошёл этот самый доцент. Вот, что значит знающий человек! «Вы, – говорит, – принесите игрушку, то есть его, Глиню, по адресу и ещё других прихватите. Это какие другие? Это, значит, он просил и Заступника, и Дуню, и Сви-stopляса – всех, значит прихватить. Вот здорово! – обрадовался Гуделка, – снова будем все вместе! Ура... – чуть было не закричал он от восторга. – Вот какой я молодец, что не стал далеко прятаться! Я просто смышлёная игрушка! Я – гений! Теперь, посмотрим, где живёт доцент? Вперёд, к доценту... Пошевеливайте ногами, Пега и Муха, Гуделка к умным и добрым людям едет, это вам не шухры– мухры. Да посмотрели бы на меня со стороны Пустолай

и Заступник, поди, не стали бы говорить, что мы со Свистоплясом ветреные, да ещё без царя в голове. Вот вы там сидите в ящике из -под мыла – и сидите. А я вас скоро приду и выручу, и вы тоже со мной в Дрезден поедете на выставку, а Васёк говорил, что заграница – это здорово..., не дураки, разберёмся...

Гуделка откровенно радовался и даже напевал песенку, которую тут же и сочинил, ему было весело. Его несли доценту, знающему человеку. Он был полон надежд.

Я игрушка не простая!

Я удачливее всех...

Я нигде не оплошаю,

Не поднимут куры смех.

Глиня не обращал внимания на то, что у него и как складывалось главное – ему было весело, а раз весело, значит хорошо.

«Жаль, что нет Васька с гармошкой, он бы подпел. У него здорово выходит» – подумал Гуделка, – сейчас бы мы ударили во все колокольчики.

Но тут он вспомнил о своём друге Свистоплясе, который схоронился за валенками и его мальчишки не увидели. Глаза у Гуделки сразу повлажнели. Расставание с Свистоплясом в его планы не входило. После того, как он вспомнил о Свистоплясе, ему стало горько, что даже путешествие на базар и знакомство с доцентом его перестали радовать. Одно утешало, что ребята решили возвратиться на чердак и поискать там другие игрушки. Конечно, Глиня мальчишкам подскажет, где находятся глиняшки,

он им скажет, что они в ящике из - под хозяйственного мыла, что в нём дурно пахнет и что их надо скорее оттуда вызволить. Осталось совсем немного времени и они будут все вместе у учёного человека, это здорово! На них будут смотреть уважаемые люди, искусствоведы, художники... У этого доцента очень интеллигентное лицо, а бородка какая? Гладенькая, ухоженная, не то, что у Никиты, клоками и в разные стороны. А очки какие? Такие очки очень умные люди носят. А телефон у него какой навороченный. «Алло... алло! Слово «Изумруд» не для праздных ушей...», – повторил, он сказанное доцентом, совершенно не предполагая, что об этом же самом и по этому же навороченному телефону доцент снова сейчас ведёт разговор и с тем же самым лицом, кому он и звонил.

.....

Эдуард Аркадьевич не стал выяснять отношения при мальчишках, зато, когда остался один, решил тотчас перезвонить.

– Слушаю вас, Эдуард Аркадьевич, – раздалось в трубке.

– Здравствуйте, Фома Фомич! – сказал доцент. – Вы мне нужны, Фома Фомич.

– Лёгко на помине, Эдуард Аркадьевич. Очень рад, что позвонили. А я вам собирался звонить. Дельце у меня к вам нарисовалось.

– Давайте встретимся... Сам я подъехать не могу, сами понимаете..., встреча, оценка...

По тону разговора было понятно, что Фома Фомич и Эдуард Аркадьевич друг друга хорошо знают и даже находятся в приятельских отношениях.

– Есть что-то интересненькое? – спросил Фома Фомич, – А то у меня сейчас гости, точнее гость с «коварного» запада... – На той стороне раздался самодовольный хохоток.

– Откуда?

– Из Франции, любезный. Я обязательно вас познакомлю, только все сделки через меня.

– Это не телефонный разговор, – сказал доцент. Вы выпили и говорите лишнее.

– Всё,... всё. Эдуард Аркадьевич, не волнуйтесь, мы действительно кое-что употребили..., да-да... Если сегодня не приду в норму, то буду попозже, но обязательно. Думаю, что у вас не горит, а гость для нашего «Изумруда» очень важен.

– Хорошо,... хорошо, Фома Фомич, – нервно проговорил доцент. Только никогда не произносите по телефону этого слова.

– Хорошо,... хорошо, до встречи.

Доценту тон Фомы Фомича явно не нравился. «Боров с помойки» – проговорил он вслух. Тоже, со свиным рылом да в калашный ряд. Возомнил о себе. Но тут в своих размышлениях доцент осёкся. «За чем ворошить прошлое и сводить счёты, – подумал он, – Фома Фомич – уважаемый человек. Тем более, что он ему, доценту, очень нужный человек, а сейчас особенно. У них общее дело. Нет-нет, он на своём месте и всё идёт по задуманному плану. Фома Фо-

мич делает своё дело и хорошо делает, а то, что он любит молоденьких красоток, типа синеволосой, да деньги – так кто ж их не любит в современном мире. Только всё это может провалить дело. И не только провалить с таким трудом налаженный механизм, но и упрятать его, Эдуарда Аркадьевича, в тюрьму.

Эдуард Аркадьевич зябко поёжился: «Нет, не хватает у людишек терпения довести дело до конца,... слаб человек, – рассуждал он, – чуть деньги в кармане появились, сразу водку подавай, развлечения мыслимые и немыслимые. На этом и горят. Не может человек со своими страстишками справиться... ой не может!.. Сколько умнейших людей подвели под монастырь эти страсти...». Потом Степан Аркадьевич стал думать о том, что без компаньона ему никак нельзя. А ведь умнейший человек этот Фома Фомич, пол-города в кулаке держит, он и ему самому здорово помог в своё время. Правда, образования Фоме Фомичу не достаёт, в оценке культурных ценностей он ноль, однако природный талант и хватка железные. А в общем- то это для Забродина и хорошо. Со своими знаниями он нужный человек и нужный для Фомы Фомича всегда.

Продолжение романа в книге шестой.

Содержание

Вступление	4
Глава 1. Отверженные и позабытые.....	4
Глава 2. Незваные гости.....	23
Глава 3. Фома Фомич.....	40
Глава 4. Стажёр.....	58
Глава 5. Загадочные камешки.....	62
Глава 6. Таинственные жители.....	76
Глава 7. Непризнанная болезнь.....	117
Глава 8. Перестань пошлить.....	139
Глава 9. Я бы тоже колёса проколол.....	152
Глава 10. Муха признался.....	167
Глава 11. Приживалы.....	178
Глава 12. Какому богу молиться?.....	199
Глава 13. На чердаке.....	209
Глава 14. Червонец нервничает.....	240
Глава 15. Интерпол информирует.....	248
Глава 16. Проклятая крышка.....	255
Глава 17. Компаньоны.....	262

Литературно-художественное и краеведческое издание

Пётр Петрович Африкантов

Сказки о Саратове

роман

«СТАРЫЙ ДОМ ПОД ЧЕРЕПИЧНОЙ КРЫШЕЙ»

Книга пятая

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод
«Римкер».

-mail : p.africkantov@yandex.ru